

УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ПРИУРАЛЬЯ
КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОГО
ОБЩЕСТВА

Личность в науке
(юбилейные очерки и заметки)

ИЖЕВСК 2008

УДК 902(091)
ББК 63.401

Л666 Личность в науке: юбилейные очерки и заметки / Отв. редактор
О.М.Мельникова. – Ижевск: УдГУ, 2008. – 155 с.

Книга посвящена юбилею к.и.н., профессора кафедры археологии и истории первобытного общества исторического факультета Удмуртского государственного университета В.А.Кананина. Издание представляет собой заметки и очерки коллег ученого и выпускников УдГУ. В них раскрывается личность исследователя и преподавателя, описываются различные факты из 35-летней истории Камско-Вятской археологической экспедиции УдГУ, связанные с деятельностью В.А.Кананина. Книга дополнена списком научных работ юбиляра.

Издание вызовет несомненный интерес как значимый источник по новейшей истории отечественной археологии, поэтому оно адресовано широкому кругу читателей, интересующихся наукой и биографиями тех, кто работает в ней.

©Удмуртский государственный университет
©Бауэр Т.Г., Белецкий С.В., Булатова Н.А.,
Глухов С.А., Голдина Р.Д., Дерендяев С.С.,
Зевакина Г., Кабиров Р.Г., Казанцева О.А.,
Колзина А.Л., Лыков А.И., Лыкова А.Б.,
Макаров Л.Д., Макарова И.В., Мельникова
О.М., Микрюкова С.М., Пушкарева В.В.,
Сергеева Г.В., Фонарев А.В., Черных Е.М.,
Шишкина Н.Г., Шутова Н.И., Энгвер Н.Н.,
Ютина Т.К.

Содержание

Предисловие	4
Голдина Р.Д. О Владимире Алексеевиче Кананине.....	7
Белецкий С.В. Песенная классика российского студенчества.....	43
Глухов С.А. Ритмы жизни.....	57
Энгвер Н.Н. О В.А.Кананине.....	70
Шишкина Н.Г. Юбилейное слово о коллеге.....	71
Шутова Н.И. В.А.Кананин и Камско-Вятская археологическая экспедиция в 1973–77 гг.	73
Пушкарёва В.В. ...Оказывается, что я знаю В.А.Кананина уже 35 лет.....	76
Ютина Т.К. Коллегам о коллеге – археологе. Несколько зарисовок к юбилею В.А.Кананина	80
Бауэр Т., Зевакина Г. Кумир.....	92
Макаров Л.Д., Макарова И.В. Дело было в Агафоново	93
Дерендяев С.С. Лойко Зобар.....	97
Микрюкова С.М. Как молоды мы были... ..	102
Фонарев А.В. Из студенческих лет... ..	104
Кабилов Р.Г. Вопросы Владимиру Алексеевичу Кананину от неизвестного автора через 35 лет	106
Булатова Н.А. Ура! Мы – студенты истфака!	108
Черных Е.М., Сергеева Г.В. Дожди забренчали сонаты... ..	111
Казанцева О.А. «Слово Кананина». К портрету юбиляра	116
Колзина А.Л. В.А.Кананин как педагог	118
Лыкова А.Б., Лыков А.И. Удача быть учеником	121
Мельникова О.М. Вместо заключения. Феномен «Кананинской культуры» в археологии	123
Список научных трудов В.А.Кананина	130

Предисловие

2007 год - определенная веха в жизни исторического факультета - старейшего в УдГУ - 35 лет Камско-Вятской археологической экспедиции (КВАЭ). У истоков создания КВАЭ был Владимир Алексеевич Кананин, ныне профессор кафедры археологии и истории первобытного общества, которому в 2008 г. исполнится 60 лет.

В.А.Кананин родился 28 января 1948 г. в с.Армизон Тюменской области. С 1967 по 1972 гг. учился на историческом факультете Уральского государственного университета им. А.М.Горького.

В декабре 1972 г. В.А.Кананин приехал в только что открывшийся Удмуртский государственный университет по приглашению своего научного руководителя Р.Д.Голдиной, незадолго до этого избранной по конкурсу в УдГУ по рекомендации видного российского ученого-медиевиста В.Е.Майера, заведующего кафедрой всеобщей истории.

После собеседования с тогдашним ректором Б.Н.Шульгой В.А.Кананин был принят на работу в качестве декана факультета общественных профессий (это примерно та же работа, что выполняет ныне Управление по внеучебной и воспитательной работе). Кроме того, В.А.Кананин также был избран на должность преподавателя кафедры всеобщей истории, а потом, после ее разделения в 1983 г. - кафедры древнего мира и средних веков УдГУ, на которой проработал до 1988 г. Со времени основания КВАЭ исполнял обязанности заместителя ее начальника. В 1986 г. был назначен на должность заместителя декана исторического факультета. В этом же году защитил в Москве (ИА АН СССР) кандидатскую диссертацию на тему «Население верховьев р.Камы в эпоху средневековья (западный вариант ломоватовской и родановской культур)».

В 1988 г. после образования кафедры археологии и истории первобытного общества В.А.Кананин был зачислен в ее штат на должность доцента. В 1992 г. получил ученое звание доцента, с 1998 г. и по настоящее время В.А.Кананин работает в должности профессора этой кафедры.

В 1991 г. приказом ректора В.А.Кананин был назначен деканом исторического факультета, в 1992 г. избран на эту должность Ученым Советом исторического факультета. Выполнял обязанности декана с 1991 по 1997 гг. Кроме того, с 1991 по 2000 гг. был членом диссертационного совета по защите кандидатских диссертаций по специальности «Археология, этнография, антропология» на историческом факультете УдГУ.

Эпоха резких рыночных преобразований в начале и середине 90-х гг. - непростой период в жизни высшей школы России. Государственная

поддержка сократилась до минимума, всячески пропагандировались идеи о самостоятельном развитии университетов, от факультетов настоятельно требовали учиться самим зарабатывать деньги. Стали внедряться платные формы обучения. Главной проблемой руководителей структурных подразделений (деканов) стало сохранение кадрового и научного потенциала факультетов, особенно молодых ученых. Из-за низкой зарплаты преподаватели вынуждены были работать на стороне, на нескольких работах или вообще уходить из университета.

В 1993 г. по предложению В.А.Кананина различные платные формы обучения на историческом факультете были сведены в определенные, достаточно четкие организационные формы. С одобрения ректора В.А.Журавлева в 1994 г. на базе исторического факультета возникло самостоятельное структурное подразделение - Высший колледж социально-политических наук (ВКСПН) - директором которого стал В.А.Кананин.

За это время в Колледже были лицензированы 3 специальности высшего профессионального образования «Регионоведение», «Международные отношения», «История» (сокращенные формы обучения), а также одна специальность среднего профессионального образования – «Архивист-делопроизводитель».

В это же время, по инициативе В.А.Кананина, при активной помощи выпускника исторического факультета, бизнесмена В.А.Шаталова был организован «Республиканский фонд развития науки и образования» (Фонд Шаталова), который за время своего существования (1993-2001 гг.) благодаря финансовым возможностям внес определенный вклад в развитие факультета: были проведены несколько научных конференций (в том числе международные); выплачивались именные стипендии студентам, финансировались научные поездки молодых ученых за рубеж, издавались научные книги, осуществлялась поддержка материальной базы учебных и производственных практик факультета, за счет фонда приглашались на факультет зарубежные ученые и преподаватели.

За годы деканской деятельности В.А.Кананин активно способствовал развитию нескольких международных проектов, среди которых следует особо выделить программу «Темпус», финансируемую Европейским Союзом.

В.А.Кананин - известный ученый в области средневековой археологии Приуралья. В 1974-1977 гг. он проводил большие стационарные работы в Афанасьевском районе Кировской области - так называемом Зюздинском крае (от с.Зюзино-Афанасьево). Этот регион особенно интересен для археологов Прикамья, так как представляет собой контактную зону между удмуртами, коми-пермяками и коми-зырянами. Здесь были известны

памятники археологии, и необходимо было выяснить, как они соотносятся с другими средневековыми памятниками. По данным известного лингвиста Р.М.Баталовой здесь располагался уникальный вариант - носители оригинального верхокамского наречия коми-пермяцкого языка. От археологических исследований зависело решение проблемы - кто жил здесь в VI-XIV вв., и какому народу принадлежат эти памятники. Именно эти задачи и надлежало решать В.А.Кананину. За 4 года им была проведена колоссальная работа. Он практически сам осмотрел около сотни памятников, на многих проводил раскопки, стараясь изучать комплексы: городище, могильник, селища. Например - городище Шудьякар и Аверинские могильники, Щукинские могильник и селище, Русиновские селища и могильник, Бисеровские селища и городища и другие. Были исследованы более 700 могил, насыщенных ярким и своеобразным материалом, позволяющим охарактеризовать историю развития местной культуры на протяжении девяти столетий от VI до XIV вв. Оригинальные материалы были получены и при раскопках поселений. В.А.Кананиным убедительно доказана принадлежность этих памятников к ломоватово-родановскому кругу древностей, связываемых с древними коми-пермяками, выделены особенности их хозяйственной деятельности и общественной организации. Именно благодаря В.А.Кананину средневековье этого края стало хорошо известно специалистам-археологам. Следует отметить удивительную тщательность и скрупулезность его исследований. Итогом этой деятельности стала монография, написанная в соавторстве с Р.Д.Голдиной «Средневековые памятники верховьев р.Камы», отмеченная премией Минвуза РСФСР. Кроме того, им опубликовано более 50 различных статей в области археологии.

В.А.Кананин вел огромную воспитательную работу на историческом факультете как заместитель декана, его декан, директор Колледжа, зам. начальника экспедиции. Он долгое время руководил студенческим театром «Пилигрим», сам участвовал в смотрах художественной самодеятельности, организовывал спортивные мероприятия, субботники, дежурства преподавателей в общежитии, в добровольной народной дружине, руководил многими другими ежедневными делами исторического факультета. И всегда его отличало чувство долга, большой ответственности, такта и внимания к людям.

В.А.Кананин - полон сил и творческих планов и сделает еще много полезного для Удмуртского университета, ставшего для него за 35 лет родным.

Р.Д.Голдина

Голдина Р.Д.,
д.и.н., зав. кафедрой
археологии и истории
первобытного общества УдГУ

О Владимире Алексеевиче Кананине

Владимир Алексеевич – мой друг, однокурсник и друг моего мужа – Александра Васильевича Прокопова, один из первых моих учеников, талантливый человек. Мы могли бы с ним встретиться в 1963 г., когда по дороге на Фоминцевские курганы в Бердюжском районе Тюменской области, я со своей группой археологов проезжала через поселок с романтическим названием Армизон, располагавшийся между гг.Курганом и Ишимом, где родился и жил в детстве Володя Кананин.

Окрестности Армизона - край бескрайних ровных просторов, с редкими березовыми колками и множеством блюдц-озер. Именно в них и заключалась главная красота этих мест. Озера были маленькие и большие, но во всех водилась рыба. Особенно было много карасей. Это весьма распространенная в России рыба, достигающая 3 кг веса. Кроме нее, были многочисленны гольяны – маленькая, не больше 100 г, рыбка того же семейства карповых, похожая на пескаря. Но множество ее компенсировало недостатки ее размеров. Караси в сметане – это самое распространенное местное лакомство. Гольяны – лакомство кошек, кур и свиней. Можно было ловить рыбу и удочкой и сетями. Как все местные мальчишки, Володя Кананин очень увлекался рыбалкой. Каждый день, выбрав сети и собрав водный урожай, он не спеша отправлялся домой и по праву чувствовал себя кормильцем, поскольку его добычу ждала не только семья, но и домашняя скотина. Если бы я представляла, какую огромную роль в моей жизни сыграет Владимир Кананин, я обязательно бы разыскала его или его дом в Армизоне, чтобы увидеть в каких условиях сформировался этот удивительно даровитый человек. Сельское детство отразилось в его привычке делать все добротнo и обстоятельно, он знал и умел все, что требовалось в хозяйстве, научился понимать и ценить природу, но особенно обожал возиться с собаками и лошадьми. Когда много лет позже, в 1989 г., мы стали строить небольшой дом в д.Степаново Воткинского района Удмуртии, Володя взялся сложить нам печь. Получилось грандиозное сооружение, вместе с трубой более 9 м высотой. Он делал это очень тщательно, аккуратно, продуманно. И таков он во всем. В результате печь стоит без ремонта почти 20 лет.

Армизон – довольно значительный для Сибири поселок, похожий по масштабам на нашу Игру. Семья, в которой родился В.Кананин, была в нем известной, богатой, купеческой. Прадед владел пряничной фабрикой

и имел мощное потомство – пятерых здоровяков - сыновей и дочь. Именно эта любимица всей семьи – Александра Артамоновна и стала бабушкой В.Кананина. А увел ее из благополучной семьи лихой бедняк Александр Макарович, сосланный с Волги за участие в каком-то крестьянском восстании. Дед был ранен во время гражданской войны, потерял ногу, но оптимизма не утратил – тренировал у маленького внука вестибулярный аппарат, раскручивая его на столе на большой пустой сковородке – оба ликовали.

Послевоенное время было тяжелым, работы в Армизоне не было, и мать В.А.Кананина Зоя Александровна уехала в Свердловск – поднимать грандиозную стройку России – Уралмаш. Маленького ростика, энергичная, живая, острая на язык. Образования получить не успела, хотя природный ум позволял ей выходить из самых трудных жизненных ситуаций: работала комендантом общежития, кассиром, поваром. И везде успешно. Сейчас ее внук Алексей, сын Владимира Алексеевича на две головы выше ее ростом. Владимир Алексеевич очень похож на свою маму и трепетно ее обожает. А тогда именно такие люди и создавали гигант Уралмаш. В Свердловске она познакомилась с отцом В.А.Кананина – Алексеем Сергеевичем – слесарем, тоже работавшем на Уралмаше. Как у многих рабочих людей, у него были золотые руки – садовый домик Кананиных в Ижевске этому наглядное подтверждение. Там многое создано его руками.

В Армизоне Володя жил до 6 лет, но когда пришла пора идти в школу, родители забрали его в Свердловск, но и потом каждое лето он обязательно проводил в Армизоне.

В Свердловске сначала он был принят в школу №28. Запомнилось, что именно в ней учился известный певец советского времени Владимир Трошин, и был небольшой музейчик, посвященный ему. Это уже воспитывало. Владимир Кананин тогда чем-то отличился, чем не помнит, но в 3 классе (остальных принимали в 4-м) ему в числе восьми других учеников у памятника В.И.Ленину в торжественной обстановке был повязан шелковый пионерский галстук. С тех пор Володя чтит эту святыню, всегда сам гладил свой шелковый галстук (никакого другого не признавал) и хорошо помнил запах нагретого шелка.

Он, как и его друзья, был максималистом. Если собирать макулатуру, то у каждой бабушки надо выманить последнюю газетку, если металлолом – то нести все, до последнего чайника из подворотни. Однажды с друзьями сволокли аж три железных пролета оградки у главного корпуса Уралмаша, которые почему-то упали и лежали на земле. При этом безнадежно было испачкано новое пальто, оторваны на нем пуговицы. От мамы получил все, что она о нем думала. Но зато класс был

награжден премией за сбор металлолома в помощь семье деятеля африканского освободительного движения Патриса Лумумбы.

Позже, переехав на новую квартиру, Володя Кананин учился в школе №72 с производственным уклоном и, закончив ее, получил, помимо аттестата, специальность слесаря-сборщика 2-го разряда.

Володя бы спортивным мальчишкой. Увлекался и занимался всем, чем только было можно. Ходил во множество секций: лыжную, футбольную, конькобежную, легкой атлетики, плавания. Не был только гимнастом.

В то время у школ не было своих стадионов и занятия по физкультуре проводились в огромном спортивном комплексе Уралмаша. Там было несколько футбольных полей, манежей, баскетбольных, волейбольных и прочих площадок. И однажды, в 7 классе, к Володе подошел мужчина, как потом оказалось Игорь Васильевич Шувалов, тренер по легкой атлетике, и предложил ему заниматься в своей секции. Игорь Васильевич был интеллигентнейшим человеком, учился в Ленинграде, в Институте имени основоположника научной системы физического воспитания в России П.Ф.Лесгафта, многое знал, любил оперу и балет и старался привить своим ученикам, помимо спортивных навыков, еще и особую духовность. Он регулярно водил своих воспитанников в Свердловский театр оперы и балета, на концерты, в филармонию. Володя, впервые оказавшись в театре, был сражен – обстановкой, особой аурой, музыкой, балетом. Потом это переросло в серьезное увлечение оперной классикой, он стал собирать пластинки с ариями всемирно известных певцов: Э.Карузо, Б.Джильи, Ф.Шаляпина, и, слушая их, испытывал наслаждение.

Но занятия спортом, как известно, это адский труд – ежедневные, изнуряющие, в любую погоду тренировки по 4-6 часов в день, а на сборах и больше. Вставать приходилось каждый день в 6.30 утра, преодолевая собственную лень (по биологическому типу В.А.Кананин – сова, любит утром поспать). Вот так и сформировалась у него самоорганизация высокого уровня. В спорте он достиг очень серьезных успехов – стал кандидатом в мастера спорта по легкой атлетике, членом сборной команды Свердловской области, центрального общества «Труд», юношеской сборной РСФСР. Это фактически был профессиональный спорт. Он увлечен был им очень серьезно, охотно выступал на соревнованиях разного уровня, проверяя себя. Но это его увлечение использовали и организаторы соревнований. Так, 2 мая 1964 г. он участвовал в традиционной эстафете на приз газеты «Уральский рабочий» сначала в составе юношеской команды (ему было 16 лет), а потом чуть позже – в составе команды взрослых спортсменов. В обоих случаях команды заняли первое место.

Занимаясь спортом, он объездил весь Советский Союз, постигая в настоящей жизни его географию. Но все когда-нибудь кончается. Времени хронически не хватало. Надо было выбирать: университет или спорт. К тому же летом 1968 г. на «Универсиаде» во Фрунзе он порвал связки, потом повторно в Брянске и с большим спортом пришлось расстаться.

Но появилось другое увлечение. Именно первый тренер И.В.Шувалов привел Володю в Свердловскую филармонию на концерт известного артиста Андрея Гончарова. И с первой же его фразы: «Если звезды зажигают, значит это кому-нибудь нужно...», Володя загорелся – буду читать со сцены. Учился этому и также преуспел.

Уже 28 марта 1968 г. будучи студентом I курса Уральского университета он участвовал в конкурсе чтецов университета и был награжден почетной грамотой комитета комсомола. Его часто посылали на разные конкурсы, и везде он был отмечен. В феврале 1971 г. он получил аж 2 диплома – за лучшее исполнение песни, а также стихов в Гурзуфе, в международном молодежном лагере «Спутник». В то далекое невыездное время талантливого чтеца В.Кананина выпускали даже за границу – в Польшу и Венгрию. В 1977 г. выступая от Удмуртии на конкурсе чтецов в Новосибирске в рамках Всесоюзного фестиваля молодежи и студентов, он стал его дипломантом.

Мы познакомились мимоходом в сентябре 1968 г., когда он пришел в кабинет археологии Уральского государственного университета вместе со своими однокурсниками, ездившими со мной в августе этого года на раскопки Неволинского могильника в Пермскую область. Он был студентом II курса исторического факультета, молод, красив, обаятелен, балагур и весельчак. Я тогда училась в аспирантуре известного уральского археолога В.Ф.Генинга и руководила отрядами Уральской археологической экспедиции в Пермской области и в Сибири. Летом следующего 1969 г. в июне я начала работать в Удмуртии, в зоне затопления Нижнекамской ГЭС, сначала со школьниками г.Свердловска. Отправив своих школьников в начале июля домой, стала ждать сотрудников прошлого года, студентов-историков из УрГУ.

Вот уже пятый день я ходила, как на дежурство, на пристань Ижболдино встречать свою новую группу, но безрезультатно. Каждый вечер, к 24 часам, шагала свои четыре километра до пристани, потом сидела, ожидая парохода "Амур" около часа, а потом с досадой шла обратно - не приехали. Начальник пристани с сочувствием спрашивал:

- Что, Дмитревна, опять не приехали?
- Да, что-то задерживаются - отвечала, не показывая досады.

Обратная дорога от пристани казалась значительно длиннее, да и идти надо пусть не по очень густому, но лесу. Поэтому старалась найти попутчиков, чтоб идти было веселее и не так страшно. Попутчики попадались разные, но, в основном, люди спокойные и любознательные.

Быргында, как и соседняя Ныргында, марийская деревня. Когда-то давно марийцы переселились сюда из Вятско-Ветлужского края и обосновались на долгие годы. Построили добротные, красивые дома, растили детей, внуков, занимались сельским хозяйством, ловили рыбу, охотились. Край-то благодатный. Деревня большая, в ней есть даже школа и магазин. Возле магазина и стоял дом Ксении Трофимовны, у которой я устроилась на жительство. Как и большинство жителей деревни, она марийка. Дом был большой - на четыре окна, срубленный из мощных сосен. К нему вплотную примыкали многочисленные хозяйственные постройки, образуя сплошное сооружение под одной крышей в виде буквы П. Тут было несколько сараев, клетей, погреб, стая, конюшня. Вдоль клетей и кладовых шла неширокая веранда-анфилада, также покрытая крышей, благодаря которой в кладовых было всегда сухо и чисто. В то время некоторые помещения уже не использовались, скота стало мало, Ксения Трофимовна жила одна. Но все-таки держала корову, поросенка, гусей, кур. Забот с ними было достаточно. Где-то далеко, в городе у Ксении Трофимовны жили дочь и внуки, приезжали редко, так что Ксении Трофимовне было скучно, одиноко, и она с удовольствием пускала на постой заброшенных в Быргынду делами людей. Вот и я оказалась из их числа.

В дом Ксении Трофимовны вело красивое с резными перилами крыльцо, пристроенное сбоку. Поднимаясь по его ступенькам, входя в сени, а затем в избу, сразу ощущалось состояние праздника - удивительно чистые белые некрашенные полы, пестротканые половики, чисто выбеленная печь, стол в красном углу, лавки вдоль стен и удивительный запах. Запах деревянного дома, большой теплой печи и душистых трав. Не знаю, какие травы держала Ксения Трофимовна в доме и в сенях, но летом здесь благоухало сильнее, чем на улице. Меня поразила в доме Ксении Трофимовны печь: она была очень большая и, кроме обычной основной емкости, имела пристроенную "голландку" с плитой в два отверстия и отдельную топку с вмазанным металлическим котлом. В этом котле можно было готовить еду для людей и корм для скота.

Общение с Ксенией Трофимовной, прогулки, разведки по окрестностям Быргынды отвлекали меня от беспокойства по поводу задержки моей новой группы. Наконец, в одно из ночных ожиданий с "Амура" спустилась небольшая группа явно не местных, довольно беззаботных молодых людей, в которых я узнала студентов исторического

факультета. При виде их вся моя досада развеялась: мы были рады встрече друг с другом. Хотя, наверное, мне было значительно радостнее - и обратно в Быргынду возвращаться не одной, и археологическое лето продолжается. За разговорами дорогу осилили незаметно, и выяснилось, что их опоздание связано, как всегда, со студенческими проблемами: что-то надо было досдать, что-то пересдать, что-то отпраздновать. Чтобы не будить Ксению Трофимовну, расположились по предварительному ее согласию на сеновале. Решили слегка поужинать и поспать, но какой тут сон - надо встретить солнце и осмотреть окрестности. Осторожно сползли с сеновала, прихватили гитару и вперед.

Сначала показала им деревню Быргынду, но этого оказалось мало, и мы отправились посмотреть место для лагеря. Поскольку предполагалось, что будет нас около 40 человек, то жить в деревне неудобно. Надо ставить лагерь - палатки, кухню, место для вечернего костра. Ставить лагерь - дело серьезное. Правильно выбрать место для него - это решить для себя множество проблем. Во-первых, надо чтобы лагерь стоял недалеко от места работы, для экономии времени и сил. Во-вторых, надо иметь поблизости воду для питья, кухни, умывания и купания. В-третьих, надо иметь под рукой дрова для кухни. В-четвертых, надо чтобы поблизости были кусты или лесочки, т.е. условия для туалета. В-пятых, палатки надо ставить не на солнцепеке, а в тени, иначе днем не будет никакого отдыха. Значит, необходимо найти удачное сочетание всех условий. Путешествуя от пристани к Быргынде и обратно, я облюбовала одно место. Надо было его получше посмотреть. Дорога к Каме проходила по ровной низине, лишь иногда петляла, обходя небольшие овражки и возвышенности. Раннее утро, транспорта еще нет, дорога свободна, воздух чист и прохладен. Ну как же без песни! В нашей группе несколько гитаристов, но первый среди них Владимир Кананин - прекрасный исполнитель песен и стихов, режиссер, перспективный спортсмен и просто хороший товарищ, любимец всех женщин экспедиции. Его гитара и голос скрашивали много трудных дней в экспедиции, а его удивительное умение в тяжелый момент веселой шуткой снять напряжение сохранило мне несколько лет жизни. Я рада, что именно он был со мной рядом все эти экспедиционные годы.

Потом мы идем на Каму. Пройдя километра два, оказываемся в удивительно живописном месте - на берегу неширокой, метров 40, протоки Камы, отделенной от основного русла реки небольшим островом так, что основного русла практически не видно. На берегу протоки находилась огромная поляна, окруженная столетними дубами. Место - идеальное для лагеря. Неширокая и не очень глубокая протока - прекрасное место для купания, дубы надежно закрывали палатки от

солнцепака, и работа совсем недалеко - метров 800. В этом месяце - июле - мы по плану должны раскопать могильник Ныргында I, расположенный недалеко от побережья Камы. Кстати, через 8 лет после наших раскопок прекрасная дубовая роща будет безжалостно вырублена, от нее останутся только огромные пни, а наша поляна уйдет под воду Нижнекамского моря.

Надо честно признаться, что могильник Ныргында I для археологов - крепкий орешек. Он очень сильно зарос лесом (залесен, как говорят археологи). Было бы проще, если бы деревья были толстые и редкие, но рос густой смешанный лес с мощным подлеском - орешник, клен, дуб. Для того, чтобы вести раскопки, надо было сначала спилить лес, вырубить подлесок, выкорчевать пни, а потом только копать. Кроме того, от пней и корней оставались большие ямы, которые очень мешали наблюдению за грунтом. Да и грунт тоже не благоприятствовал успешной работе - песок, чистый белый песок, который, высыхая, превращался в пыль. Увидеть на ней что-либо было очень трудно. В общем, помучились мы с этим могильником. Но тогда о таких трудностях мы не подозревали. Определили пока будущее место жительства. Пора перебираться из деревни и обживать. Но сначала надо встретить еще одну группу студентов - из Ижевска.

Приехало человек 30 первокурсников, молодых, задорных, дружных. Составилась интересная команда. Много среди них было личностей ярких, красивых, умных, очень трудолюбивых, и со многими мы остались дружны долгое время. Особенно выделялась высокая, красивая девушка Нина Ворошилова, заводила и инициатор многих дел.

Весь этот месяц прошел как сплошной праздник, потому что студенты были горады на выдумки и развлечения, проводили массу различных мероприятий: концерты для местного населения, концерты друг для друга, общие купания и т.д. и т.п. Общая жизнь была интересной. На берегу протоки жители д.Быргында устроили стоянку своих плавсредств. Огромный баркас, на котором возили сено с островов, заменил нам клуб, здесь устраивались концерты. Разносясь широко по реке, звуки песен и гитары были особенно красивы. На этом баркасе проходили соревнования по рыбной ловле. Почти у всех проснулся интерес к столь захватывающему занятию и все: и юноши, и азартные девушки - по вечерам усаживались в ряд на край баркаса, свесив ноги, и соперничали в удаче. Правда, рыба, вероятно, услышав их веселые переговоры друг с другом, срочно уплывала в глубину.

В воскресные дни посредине поляны все укладывались в кружок на спальниках позагорать, почитать или просто поспать, но когда в центре садился Володя Кананин, взяв в руки гитару, возникала

импровизированная сцена, и благодарные слушатели не отпускали артиста по нескольку часов. Потом бард менялся, гитару брал другой и так весело проходил день.

Песни археологической экспедиции - это особая тема. Каждый сезон приносил новые песни, кто-то привозил их из других мест, кто-то специально собирал, и, думаю, можно было бы опубликовать сборник песен уральских экспедиций. Темы песен самые разные - любовь, дружба, верность, смысл жизни, трудности походной жизни. И, конечно же, первобытность, тот мир, который изучает наука археология.

Главный вождь взял гитару в руки,
Женщины, следите за костром,
В диких саваннах чужие руки
Держат копьё за каждым кустом.
Юноши, грудь свою раскрасьте
Кровью бизона, убитого вами,
Каждый из нас сочтет за счастье
В смертном бою сойтись с врагами.
Братья, вы помните тяжесть охоты.
Братья, вы помните тигра зубы.
Братья, в последний уходя поход,
Женщин своих поцелуйте в губы.
Слышишь, племя, то не крик совы,
Не вой шакала и не плач гиены,
Это пришельцы с чужой стороны
Пришли завоевывать наши стены.

Многие песни нашей экспедиции переходили от одного исполнителя к другому как шедевры устного народного творчества и авторство песен со временем забывалось.

В этой же компании был человек, с которым позже я много лет работала на историческом факультете Удмуртского университета. После окончания университета он был оставлен на кафедре и работал преподавателем. Это Сергей Семенович Дерендяев, тогда просто Сережа Дерендяев. Внешне, казалось, и не очень выигрышный: небольшого роста, худенький, но личность творческая, оригинальная, незаурядная; прекрасный режиссер, душевно, проникновенно поет, пишет стихи, прозу и музыку. Он был организатором и режиссером хорошо известного тогда в вузах Урала студенческого театра "Балаган". Многие студенты-историки прошли через этот театр и пронесли через всю жизнь любовь к сцене, искусству, острому слову. Сергей Семенович обладает своеобразным критическим умом, и

написанные им миниатюры пользуются огромной популярностью у зрителя. Он один из авторов известного каждому студенту-историку гимна исторического факультета, написанного в 1971 г.

Заберись попробуй на этаж четвертый.
Если очень болен - сердце береги.
А в глазах ступени лестницы потертой,
Но ведь ты - историк. Взялся, так беги.
Ты беги, беги, беги,
Отставать не надо.
Ты беги, беги, беги,
Можешь опоздать.
Если явишься к звонку,
То тогда в награду
Сможешь многое узнать,
Человеком стать.
Учим мы английский, диамат с истматом,
Разных стран историю и КПСС.
Если ты не тянешь, выручат ребята,
Но зачем тогда ты на этаж залез ?
Ты беги, беги, беги,
Черными ходами.
Ты беги, беги, беги,
С лекции в кино. Но!
От тоски не убежишь
И потом, с годами.
Этажу до этого
Будет все равно.
Но приходит время - и пора расстаться,
Сколько б ты не прятался в долгий академ.
Каждый день уходим, чтоб вернуться завтра,
А теперь уж скоро мы уйдем совсем.
Ты беги, беги, беги,
Курс летит за курсом.
Ты беги, беги, беги,
Надо все успеть.
На четвертом этаже
Радостно и грустно,
И милей его для нас
Не было и нет.

В Быргынде случился инцидент, который едва не привел к нашему расставанию с Кананиным и Прокоповым. Дело в том, что хлеб на всю команду мы покупали на теплоходе «Амур». Надо было идти к его приходу на пристань между 12.00 и 01.00 ночи, преодолев примерно 2 км. Обычно это делал В.А.Кананин. В один из вечеров они пошли на пристань с Сашей Прокоповым – моим будущим мужем. Некстати в маленьком буфете теплоходика оказалось пиво. Они не удержались, купили 2 бутылочки, посидели на берегу, полюбовались огнями плывущих пароходов, допили пиво и явились в лагерь. Я, заметив опоздание, допросила их с пристрастием и объявила решение – отправить домой. Они очень расстроились. В лагере поднялась суматоха – у нас всего-то было 5 мальчиков, а тут двоих отправляют и каких – самых любимых. В общем, к 6 утра я сдалась – пусть остаются. Хотя в душе-то я понимала – куда я их не отправлю, работать кому-то надо.

Хотелось бы особо подчеркнуть удивительную честность и порядочность В.А.Кананина в денежных делах. В его руках иногда бывали немалые суммы, ведь продукты надо было покупать за наличные, но он никогда не истратил ни копейки этих денег на себя, ведя строгий учет расходам. У меня было много возможностей проверить его честность и никогда я не смогла бы его упрекнуть в чем-либо предосудительном.

Кончается июль. Предстоит очередное грустное прощание с новыми друзьями - студентами Удмуртского педагогического института, ставшими за этот месяц близкими. Впереди новое место, новые памятники - Зуево-Ключевские городища.

Деревня Зуевы Ключи находится на пограничье с Татарией, на южной оконечности Усть-Бельской поймы. Терраса, на которой она расположена, как бы ограничивает южный край поймы. Это самое теплое место в Удмуртском Прикамье, и потому неудивительно, что здесь прекрасно растут яблоки. У жителей большие красивые сады. И плавать на "Амуре" в августе-сентябре большое удовольствие еще и потому, что каждый его уголок пахнет не соляжкой и краской, а яблоками. Яблочный дух веселит душу, и появляется физически ощутимое чувство прелести жизни. Хочется кого-то - бога, судьбу, природу - поблагодарить за то, что живу, вижу, дышу, чувствую. При словах Зуевы Ключи сразу же приходит воспоминание о запахах окончания лета, зрелых яблок, которые жители деревни ящиками везли на рынок в Сарапул.

Зуевы Ключи действительно знамениты ключами, которые бьют из-под каждого маломальского пригорка, но археологам они известны и по уникальному Зуевскому могильнику и Зуево-Ключевским городищам, открытым в 1898 г. А.А. Спицыным. Их мы и должны были раскапывать. Перейдя несколько серебристых ручейков, вытекающих из-под камских

берегов, подходим к высокой террасе, с трудом поднимаемся по крутому склону и замираем от восторга - перед нами огромное древнее городище (как показали потом подсчеты - более 30 тыс. кв.м). Хорошо виден вал, закрывающий площадку со стороны поля.

Мыс, на котором оно располагалось, был образован с востока обрывистым краем террасы р.Камы, а с севера - глубоким оврагом, по дну которого весело бежал ручей, называемый местными жителями Гремячим. Он действительно немножко погромыхивал, сбегая по глинистым уступам и образуя миниводопады. Южная сторона памятника тоже имела естественное ограждение - овраг, а с запада он был закрыт линией укреплений.

С высокой площадки открывался роскошный вид на окрестности. Далеко, насколько охватывал глаз, была видна р.Кама, ее многочисленные старицы, большие и маленькие озера, луга, кое-где покрытые перелесками. Зрелище великолепное. Второе городище располагалось на противоположном мысу, было очень маленьким, всего 500 кв.м и ограничено со стороны поля неглубоким ровиком.

Вдоволь налюбовавшись ландшафтом, решили сначала поставить лагерь. Русло Камы было довольно далеко. Поразмыслив, поставили палатки прямо на городище, благо вода была. Слышно, как внизу журчал ручеек, небольшой, шириной всего 1-2 м. Его можно было перейти вброд по щиколотку, но вода была чистая, прозрачная и холодная. Мы часто потом использовали его как холодильник, ставя в жаркий день кружки с компотом прямо в ручей. На берегу ручья мы устроили кухню, и каждый день, как минимум 3 раза, спускались по крутому обрыву вниз и поднимались наверх. Неплохая зарядка, но пришлось в обрыве вырубить ступени, спускаться было все-таки легче, так как после еды наш вес явно увеличивался.

Но однажды ручеек преподнес нам большой сюрприз. Поздно вечером начался сильный дождь, прямо ливень. Утром мы обнаружили, что это был уже не говорливый ручеек, а большая река. Вода, стекавшая со всех окрестных полей в овраг, шла мощным, мутным потоком, сметая все на своем пути. Наша кухня была для нее легкой добычей, и она с удовольствием захватила ведра, кружки, ложки, котелки, припасы дров и все, что мы по наивности оставили там вечером. К обеду поток воды иссяк, ручеек вошел в свою норму, но кухня так и не вернулась. Расстроенный Володя Кананин – наш административный бог - пошел вниз по течению ручья искать пропажу, но вернулся лишь с искореженным ведром. Все остальное лежит где-то на дне Камы. Пришлось заново покупать кухонное снаряжение.

Но тогда мы ни о чем таком не подозревали. Разделились. Кто-то ставил палатки и обустроивался, кто-то готовил обед. Кананин пошел в деревню за продуктами, а я отправилась смотреть городище.

Площадка городища огромна. Исследовать ее всю - понадобятся десятилетия. Может быть, попробуем изучить укрепления? Но как? Людей мало, раскопать их нашими силами практически невозможно. Но ведь укрепления не содержат культурного слоя, керамики, вещей. А может быть, попробуем применить технику? С опаской подхожу к Кананину, единственному, кто связывает меня с внешним миром, и обращаюсь с просьбой, нельзя ли найти какую-либо технику в деревне, чтобы разрезать вал и ров. Он смотрит на меня с сочувствием: человек он выдержанный, зачем расстраивать даму раньше времени. Сказал - "Да, попытаюсь". Что ему это стоило, я никогда не решилась бы спросить, но ближе к обеду слышу приближающуюся музыку цивилизации - тарыхтит трактор. Через четверть часа ожидания трактор уже виден, подкатывает к городищу со стороны поля, и из него выскакивает Володя. Остался единственный вопрос - где снимать? Для меня этот вопрос давно решен - посередине, наиболее высоком месте вала. Коротко объясняю. Он понимает меня обычно без слов.

- Вперед! - он прыгает в кабину, объясняет водителю. И начинается ...

Я с ужасом и некоторым благоговением смотрю, как обнажается сначала верхний слой, потом ниже, ниже. Трактор своим ножом режет и растаскивает землю на площадку городища и за ее пределы. Внимательно смотрю, нет ли каких-либо необычных остатков, но пока все в порядке. Трактор елозит вперед-назад, и, наблюдая его манипуляции, физически ощущаю, как трудно было насыпать этот вал с помощью деревянных лопат и берестяных коробов, в которых таскали эту землю на вал, стараясь сделать его как можно выше. Думаю, что, сооружая вал, каждый работник думал о том, что вал надежно защитит от врагов его братьев и сестер, жен и детей. Судя по разрезу вала, на гребне его была воздвигнута деревянная бревенчатая стена, которая неоднократно обновлялась, а вал дополнительно подсыпался. Чем ближе к современности, тем заботы о вале, о защите поселения росли, так как опасность возрастала.

Через 3 часа работы трактора дело было закончено: разрезан не только основной вал, но и дополнительный вал и ров. В.Кананин с чувством исполненного долга повел тракториста в наш лагерь. Для последнего - это экскурсия в музей первобытной культуры. Девушки показали чудеса первобытной кухни, а потом наш новый друг, полный впечатлений, отправился домой. Долгое время мы ощущали его доброе к нам отношение: то его сын принесет нам лучку, молока и огурцов, то его друг, ездивший на бензовозе, из Сарапула завезет нам несколько буханок хлеба.

У Владимира Алексеевича всегда складывались добрые отношения с местным населением. Он одинаково доброжелательно общался как с людьми высокого интеллекта: А.Дольским, Н.В.Мордюковой, И.Д.Кобзоном и другими, так и с простыми селянами. Однажды в Агафоново он был свидетелем жениха на местной свадьбе, в Аверино бабушки приносили ему на раскоп домашнее пиво – юну, в Быргинде у него было море друзей из местных подростков и т.д.

Я долгое время не могла прийти в себя - такого обнажения древней жизни - слоев, насыпанных руками жителей далеких времен, мне еще никогда не доводилось видеть. Хотелось любоваться на это сооружение без конца. Думалось, что можно было бы многое отдать за то, чтобы хоть 5 минут понаблюдать за реальной жизнью тех, кто выбирал здесь место для жилья, своими руками насыпал вал и видел этот мир таким, каким, может быть, вижу его я. Здесь, на Зуево-Ключевских городищах, реальность древности ощущалась, как нигде.

Приближалось 14 августа - святой день - день археолога. Неписанный праздник, не отмеченный в календарях, но все уральские археологи в этот день вспоминают друг друга. Вот и мы готовимся встретить его достойно. Володя, побегав по окрестным деревенским магазинам, кое-что раздобыл: несколько бутылок хорошего болгарского вина "Хемус" в длинных вытянутых бутылках, несколько банок морского деликатеса - кальмаров и, конечно же, "дунькину радость" - конфет-подушечек. Им был заранее приготовлен мешок яблок. К этому времени он подружился со сторожем колхозного сада, и как только витамины (яблоки) заканчивались, кто-нибудь из ребят шел за новым мешком благоухающих боровинок, белого налива, ранеток и других сортов яблок, которые значительно скрашивали наш экспедиционный стол.

И вот вечером 14 августа, надев все самое лучшее, мы собрались у костра на нашем огромном городище. Темная августовская ночь плотным кольцом окружила нас и заставила подтянуться поближе к огню. Августовские ночи холодны, и в эти минуты особенно ощущаешь все достоинства власти человека над огнем. С благодарностью думаешь о многих поколениях людей, пестовавших эту власть и искавших способы ее достижения.

Именно в августе, как ни в какое другое время, человек ощущает мощное воздействие космоса. Чуть отодвинувшись от костра, замечаешь, что звезд стало больше, светят они значительно ярче, чем обычно, и мерцание их увлекает и притягивает. Особому настроению способствуют и тихие звуки гитары, мягкие мелодии и негромкие голоса наших бардов.

В ночь, когда часы идут без сна,
И молчат о чем-то важном стены,
Я стою тихонько у окна
И выпускаю в форточку Вселенную.
Ведь ее легко к себе впустить.
Лишь разбейте стекло гололедицу.
Кто не пьян, досыта может пить
Млечный путь ковшом Большой Медведицы.
По карнизам виснет тишина,
И сверкает звездная палитра.
Этой ночью, кажется, слышна
Песенка, что пела Аэлита.
Или эта ранняя весна,
Расплескав по лужам радость пенную,
Шепчет мне, и вновь стою без сна
И выпускаю в форточку Вселенную.

В.Кананин не только ежедневно отмахивал пешком несколько километров в поисках продуктов для нас, но и был «отменным» поваром. Закупленное он носил в мешках из-под палаток и, конечно, не всегда удачно. Однажды пакеты с рисом и манной крупой порвались, и крупа перемешалась. Экономный В.Кананин решил – «не выбрасывать же» и сварил утром кашу «Ромео и Джульетта», усердно рекламировал ее: «Рис – благородный как Ромео, а манка – нежная как Джульетта». Народ оценил его юмор и все съел.

В середине месяца наш относительный покой был нарушен. Ирине Захваткиной пришла очень странная телеграмма, которую из Ключей принес В.Кананин. В телеграмме от родителей было всего четыре слова: "Не пей сырой воды". По дороге в наш лагерь он размышлял над ее смыслом. Но... разгадка так и не пришла. Когда мы собрались на ужин, он торжественно (почты было очень мало, это всегда событие) под стук ложек и тарелок вручил телеграмму Ирине. Ирина, тогда студентка Института железнодорожного транспорта г.Свердловска, человек очень романтический, что и привело ее в экспедицию, обнародовала содержание телеграммы. Посыпались предположения, чем вызвана такая телеграмма. Но никто и предположить не мог, что она вызвана информацией о том, что в Астрахани вспышка холеры, заболело несколько человек, а поскольку мамы - люди впечатлительные, Иринина мама решила предупредить дочь на всякий случай. Но... во-первых, Астрахань далековато, во-вторых, Зуевы Ключи "чуть" выше Астрахани по течению,

а зараза не может плыть против течения, в-третьих, кроме сырой, у нас другой воды не было. Так, к счастью, нас холера обошла стороной.

В.А.Кананин был и очень удачливым разведчиком. Лет 7 мы посылали на р.Нылгу разведочные группы и все безуспешно. А В.А.Кананин открыл большую группу памятников возле с.Кочур Увинского района нашей республики. Буквально через день после отъезда группы я получила от него телеграмму: "Возле с.Кочур нашли десять поселений эпохи камня". Многие памятники в Афанасьевском районе Кировской области были найдены им или его группами.

Экспедиционная жизнь для определенной категории людей это наркотик. Если человек хоть раз побывал в экспедиции и ему понравилось, ему нестерпимо хочется в поле. Поэтому весной все экспедиционники: археологи, геологи, ботаники, зоологи и другие полевики живут радостным ожиданием отъезда. А, вернувшись из нее, через несколько дней начинают тяготиться городской жизнью, и поэтому осенью можно легко собрать группу в разведку. Обычно весь сентябрь и начало октября мы почти каждое воскресенье выезжали в разведку.

Отдельной эпопеей были раскопки Агафоновского могильника на севере Пермской области. В 1969 г., в сентябре, с небольшой группой моих товарищей мы отправились в Гайны. Конец сентября в Гайнах - это уже поздняя осень. Иногда, просыпаясь утром, ощущали жуткий холод, вылезешь из палатки - кругом иней, белые поляны, в ведрах замерзла вода. Это было не столько веселое путешествие, сколько серьезное испытание.

Нас было всего 7 человек. Закончив работу в зоне Нижнекамской ГЭС, мы отправились на поезде до Агрыза, потом до ст. Менделеево. Это была веселая, сработавшаяся компания, и все переезды, перегрузки, поезда переносились легко и приятно. Прибыв в Менделеево, мы с интересом познакомились с новым местом. Через час без проблем сели в автобус и поехали в Кудымкар. Гайны находятся на расстоянии 160 км от Кудымкара. В то время дороги туда не было. Вернее, она была, но в таком состоянии, что проехать по ней могли только грузовые машины или, чаще всего, вездеходы. Единственным возможным для нас транспортом был самолет, да и времени у нас было мало. Решили, что полетим.

Маленький, зеленый самолет АН-2, или кукурузник, показался нам даже симпатичным, особенно когда мы узнали, что билетов нет на всю ближайшую неделю. Народ, пытавшийся улететь в Гайны, сидел там по несколько недель. Но наш главный организатор Володя Кананин, вооружившись командировочными удостоверениями, шоколадками и включив на полную мощность свое обаяние, решил эту задачу. Через 2 дня у нас море счастья - билеты в руках.

Объявляется долгожданная посадка, пилоты пересчитывают нас и ведут к своей "пташке". Мы, пока еще довольные, весело шутя, закидываем свои вещи, а потом и сами залезаем в чрево самолета. Оно небольшое: 6 сидений у одной стенки, 6 напротив. Дверь в кабину пилотов открыта. Кабина очень маленькая, как в ней умещаются двое здоровенных мужчин, уму непостижимо.

Садимся на железные сиденья, пристегиваемся длинными матерчатыми ремнями. Мотор запущен, самолет начинает трясти, потом он делает попытки сдвинуться с места, но безуспешно. Наконец ему это удается, разбег, тряска усиливается, потому что под колесами обычное поле, а не бетонная полоса. Ямок на поле предостаточно, вот его и подбрасывает. А самолетик еще и раздумывает - лететь или бежать? Но, убедившись, что в воздухе спокойнее, начинает полет. Постепенно набираем высоту, все прилипли к иллюминаторам, хочется посмотреть новый край. Через некоторое время начинается темно-зеленая тайга, и только ленты рек и редкие деревушки с окружающими их желтыми полями перемежают зеленый пейзаж.

Сначала все было прекрасно. И вдруг - самолет начинает падать - воздушная яма. Остановится он или будет падать? Продолжает падать, а содержимое желудка начинает перемещаться вверх. Ну, слава богу, падение закончилось, снова набираем высоту. Какое-то время летим нормально, потом снова яма, и так без конца. Лица сидящих напротив сначала бледнеют, потом зеленеют. И я, наверное, похожа на зеленого кузнечика. Вера Ильиных, не выдержав, садится на пол самолета. Остальные крепятся. Да, это не комфортабельный междугородный лайнер! К чести моих коллег никто из нас не воспользовался полиэтиленовым мешком, хотя наши соседи делали это довольно часто.

Одолев, наконец, положенные 160 км, АН-2 начинает снижаться. Подлетаем к Гайнам, видна извивающаяся лента Камы, груды бревен на ее берегах, прилепившиеся ближе к побережью деревянные строения и желто-зеленое поле аэродрома. Попрыгав по полю, самолетик остановился. Еще не веря, что полет закончился, отвязываемся от ненавистных сидений и вываливаемся из самолета. Вот уж тут мы разом "освободились" от завтрака.

Идти сил нет, падаем на дорожную сердцу землю и лежим. Перед глазами все плывет. Постепенно сила земли подпитывает наши распростертые тела. Отлежавшись, с трудом поднимаемся. Ноги еще плохо держат, нас качает из стороны в сторону. Но трое наших мужчин уже полны энергии, и заставляют подняться нас. Берем свою поклажу: спальные мешки, палатку, рюкзаки, посуду - и плетемся в деревянную избушку аэропорта.

Сейчас наша главная цель - добраться до Агафоново, а оно довольно далеко от Гайн, пешком не дойти. Надо найти какой-то транспорт. Незаменимый Володя Кананин отправился на его поиски. Мы сидим в ожидании, и, хотя время уже обеденное, мысль о еде вызывает отвращение: мы все еще под впечатлением полета.

Передышка дала нам возможность прийти в себя окончательно, а тут и Володя появляется на большом геологическом вездеходе. Побросав в него вещи, залезаем сами, и уже вполне окрепшие едем в сторону Агафонова. Деревенька Агафоново мне хорошо знакома. Но с 1962 г., когда я впервые там побывала, времени прошло довольно много, и я с большим напряжением смотрю вокруг, стараясь не пропустить ее. К счастью, шофер знает и Агафоново, и другие окрестные деревни и благополучно привозит нас в деревню. Прошло 7 лет, и я с ужасом вижу, что ситуация изменилась: деревья стали выше, гуще, и я с трудом узнаю местность. Где теперь могильник?

Ситуация осложнилась тем, что, как только мы выехали из Гайн, начался дождь и не просто дождь, а настоящий ливень, идет, что называется, стеной. Неужели это север Пермской области, а не тропический юг? Первоочередная проблема - спасти продукты и вещи. Хлеб, крупы, сахар могут вмиг превратиться в месиво под таким ливнем. Пришлось снять с себя все, что было можно, чтобы закрыть продукты.

Сначала мы решили пересидеть под елями, благо их много, они пушистые и закрывают надежно от ливня. Но дождь не прекращается, и мы решаем ставить палатку. Минут через 15 дом стоит, да какой! Палатка была германская и состояла из двух частей: верхний полóg надежно защищал от дождя, а внутренний был сделан из простой хлопчатобумажной ткани без пропитки, но плотно закрывался на замок, сохраняя сухое тепло и предохраняя от насекомых. Хорошо, что к этому времени у нас появились такие комфортабельные палатки. В условиях севера жить в палатках без внутреннего полога можно, но очень трудно.

Под навесом палатки, который предназначен для того, чтобы ставить туда машину, разводим костер. Возле него пытаемся обогреться и что-то приготовить на ужин. Уже темнеет. Ребята занялись костром и дровами, девочки - подготовкой ужина. Одновременно пытаемся высушить одежду. И поскольку стремление высушить слишком велико, то через короткое время имеем первые потери: кто-то прожег штормовку, а я нечаянно подожгла красивейшие шерстяные носки нашего любимца - Володи Кананина. Эти носки были связаны ему мамой, и, конечно, он расстроился, но виду не подал. Поели, обогрелись и улеглись спать.

За вечерними хлопотами мы не разглядели своего главного врага - комаров. Утром белое окно внешней палатки почернело. Удивительно,

почему белая сетчатая ткань вдруг стала черной? Подхожу ближе, пытаюсь потрогать, а она живая, сплошь покрыта толстым слоем комаров. Как только человек выходил из внутреннего полога, вся эта сосущая братия накидывалась на него со страшной силой. Потом на улице ветерок часть комаров все-таки сдувал.

К счастью, мы взяли с собой защитное средство от комаров "Диметилфталат". Позже появилась масса других средств (крем "Тайга" и др.), но тогда это был самый доступный и примитивный препарат, напоминающий растительное масло. Мы были вынуждены мазать им открытые участки тела, прежде чем выйти из палатки. Даже в теплые дни раздеться было невозможно, потому что комары "работали" в любую погоду круглосуточно.

Весь следующий день ушел на обустройство быта. Первый день мы занялись кухонным и обеденным столами, скамейками и печкой. Печь соорудил Володя Кананин. У него всегда все получалось красиво. Он умел правильно выбрать и сложить дрова, с нужной стороны их поджечь, чтобы костер запылал быстро и горел долго. Это целое искусство, далеко не каждому археологу известное, но в нем он разбирался в совершенстве.

В.Кананин вообще по жизни очень любознателен и любил учиться всему, чего не умел. Будучи значительно позже в экспедиции в Изборске у местных жителей научился плетению, и у нас в семье до сих пор хранится солонка, сплетенная его руками.

Нас было немного, и раскоп был небольшой. Наблюдение за очищенной от леса поверхностью показало, что могилы почти всегда были отмечены небольшой впадиной и можно без раскопок определить их место.

Мне нужно было обязательно познакомиться с местным краеведом, директором народного музея в Гайнах, очень интересным человеком - Александром Ивановичем Верещагиным. Мы с Володией отправились туда пешком. Сначала в Харино, а потом в Гайны - районный центр. В райисполкоме - центре советской власти - мы нашли А.И.Верещагина. Он оказался очень приветливым, внимательным человеком, рассказал обо всех находках, которые были сделаны им в последнее время, о своей работе по организации музея. Это был очень энергичный, целеустремленный человек. Ему выделили большую комнату в здании райисполкома, и через год Александр Иванович открыл свой народный музей.

Возвратившись обратно на попутной машине, застали своих в бодром состоянии. Палатка стоит, рядом стол и скамья, очаг горит, раскоп разбит - все готово к делу. На следующий день начали копать. Очень мешали корни от леса, который совсем недавно здесь стоял. Полно сучьев,

пеньков, их тоже нужно убирать. Мы стаскивали их в большие кучи и сжигали. Нет худа без добра: и тепло, и комаров меньше.

Прямо по могильнику шла дорога, соединяющая г.Кудымкар и с.Гайны, разрушившая часть могильника. Расчищаем первые могилы, начинаются первые сюрпризы. Только сняли верхний дерновый слой, почти во всех могильных ямах пошли угли. Иногда они образовывали довольно мощные линзы до 10 см и более. Ничего подобного мне раньше видеть не приходилось. Могилы имели, как правило, не прямоугольную, а округлую или с округлыми углами форму. Вероятно, это было связано с тем, что могилы выкопаны в песке и стенки их легко осыпались. А может быть, это определялось отсутствием жестких, деревянных погребальных конструкций?

Сожжение производилось где-то в особом месте, за пределами могильника. Здесь кремационных площадок не обнаружено. И видимо, сжигали не всегда полностью, в могилах иногда встречались не сгоревшие, а лишь обугленные куски черепов и трубчатых костей рук и ног.

С этого дня мы начали измерять все: где находятся микроскопические кусочки костей, вещи, на какой глубине и т.д. Даже рост, талию, длину ступни друг у друга.

13 сентября начинаем раскапывать заранее нелюбимую могилу под номером 13. К могиле не подхожу, тем более, что все уже хорошо владеют методикой раскопок и мое руководство особенно не нужно, да и яма казалась неинтересной. Став на отдельную могилу, предаюсь простой работе - расчистке погребения.

И вдруг крик Веры Ильиных:

- Ребята, скорей сюда, я что-то нашла!

Ничто не может сравниться с этим чувством неизвестности: появляются какие-то верхние детали древних вещей, но что глубже - никто не может даже предположить. Захватывает процесс открытия сначала просто вещей, а потом процесс открытия явлений, событий. Первоначально и в могиле 13 не было ничего особенного - углистое пятно, несколько зубов лошади, железный нож и все. Ничего не предвещало сенсации: слой ямы кончился и, как мы говорим, шла чистка дна. И вдруг неприятный звук лопаты о металл. Начинаем расчищать. Появляются какие-то странные зеленоватые вещи.

- Да это птицы, но вместо клюва - пасть!

- Не может быть! - произносит Арсен Радич.

Осторожно извлекаем один появившийся на свет предмет. Бронзовая трубочка длиной около 5 см, объемная, в виде птицы. Хорошо видны крылья, они орнаментированы линией кружочков. Но что это? Вместо ожидаемого клюва, как у птицы, здесь оскаленная пасть зверя. Странная

птица. Все собрались вокруг и внимательно наблюдают за скальпелем в руках Веры. Стала видна еще одна птица, другая, третья... Пятно расширяется, показались другие пронизки - трубочки, конические, их много, десятки, лежат они друг на друге кучкой.

В некоторых из них сохранились кожаные ремешки, которые тянулись к длинной узкой бронзовой пластине с отверстиями. Оказывается, эта пластина и есть главная деталь. В каждое отверстие был продет ремешок, на оба конца его подвешивались 2 - 3 пронизки-трубочки и птица-ящер или конические привески. Это была большая, сложная, шумящая подвеска. Когда человек, носивший ее, двигался, нити не только красиво покачивались, но и мелодично позванивали. Позже, когда подвеску полностью реконструировали, я обнаружила, что у нее более чем пятьюдесятью пронизками были заполнены лишь 8 отверстий, а 2 оказались пустыми. Видимо, 4 нити оборвались еще при жизни владелицы.

Заканчивая расчистку пронизок, мы изрядно устали, хотя работали по очереди. Положение на коленях с согнутыми в локтях руками не самое удобное для работы, а со стороны вообще комичное, особенно когда несколько человек занимают такую позицию вокруг какого-то предмета. И хотя, конечно, были рады такой находке, но были довольны и тем, что конец уже близок.

Но скальпель снова открывает какую-то крупную вещь: большая плоскость очень хрупкой бронзовой пластины. Усталость как рукой сняло. Осторожно открываем предмет, сдвигая землю скальпелем и кисточкой.

- Ого! Что-то длинное, - говорит Арсен.

А вот какие-то поперечные рифленые кольца. Наверное, окончание вещи. Но нет, она продолжается дальше. Только изменился материал. Идет не зеленая бронза, а какая-то темная, чуть сморщенная масса. Оказывается, это хорошо выделанная полоска кожи.

- Вот удивительно! А говорили, что кожа не сохраняется, - замечает Галка.

- Видимо, какой-то особый случай. - Арсен любит нештатные ситуации.

Кусок кожи завершается опять поперечным кольцом. Надеюсь, что это конец. Скальпель продолжает раскрывать предмет, сейчас снова бронзовый. Когда он обнажился полностью, стало видно, что это ножны. Длина их была 24 см, а ширина чуть больше 3. Они были сделаны из тонких деревянных пластин, а сверху покрыты бронзовыми пластинами и кожей. В пяти местах ножны охватывали поперечные бронзовые кольца. Такие ножны носили женщины Верхнего Прикамья в VII в. н.э.

Расчистка закончена. Найденные вещи рисуем, фотографируем, тщательно упаковываем, пишем сопроводительную этикетку. Кажется все. Для порядка Вера еще раз прошлась лопатой по освободившемуся от вещей месту могилы, темное гумусированное пятно еще не совсем исчезло. И опять звякает лопата.

Ее в сторону, скальпель в руки и снова в комическую позу. Неужели что-то будет еще? Очередной подарок, да какой! На фоне темно-серого песка появляется белый плетеный четырехгранный металлический жгут. Он сплетен из множества тонких колец и свернут кольцом. Когда мы его развернули, он оказался длиной 32 см, а диаметром около 1 см. Один конец заканчивался круглым цилиндриком, а второй - гладким стержнем с шишечкой на конце и пластиной с гнездами для каменных вставок. Это гривна - шейное украшение! Серебряная, из металла прекрасного качества, как будто только что вышла из рук мастера. Первое впечатление было, что она живая, потому что извивалась, как змея. Хотелось не только смотреть, но и касаться ее.

Девушкам захотелось непременно примерить гривну на себя. На теплой коже ощущение ее живой еще более усиливалось. Что должна была чувствовать женщина, владеющая этим сокровищем в глухой таежной деревушке? Вероятно, она чувствовала себя королевой. Только очень любящий мужчина мог раздобыть такой подарок! Прикоснувшись к гривне, мы, возможно, прикоснулись к большому и светлому чувству, полыхавшему в здешних краях 13 веков назад. Вот вам и тринадцатое погребение, и 13 сентября! С тех пор цифра 13 меня не пугает, видимо, это не мое роковое число.

Позже, вернувшись домой и перерыв груды литературы, я узнала, что такие гривны делали, скорее всего, в причерноморских мастерских. В Верхнем Прикамье, вместе с нашей находкой, их известно 3; одна обнаружена на р.Печоре; 2 - в Башкирии; одна в северо-восточной Татарии и 5 - на юге Восточной Европы. Это был самый счастливый день нашего путешествия.

Судьба сделала нам еще один, на этот раз житейский подарок. Продукты наши были на исходе, и Володя отправился в магазин в Харино. Осень была теплой и дождливой, и время от времени появлялись грибы. А ведь они, как известно, идут волнами. То их нет, то вдруг вылезут, да под каждой сосенкой на травяной обочине строящейся трассы. Именно в этот день появилась тьма-тьмушая маслят. Мы на раскопе об этом не подозревали, а Володя по дороге их разглядел. На обратном пути собирал, но класть было некуда, рюкзак был полон продуктов, и он складывал их в капюшон штормовки. Пришел, снял рюкзак и говорит:

-Выгребайте!

- А что выгребать? - сбежались девчонки, ждут подарков.

- Да вон, в капюшоне.

Посмотрели, а там целая куча молочных со светло-коричневыми шляпками в капельках сока молоденьких аппетитных маслят. Зрелище очень красивое, а грибовница вообще восхитительная.

В ответ на его подарок мы продемонстрировали свои находки. Володя онемел. Долго сидел, разглядывая предметы, любовался гривной, а потом, растрогавшись, произнес:

- Ну, чайники, порадовали! Вот вам за это еще один подарок! Хотел его оставить на закрытие, но уж раз сегодня такой день, пусть будет праздник!

И достал из рюкзака темно-зеленый в полосочку арбуз. Вековые ели заколыхались от воплей восторга. Надо представить экспедиционный быт, весьма непритязательную еду: макароны, каша, картошка. О фруктах даже мечтать возбранялось! А тут арбуз, да такой большой! В этот момент сердца наши были переполнены любовью не только к Володе, но и к арбузу.

Тема грибов, местные жители их называют "губи", продолжилась на следующий день. Утром, собираясь умыться, Арсен отодвинул в углу палатки свой рюкзак, и взору открылся большой, с почтением склонивший свою шляпу, красноголовик. Несколько дней мы любовались им, не трогали. А потом, хоть и с сожалением, все-таки положили в очередную грибовницу.

Быстро пролетели отпущенные нам четыре недели, и пришла пора собираться домой. Последний вечер перед отъездом особенно грустен. Не хочется расставаться с местом, где прошло столько светлых минут, не хочется расставаться с друзьями, ставшими близкими. Но - увы, время неумолимо... И почти всю ночь звучат минорные или шутливые мелодии.

Горы далекие, горы туманные,
И улетающий, и умирающий снег.
Если вы знаете, где-то есть город,
Если вы помните, он не для всех.
Странные люди заполнили весь этот город.
Мысли у них поперек и слова поперек.
И в разговорах они признают только споры.
И никуда не выходит оттуда дорог.
Вместо домов у людей в этом городе небо.
Руки любимых у них вместо квартир.
Я никогда в этом городе не был.

Я все ищу, и никак мне его не найти.
Если им больно, не плачут они, а смеются,
Если им весело, вина хорошие пьют.
Женские волосы, женские волосы вьются,
И неустроенность им заменяет уют.
Я иногда проходил через этот город,
Мне бы увидеть, а я его не замечал.
И за молчанием или за разговором
Шел я по городу, выйдя и не повстречав.
Поездом мне, поездом мне не доехать,
И самолетом тем более не долететь
Он задрожит миражом, он откликнется эхом,
И я найду, я хочу, и мне надо хотеть.

Ю.Кукин

Зимой я получила письмо от А.И.Верещагина с сообщением о приближении строительства дороги Кудымкар - Гайны к площади Агафоновского могильника. Нужно было что-то предпринимать, чтобы могильник не был разрушен. А.И.Верещагин сделал все, чтобы памятник не погиб под ножами бульдозеров, как многие другие. Он остановил строительство.

Весной 1970 г. в Гайны на переговоры поехал В.Кананин. К счастью, ему удалось не только сохранить памятник, но и получить помощь в финансировании. Это было кстати, так как выяснилось, что могильник очень большой и расположен не только там, где мы копали в 1969 г., но и там, где стояла наша палатка.

Вернулись из Удмуртии в конце августа 1971 г., привезли, чтоб всех угостить, огромный мешок яблок, расположились в главном корпусе университета, на первом этаже на полу. Ребята сели возле мешка с яблоками, решили подзакусить ими. Я пошла к начальству. Вернулась с телеграммой – надо срочно ехать в Гайны, копать Агафоновский могильник, строители дороги подошли вплотную к нему. Что делать? Мне ехать нельзя, надо готовиться к защите диссертации. Как вспоминает В.Кананин: «Пришла Р.Д. (это ее кликуха), в руках – революционный мандат – Открытый лист по форме №4, разрешение на проведение раскопок везде, всегда и даже ночью; всем органам Советской власти оказывать всемерное содействие... за неподчинение 3 дня расстрела. Вопросы есть?» Вопросов не было. А потом не по уставу: «Ребята, кто сможет поехать?». Я, вдруг вспомнив песню «Комсомольцы-добровольцы», положив в мешок недоеденное яблоко, сказал:

«Добровольцы есть». Так началась первая самостоятельная экспедиция В.А.Кананина.

Ему пришлось тяжело, так как людей у него было мало. Строители наступали, им надо было тянуть дорогу дальше. Поэтому, когда все студенты уехали на учебу, Володя остался один, жил в деревне и каждый день ходил на раскопки. Он пытался ускорить работы – пошел в школу, прочел лекцию о могильнике. На следующий день набежала толпа с лопатами, человек 60 и удалось снять верхний слой на большой площади. Но разбирал могилы он всегда сам. И только с наступлением морозов, когда земля замерзла, и лопата не стала входить в грунт, он уехал.

Я ждала его в конце сентября, но он все не приезжал. Каждый день проходил в томительном ожидании: мне нужно было ехать в Ленинград на защиту диссертации, а его все не было. 10 октября он ввалился в мою маленькую комнатенку в деревянном старом купеческом доме с огромным рюкзаком находок.

За окном вовсю сыпал первый снежок, в комнате шумела топившаяся большая железная печь, я угощала Володю жареной картошкой и смотрела на него с удивлением. Он открылся для меня новой гранью своей натуры. Такой самоотверженности и преданности делу я, честно говоря, от него не ждала.

Он сильно похудел, денег с собой у него было немного, явно не доедал. Кожа на лице покраснела и задубела от холода и ветра, усталость чувствовалась в движениях, голосе. Но он испытывал оправданную гордость, когда мы стали распаковывать рюкзак с находками. Чего там только не было! Накладки агафоновского типа в огромном количестве и разнообразии вариантов, бронзовые и серебряные подвески, стеклянные и янтарные бусы, браслеты, перстни, серебряные ножны, бронзовые фигурки коньков, птиц и медведей. С особой гордостью он развернул тщательно упакованный меч. Он был завернут в вату, бумагу и уложен между двумя аккуратно вырезанными дощечками. Да, было чем гордиться! Правда, меч был сломан, сохранилась только часть с рукоятью и кусок посередине. Но зато удалось сберечь два крупных фрагмента серебряных ножен, украшенных полуовальными выступами с оттиснутыми на них рельефными розетками. Красивая вещь! Конечно, привозная. Наверное, вымененная владельцем у заезжих купцов на гору мехов. А может быть, и подаренная каким-либо далеким гостем в надежде на благосклонность суровых северных хозяев.

В 1972 г. я готовилась к переезду в Ижевск, и работы на Агафонове не состоялись. Но А.И.Верещагин внимательно следил, чтобы строители не разрушали нераскопанную часть. Так получилось, что Володя, закончив университет, тоже приехал в Ижевск, и с этого времени мы работаем

здесь вместе. Спустя некоторое время он защитил кандидатскую диссертацию, стал доцентом и деканом исторического факультета Удмуртского университета.

В 1973 г. мы решили вывезти в Агафоново большой отряд - человек 60-70, чтобы раскопать могильник полностью. Оборудование, продукты, спальные мешки, палатки для такого количества людей надо было отправить заранее. Мы арендовали грузовую машину, погрузили на нее все необходимое, и машина отправилась в путь с Володи и 8 студентами-историками, будущими археологами.

Ехать с машиной всегда престижно: во-первых, удобно, не бегаешь с поездом на поезд или автобус, а спишь на мягких спальниках в кузове; во-вторых, все-таки пораньше остальных вырываешься из надоевшего, пыльного и душного города. Но отбор людей на машину Володя всегда осуществлял лично и брал только тех, кто, по его мнению, был полезен. Ведь эта группа должна работать как никто другой - от зари до зари. Мало было доехать без проблем, надо было еще выбрать место для лагеря, поставить палатки, разложить спальники, соорудить столы обеденные и для кухни, сложить печку, заготовить дрова, оборудовать место для умывания. В общем, дел было очень много.

Наконец, машина загружена, отобранные счастливчики залезли в кузов, на дорожку последняя песня для отъезжающих и остающихся. Кананин, махнув на прощание рукой, сел в кабину и машина отъехала. Провожая ее с тревожным чувством, зная, что ехать надо более 500 км, дороги мерзкие, машина старая, и мысленно молюсь, чтобы все было хорошо. Но когда с машиной Володя, я была уверена, что все будет в порядке. Не было еще случая, чтобы у него что-нибудь не получилось. Несмотря на то, что машина в дороге все-таки сломалась, он нашел возможность отремонтировать ее в Кудымкаре.

Когда через 3 дня мы приехали со студентами на двух автобусах в Агафоново, лагерь уже стоял. Володя нашел замечательное место, уютную полянку на берегу небольшого ручья, чуть ниже деревни, со всех сторон закрытую лесом от посторонних взглядов. Ровным красивым рядом стояли новые уютные палатки. Посредине поляны устроена волейбольная площадка. Справа, ближе к лесу, поставлены большие обеденные столы в виде буквы П, рядом кухня - печка, стол для посуды, хозпалатка и специальное приспособление - стойка для лопат. Чуть дальше, почти совсем в лесу, оборудовано специальное место для вечернего костра. Все продумано: вечернее веселье у костра не должно мешать тем, кто хотел бы уснуть. Ведь людей много, а интересы у них разные.

Помню, как студенты с удивлением разглядывали свою палаточную деревню, с веселым гомоном обживали матерчатые домики, как радовались приготовленному к нашему приезду обеду. Благодарю В.Кананина за все сделанное, но читаю на его лице некоторое смущение. Немного помявшись, он говорит:

- Случилось страшное. Иринка вымыла спиртом посуду, и больше его нет ни капли.

У меня отлегло от сердца. Это еще не самое страшное, хотя, конечно, хорошего мало. Дело в том, что спирт был нужен для разбавления клея БФ при консервации глиняных сосудов. При расчистке сосуды надо пропитывать слабым раствором БФ, чтобы они не растрескивались. Кроме того, спирт нужен для медицинских целей, да и для житейских.

Оказывается, спирт, как обычно, был налит в 10-литровую металлическую канистру. Таких канистр у нас было несколько, в них на кухню приносили воду для приготовления пищи или мытья посуды. Так и в этот раз. На кухне стояли несколько канистр с водой. Господин случай определил, что и канистра со спиртом была поблизости. Ирина Кислякова дежурила по кухне. После обеда все разбрелись передохнуть, а она, как настоящая хорошая хозяйка, принялась мыть посуду. Подливая в очередной раз холодную воду, она схватила канистру со спиртом и лихо вылила его в таз с грязной посудой. Ведомый необычным запахом, подошел Володя, и каково же было его удивление, когда он определил, что запах исходил от таза с помоями. Он побледнел, но сделать уже было ничего нельзя. Зато посуда в этот раз была стерильна.

Как и всегда, сильно докучала всякая летающая нечисть. Если раньше мы страдали преимущественно от комаров, то в этом году появилась какая-то удивительно кусачая мошка. Эта мошка доставляла множество забот нашим красивым девушкам. Однажды утром вся экспедиция громко смеялась, увидев, как одна из наших самых очаровательных девушек - Галя Анонова не могла открыть глаза: они заплыли от укусов. Она смотрела на мир сквозь узенькие щелочки, расстройству ее не было предела, но веселью окружающих тоже. Она пыталась закрыть хотя бы часть лица повязкой, но Кананин не мог пропустить такой случай и ходил за ней следом с громкими криками:

- Гюльчатай! Открой личико!

Баня в экспедиции - целое событие. Все-таки раскопки - это тяжелая, грязная работа. Копаем землю, она набивается в одежду, песок скрипит на зубах. Многократное мытье в ручье и купание в старичном озере помогают, но не спасают, нужна баня. Агафоново - деревенька маленькая, и, если даже затопить все бани, мы все равно не поместимся. А вот в

Харино есть общественная леспромхозовская баня. Баня небольшая, чистая, уютная, в ней одно отделение.

Воскресное утро начиналось с веселых сборов в баню. Сначала везли всех юношей. Потом машина приходила за нами. Загружаемся и весело пылим до Харино. Подъезжаем. Из бани начинают выползать самые нетерпеливые. Но какие чистые! Как говорит Кананин, чистые, аж противно! Потом заходят девушки. Умиротворенные и счастливые едем обратно.

Работа в экспедиции - это, прежде всего, тяжелая монотонная физическая работа. И без веселых шуток было бы еще труднее. У нас была девушка с экономического факультета, крупная, очень высокого роста – Оля Николаева. Она была восторженным человеком, искренне изумлялась всему. Кананин как-то сказал ей на раскопе:

- Оля, пожалуйста, соберите вот эти кости животных, отнесите в камералку и попросите их сварить. Специально оборудованная полевая лаборатория называлась она камеральной, коротко - камералкой, а образно «помиралкой». Оля, не подозревая о подвохе, взяла кости, принесла в камералку и уже готовилась помочь камеральным работникам кипятить их, как выяснился весь шуточный характер затеянного задания. Оля слегка обиделась на Владимира Алексеевича и даже грозилась побить, но скоро отошла.

Устные скрижали экспедиции описывают последующие события так: «Вдруг задрожала земля между лагерем и раскопом. Это возвращалась Оля. Начальника В.Кананина почему-то нигде не было видно».

В камералке властвовал Миша Борисов, и внешне, и внутренне колоритная личность. Профессиональный художник (деревянное зодчество), поэт ярко выраженного лирического типа, смешлив и добр ко всему окружающему – людям, животным, растениям. Огромные кисти рук с длинными, очень чувствительными пальцами. Он изготовил множество оригинальных эмблем, символов, флагов для экспедиции и даже подарил кабинету археологии зеркало, раму к которому вырезал сам.

В обеденные перерывы и после работы разгорались волейбольные баталии. Собралось довольно много классных волейболистов: Саша Фонарев, Саша Прокопов, Татьяна Вершинина и другие. Играли с удовольствием и красиво. А уж как жаростно болели! Забыть это невозможно!

Агафоновские могильники полностью изменили наше представление о погребальном обряде древних коми-пермяков. До начала этих работ он представлялся как обряд с абсолютным господством трупоположения, а теперь, пожалуй, впервые можно было сказать, что средневековые коми-пермяки, как и многие другие финно-угры, имели два обряда:

труположение и трупосожжение. Раскопки Агафоновских могильников сыграли очень важную роль в развитии наших представлений о характере материальной и духовной культуры северных коми-пермяков.

Как всегда, быстро проходит лето, нужно возвращаться в город. Расставание всегда тяжело - у многих на глазах слезы. Сначала отправляем основной состав, потом собираем лагерь, оборудование, все упаковываем в ящики, грузим в машину. Последний взгляд на агафоновскую поляну и - в путь.

Во время раскопок Тарасовского могильника в Сарапульском районе Удмуртии свой лагерь мы ставили сначала прямо под могильником возле ручья на небольшой площадке, а когда численность полевиков выросла, пришлось перебраться на другую сторону ручья, где места было больше. Здесь можно было разместить много палаток, кухню и даже оставалось место для футбола. Футбол - это любимая игра студентов исторического факультета. Игра азартная, зрелищная, и, когда начинались футбольные баталии, "болеть" приходили все. Страсти изрядно накалялись, но, как правило, все заканчивалось миром и дружбой. Лучшими футболистами, конечно, были студенты-археологи и их однокурсники-историки: Ренат Зайнуллин, Рушат Хузяттов, Коля Вотинцев, Сережа Лялин, Володя Воронцов и другие. Это был дружный, веселый, заводной курс. Под стать ребятам были и девчонки - Алла Лебедева, Света Халдеева, Лена Исупова, Катя Голдина, Надя Широбокова.

В Тарасово сначала было очень трудно с водой. В первый год еще можно было умыться в ручье. Но, приехав на второй сезон, мы с ужасом увидели, что вся трава вокруг ручья покрыта толстой нефтяной пленкой: оказывается, из качалок выше по течению ручья вытекла большая порция нефти и ручей был испорчен. С тех пор воду в ручье использовать было нельзя. Спасли положение наши знатоки природы - открыли рядом с лагерем небольшой ключ, расчистили его, обустроили, и проблема с водой была решена. Воды хватало и для кухни и на умывание.

Большим событием всегда был приезд Володи Кананина. Его ждали с нетерпением и вечерами долго не отпускали, наслаждаясь песнями в его исполнении. Заявки сыпались со всех сторон, и он с удовольствием их выполнял.

У птицы украли небо.

"Где же небо?" - спросила птица.

"Не было! Не было! Не было!!!" -

Ответили мрачные лица.

"Где же небо? - спросила птица, -

Где же звезды будут искриться?

Где же теперь я буду летать?"
"Хватит врать! Хватит врать! Хватит врать!"
Припев: "Если были рады вы
Искупаться в радуге,
Почему в награду вам
Синий мир погас?
Вы отдайте небо мне,
Не гремите небылью,
Крыльев нет и не было
Никогда у вас".
У маленькой серой птицы
Нет неба над головою,
И негде ей с солнцем слиться,
И нет уже птицы самой.
Потому что птицы без неба -
Это ребенок без слез,
Это земля без хлеба,
Это рассветы без рос.
Припев.

А.Дольский

В Тарасово мы постоянно жили в содружестве с живой природой. Каждое утро мы просыпались от рева коров и хлопанья кнута. Мимо нас шла дорога на выгон, и любопытные коровы подходили к палаткам, обрывали их растяжки и иногда шумно дышали прямо над ухом. А однажды в гости к нам пришел кабан. Среда бела дня по кромке поля неторопливо шел поросенок. Откуда он? Деревня далеко. И только, когда глазастый В.Кананин закричал: "Кабан! Кабан!", я обратила внимание на его странный серый окрас. Все в это время сидели за столом - время обеда. Несколько человек самых любопытных бросили ложки и побежали ловить кабана. Все остальные с азартом наблюдали за погоней. Но... несмотря на кажущуюся неповоротливость, кабан шустро ушел от своих разочарованных преследователей.

Вспоминается разведка на Верх-Саинское I городище в Березовском районе Пермской области. Реку здесь пересекает довольно большая плотина, по которой и идет дорога. С некоторой опаской едем по плотине, так как кое-где она размыта, минуем деревню Шакву и в километре от нее видим 2 полуразвалившихся дома с заколоченными ставнями. Здесь начинается Верх-Сая. Вообще-то, это только часть деревни, основная находится километрах в двух выше по течению речки Сая. Но нам нужны именно эти два дома, так как напротив их расположено Верх-Саинское I

городище. Сама по себе речка Сая узенькая - метра 2-3 шириной. Ее можно кое-где даже перепрыгнуть, но вода очень холодная, а течение быстрое. В ней водилась даже такая редкая и капризная рыба, как хариус.

В этом месте Сая запружена. Плотина загораживает небольшой, довольно уютный прудик. Через плотину переброшен деревянный мост. Возле прудика мы и остановились. Выгрузились, разделились. Под руководством Гали Мерзляковой осталась кухонная команда - надо приготовить обед. А мы отправились на городище. До него оказалось рукой подать, метров 100. Расположено на мысу, образованном довольно крутым склоном р.Сая и глубоким оврагом. Поднимаясь по тропинке, протоптанной по гребню мыса высотой 26 м, я и не подозревала, что буду подниматься по ней каждое лето в течение 14 лет. Именно столько времени мы работали на этом памятнике.

Мыс был сложен глинистыми породами, кое-где перемежающимися с пластами плитняка, и предприимчивые головы пытались организовать небольшой карьер прямо на мысу городища. Но то ли плитняк им не понравился, то ли потребность в нем отпала, но, к счастью, карьер забросили, и городище уцелело. Только зияющая на склоне мыса яма так и осталась молчаливым укором местным руководителям.

Поднявшись на площадку, мы сразу увидели хорошо сохранившийся вал, длиной около 200 м, высотой 3-4 м, окружающий по дуге городище с напольной стороны. Поверхность ровная, не разрушенная. Идеальное место для раскопок. Решение - будем копать - пришло сразу же, ведь мы и искали пригодное для раскопок городище. Нужно было выяснить, есть ли на городище слои и к какому времени оно относится.

Не теряя времени, Надя Лещинская занялась топографическим планом, Лёня Макаров с Володей Королевым - шурфами, а мы с В.Кананиным пошли собирать материал. В итоге выяснили, что культурный слой довольно значителен - от 30 до 100 см, содержит керамику, украшенную резным узором, как и в Неволينو, а, кроме того, в одном из шурфов нашли бронзовую пронизку-трубочку, абсолютно аналогичную неволинским. Появилась уверенность, что это городище неволинской культуры и его надо обязательно раскапывать.

Окрыленные удачей, мы вернулись к пруду, где уже был готов нехитрый обед-ужин: картошка с тушенкой, молоко, хлеб. В качестве праздничной добавки Галя расщедрилась на банку маринованной селедки. Лучшего подарка мы и не ждали. Вновь открытый для себя уголок мира, новый памятник, красивый пруд, почти праздничный обед - все располагало к хорошей песне. И В.Кананин взял в руки гитару:

Мне солнце виски опалит,
Мне дождь обесцветит глаза.
Ищу я в дорожной пыли
Слова, что еще не сказал.
Трава мне кивает: "Приляг".
Мне звезды кричат: "Погляди!"
И крутится набок земля,
Но хочешь - не хочешь - иди.
Мне путь этот с детства знаком
Восторгов, сомнений и бед.
По мыслям-ножам босиком
Иду, улыбаясь тебе.
И пальчиков детских забор
Мне путь по земле преградил.
И мне уж не выиграть спор.
И хочешь - не хочешь - иди.
А песни мне спать не дают.
А времени нет - пустота.
А где ж вы, покой и уют?
Без Вас я немного устал.
Разорванный мыслями сон.
Лежит потолок на груди.
И не пересечь горизонт.
А хочешь - не хочешь - иди.

Ю.Кукин

В.Кананина можно было слушать бесконечно. Очень своеобразный, широкий репертуар удовлетворял вкус любого, порой очень взыскательного слушателя. За веселыми шутками, песнями незаметно пролетел остаток дня, и – домой мы вернулись за полночь.

Володя Кананин был замечательным организатором праздников в экспедиции. Многие из них были срежиссированы им, и эти традиции сохраняются долгие годы. Обязательными были открытие и закрытие лагеря, 14 августа - День археолога и посвящение в археологи. Последний праздник проводили в середине сезона, когда люди уже кое-чему научились - копать, делать зачистку, расчищать объекты, то есть чувствовали себя археологами. Обычно для праздника избиралась суббота, чтобы на следующий день все могли вдоволь выспаться. За несколько дней готовился сценарий, расписывались роли, проводилась предварительная репетиция, заранее готовились дрова для большого костра. Посвящение состояло из множества испытаний: посвящаемых с

завязанными глазами водили по кустам, оврагам, буеракам, им давали новое имя, они клялись в любви и почтении к археологии, а иногда их бросали в одежду в воду. После церемонии посвящения - всеобщее веселье у костра. И конечно, экспедиционные песни, и обязательно неофициальный гимн КВАЭ.

Росу золотую склевала синица.
Над рыжим болотцем поднялся рассвет.
Мы снова уходим и снова синильга
Березовой веточкой машет нам вслед.
Куда же идем мы и что же нас гонит?
Куда приведет нас такая судьба?
Мы встретимся снова в пустынном вагоне
И ты улыбнешься: "Привет, старина!"
А помнишь, как раньше с тобою мы жили?
Как слали проклятья бродячей судьбе?
Мы станем иными, мы станем чужими.
Изменим друг другу и сами себе.
Ребята, ребята! Мы будем бессильны
Вернуть удивительный этот рассвет.
Ведь только однажды, однажды синильга
Березовой веточкой машет нам вслед.

Открытие и закрытие лагеря связаны, как правило, с подъемом и спуском флага экспедиции, вручением эмблем и прочих регалий. Каждый год художники экспедиции делали макет, а потом штамповали масляными красками на полотне нарукавные эмблемы для всех участников полевой жизни. Потом эти эмблемы нашивали на рукава своих старых, уже побелевших от ветров и дождей штормовок, и чем больше было у человека эмблем, тем большим уважением он пользовался.

В.А.Кананиным было многое сделано для развертывания хоздоговорных исследований Удмуртского университета в Камско-Вятском междуречье. Именно им был заключен в 1973 г. первый договор на обследование строящегося газопровода Пермь-Казань-Горький на территории Удмуртской Республики. Тогда это давало дополнительное финансирование и было очень важным для укрепления материальной базы экспедиции. Для заключения договора он ездил сначала в Москву, потом в Горький, Киров и снова в Москву. Наконец, он заключил договор, но в назначенный день не вернулся. Прилетел только на следующий день. Оказалось, устал от этих переговоров, купил на последние деньги пряников, поел и уснул в аэропорту, самолет улетел без него. На

следующий день ему удалось уломать служащих аэропорта посадить его в самолет. Прилетел без копейки в кармане и голодный.

В.А.Кананин написал и успешно защитил 18 апреля 1986 г. кандидатскую диссертацию «Средневековые памятники верховьев р.Камы». Он учился в аспирантуре в Москве, в Институте археологии, под руководством члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук Валентина Васильевича Седова, одного из выдающихся славяноведов России. Это был бывший десантник высокого класса из отряда спецов, охраняющих правительственные рейсы, почти 3 года воевавший в Великую Отечественную войну, ученый-энциклопедист, археолог-эрудит, талантливый полевик, признанный знаток не только славянских, но и финно-угорских и балтских древностей. В.В.Седов раскопал множество славянских памятников, среди которых почти полностью – древнерусский город Изборск – памятник, имеющий огромное значение для понимания процессов расселения славян на Северо-Западе России. Во время обучения в аспирантуре В.А.Кананин под руководством В.В.Седова участвовал в раскопках древнего Изборска. В.В.Седов – автор более 450 опубликованных работ, из них 12 монографий. Несколько раз он приезжал в Ижевск для чтения спецкурса «Основные проблемы славяно-русской археологии». Курс был не только насыщен новейшей информацией, которую в то время мы не могли получить столь оперативно, но был и безупречен по исполнению: структура, логика, аргументация концепций, все было исполнено по высшему классу. Это был пример того, как можно из такого скучного предмета как археология, изобилующего фактическим материалом и фамилиями исследователей, можно сделать яркое, образное, зрелищное действо, способное перенести слушателя в то далекое прошлое, которое и привлекает ныне живущих.

В 1974-1977 гг. В.А.Кананин проводил большие стационарные работы в Афанасьевском районе Кировской области – так называемом Зюздинском крае (от с.Зюздино-Афанасьево). Этот регион был особенно интересен для археологов Прикамья, так как представляет собой контактную зону между удмуртами, коми-пермяками и коми-зырянами. По дореволюционным материалам было известно, что памятники здесь есть, и надо было выяснить, как они соотносятся с известными средневековыми материалами. По данным известного лингвиста Р.М.Баталовой здесь располагался уникальный вариант – носители оригинального верхокамского наречия коми-пермяцкого языка. От археологических исследований зависело решение проблемы – кто жил здесь в VI-XIV вв. и какому народу принадлежат эти памятники. Именно эти задачи и надлежало решать В.А.Кананину. Работы здесь мы начали в 1974 г. Новый район, обживались трудно. Тяжелая дорога с пересадками,

сначала поезд до Кирова, потом - ст.Омутнинск, дальше на автобусе до Афанасьево, и чаще пешком - до д.Аверино. Ст.Омутнинская – своеобразный пункт, поскольку рядом большое число лагерей. Много оригинальных личностей, отсидевших в лагерях, которые поддерживали бдительность жителей вокзалов в тонусе. Местность очень яркая – высокие холмы, ограничивающие русло Камы, множество ручьев и речек, впадающих в Каму. Кама совсем узенькая – 30-40 м, не такая мощная, как в Удмуртии, кажется, что даже не Кама, а другая река. Деревни своеобразные, стоят близко, а домов в них очень мало – 4-5, редко больше. В огородах не только овощи, картофель, но и жито – овес, ячмень, рожь.

За 4 года В.А.Кананиным была проведена колоссальная работа. Он практически сам осмотрел около сотни памятников, на многих проводил раскопки, стараясь изучать комплексы: городище, могильник, селища. Например – городище Шудьякар и Аверинские могильники, Щукинские могильник и селище, Русиновские селища и могильник, Бисеровские селища и городища и другие. Были исследованы более 700 могил, насыщенных ярким и своеобразным материалом, позволяющим охарактеризовать историю развития местной культуры на протяжении девяти столетий от VI до XIV вв. Оригинальные материалы были получены и при раскопках поселений. В.А.Кананиным убедительно была доказана принадлежность этих памятников к ломоватово-родановскому кругу древностей, связываемых с древними коми-пермяками, выявлены особенности их хозяйственной деятельности и общественной организации.

Именно благодаря В.А.Кананину средневековье этого края стало хорошо известно специалистам-археологам. Следует отметить удивительную тщательность его исследований, на грани педантичности. Если уж стоит какая-то цифра в его работах, то ей безоговорочно можно доверять, все выверено многократно.

На протяжении довольно долгого времени с 1992 по 1997 гг. В.А.Кананин был членом диссертационного совета по специальностям «археология, этнография, антропология», работавшего на историческом факультете.

В.А.Кананин принял исторический факультет в 1991 и руководил им до 1997 г. Это было очень тяжелое время для высшей школы. Государство бросило ее, сократив финансирование до минимума. Порой не платили и зарплату преподавателям. Мы в своей семье, чтобы прожить, даже продали несколько вещей. Многие преподаватели вынуждены были работать в нескольких местах, некоторые ушли из вуза. Но основной костяк сохранился во многом благодаря В.А.Кананину. Деньги нужны

были не только на зарплату, но и на практики, проведение конференций, издание научной продукции, стимулировавшей рост молодых преподавателей, приглашение ведущих отечественных и зарубежных лекторов. Именно ему пришла мысль создать фонд помощи факультету, спонсируемый удачливыми и амбициозными бизнесменами. Эта идея нашла поддержку у выпускника исторического факультета В.А.Шаталова. В результате в 1993 г. возник Фонд развития гуманитарной науки и образования (фонд Шаталова), который просуществовал до 2001 г. За счет фонда на факультете были проведены несколько конференций, в том числе международные, выплачивались именные стипендии студентам, финансировались поездки молодых ученых за рубеж, издание научных книг, осуществлялась поддержка материальной базы учебных и производственных практик факультета, за счет фонда приглашались на факультет зарубежные ученые. Особый резонанс получили 2 международные конференции (1994, 1996 гг.) «Историческое познание: традиции и новации», собравшие более 100 участников.

Высшей школе сверху настоятельно рекомендовалось развивать платные формы обучения. Они появились на всех видах учебной работы: очном и заочном. Для привлечения абитуриентов, используя кадровый потенциал факультета в 1994 г. по инициативе В.А.Кананина был открыт Высший колледж социально-политических наук (ВКСПН), директором которого он является по настоящее время. Его замом по учебной работе стал выдающийся организатор вузовской науки в Удмуртии Н.И.Санников. За время существования колледжа были открыты и лицензированы несколько нужных для Удмуртии специальностей: «Международные отношения», «Регионоведение», «Архивист-делопроизводитель», и другие. Это стоило очень многих и многих трудов.

В эти же годы были открыты представительства факультета в нескольких городах Удмуртии и Пермской области: Сарапуле, Можге, Воткинске, Чайковском.

За годы деканской деятельности В.А.Кананин активно способствовал развитию нескольких проектов, среди которых особо стоит выделить программу «Темпус», финансируемую Европейским Союзом в размере 900 000 рублей. Это была реальная поддержка многих сфер деятельности факультета.

В 1996 г. В.А.Кананин, совместно с фондом В.А.Шаталова, устроил факультету настоящий праздник, отметив его 65-летие. Выпускники факультета разных лет собрались в одном из лучших залов города: ДК «Металлург». Его заполнили оживленные, радостные от встреч люди. Впервые в истории вуза на юбилей факультета пришли первые лица Удмуртии – президент А.А.Волков и зам. председателя правительства

А.М.Лисина. Был показан фильм о факультете, его преподавателях. Президент республики вручал грамоты и ценные подарки. Потом был зажигательный концерт и танцы. И преподаватели, и бывшие, а также настоящие студенты вновь почувствовали себя единым, дружным коллективом.

Заканчивая эти небольшие заметки, хотелось бы отметить, что Владимир Алексеевич Кананин - удивительно светлый, гордый, трудолюбивый и от природы талантливый человек, многое сделал для Удмуртского университета, и, надеюсь, он еще долгое время будет полезен этому коллективу.

Белецкий С.В.
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Отдела славяно-финской археологии
ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург

Песенная классика российского студенчества

(выступление на конференции, посвященной 35-летию Камско-Вятской археологической экспедиции и 60-летию профессора В.А.Кананина)

Дорогой Володя!

Я рад, что могу поздравить Тебя с юбилеем. 60 лет – это совсем немного. Конечно, в глазах нынешних студентов мы с Тобой по возрасту вплотную приблизились к Мафусаилу. Но они еще молодые и просто не понимают, что 60 лет ничуть не хуже чем 20. Зато мы с Тобой это хорошо знаем.

Вспоминаю наши аспирантские годы, сквозняки в общежитии на углу Дмитрия Ульянова и Профсоюзной – помнишь, над той самой забегаловкой, в которой можно было дешево перекусить вываренными до картонного вкуса сосисками с горчицей и запить их бочковым кофеем с привкусом помоев? Вспоминаю наши споры до хрипоты под сухое грузинское вино в камералке Отдела сводов в подвале на Гарибальди. Вспоминаю экспедицию в Изборске, Шефа (В.В.Седова), песни у костра под Твою гитару.

Готовя доклад на конференцию, посвященную Твоему юбилею, я ни минуты не сомневался в теме выступления. Конечно же, это должен был быть разговор о старинных студенческих песнях, которые мы с Тобой оба любим и которые мы вместе пели в Изборской экспедиции в 70-е и 80-е годы прошлого века.

Мой рассказ о песенной классике российского студенчества не для Тебя – Ты и так все это знаешь, – а, прежде всего, для Твоих студентов, которые сейчас сидят в зале. Точно так же я рассказываю об этих песнях и своим студентам.

Гаудеамус

Самая старая из дошедших до нас студенческих песен. Впервые песня «Гаудеамус игитур» упоминается в источниках в 1267 г. Очевидно, что она принадлежит к застольным песням вагантов. На протяжении столетий песня сохранялась в устной традиции. Первая публикация относится к 1776 г., а в 1781 г. немецкий поэт Кристиан-Вильгельм Киндлебен обработал текст и придал ему ту каноничную форму, которая сохранилась до настоящего времени. Принято считать, что мелодия песни восходит к

музыке фламандского композитора 15 в. Иоганна Окенгейма и, возможно, к песне Иоганна-Христиана Гюнтера «Братья, возрадуемся» 1717 г.

Текст

1. |: Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus! :|
Post jugundam juventutem,
Post molestam senectutem
|: Nos habebit humus.:|

2. |: Ubi sunt, qui ante nos
In mundo fuere? :|
Vadite ad Superos,
Transite ad Inferos,
|: Ubi jam fuere! :|

3. |: Vita nostra brevis est,
Brevi finietur. :|
Venit mors velociter,
Rapit nos atrociter,
|: Nemini parcetur! :|

4. |: Vivat Academia!
Vivant professores! :|
Vivat membrum quodlibet!
Vivant membra qualibet!
|: Semper sunt in flore! :|

5. |: Vivant omnes virgines,
Graciles, formosae! :|
Vivant et mulieres,
Tenerae, amabiles,
|: Bonae, laboriosae! :|

6. |: Vivat et respublica
Et qui illam regint! :|
Vivat nostrum civitas,
Maecenatum caritas,
|: Qui nos hic protegint! :|

Перевод

1. Итак, будем веселиться,
Пока мы молоды!
После весёлой молодости,
После горестной старости
Нас возьмет земля.

2. Где те, кто до нас
Жили на земле?
Идите на Небо,
Перейдите в Ад,
Где они уже были!

3. Наша жизнь коротка,
Конец ее близок;
Смерть приходит быстро,
Уносит нас безжалостно,
Никому не будет пощады!

4. Да здравствует Академия!
Да здравствуют профессора!
Да здравствуют все члены её!
Да здравствует каждый член!
Пусть вечно они процветают!

5. Да здравствуют все девушки,
Стройные, изящные!
Да здравствуют и женщины,
Нежные, любящие,
Добрые, трудолюбивые!

6. Да здравствует наша страна,
И тот, кто ею правит!
Да здравствует наш город,
Милость меценатов,
Которые нам покровительствуют!

7. |: Pereat tristitia,
Pereant dolores! :|
Pereat Diabolus,
Quivis antiburschius,
|: Atque irrisores! :|

7. Да погибнет тоска,
Да погибнут печали!
Да погибнет Дьявол,
И все враги студентов,
И смеющиеся! (над ними).

На протяжении по крайней мере трех последних столетий Гаудеамус является неформальным международным студенческим гимном. Существует много русских поэтических переводов «Гаудеамуса». Однако традиционным гимническим является латиноязычный текст, при этом исполняется обычно не более 3-4 куплетов (чаще всего – 1, 2, 4 и 6).

Крамбамбули

Популярная в XIX и XX вв. среди российского студенчества песня «Крамбамбули» является сокращенным переводом немецкой Burschenslied «Krambambuli» / «Krambambuli, das ist der Titel». Ее написал в 1745 г. Кристоф-Фридрих Ведекинд (под псевдонимом Кресцентиус Коромандель). Сам термин «Крамбамбули» первоначально обозначал крепкую настойку ликерного типа на корице, гвоздике и вишнёвых косточках – так называемую «сладкую водку». Позднее этот термин в студенческом жаргоне стал обозначать вообще всякие крепкие напитки. Первоначальный текст песни быстро фольклоризовался, оброс новыми куплетами (ныне, по разным источникам, насчитывается от 6 до 42 куплетов)

Krambambuli, das ist der Titel
des Tranks, der sich bei uns bewährt;
er ist ein ganz probates Mittel,
wenn uns was Böses widerfährt.
|: Des Abends spät, des Morgens früh
trink ich mein Glas Krambambuli,
Krambimbambambuli, Krambambuli! :|

1. Bin ich im Wirtshaus abgestiegen
gleich einem großen Kavalier,
dann laß ich Brot und Braten liegen
und greife nach dem Pfropfenziehr,
|: Dann bläst der Schwager tantari
zun einem Glas Krambambuli,
Krambimbambambuli, Krambambuli! :|

2. Reißt mich's im Kopf, reißt mich's im Magen,
hab ich zum Essen keine Lust,
wenn mich die bösen Schnupfen plagen,
hab ich Katarrh auf meiner Brust:
|: was kümmern mich die Medici?
Ich trink mein Glas Krambambuli,
Krambimbambambuli, Krambambuli! :|

3. Ist mir mein Wechsel ausgeblieben,
hat mich das Spiel labet gemacht,
hat mir mein Mädchen nicht geschrieben,
ein'n Trauerbrief die Post gebracht:
|: dann trink ich aus Melancholie
ein volles Glas Krambambuli,
Krambimbambambuli, Krambambuli! :|

4. Ihr dauert mich, ihr armen Toren,
ihr liebet nicht, ihr trinkt nicht Wein:
zu Eseln seid ihr auserkoren,
und dorten wollt ihr Engel sein,
|: sauft Wasser, wie das liebe Vieh,
und meint, es sei Krambambuli,
Krambimbambambuli, Krambambuli! :|

5. Wer wider uns Krambambulisten
sein hämisch Maul zur Mißgunst rümpft,
den halten wir für keinen Christen,
weil er auf Gottes Gabe schimpft,
|: ich gäb ihm, ob er Zeter schrie,
nicht einen Schluck Krambambuli,
Krambimbambambuli, Krambambuli! :|

Сокращенный перевод текста песни на русский язык сделал поэт Николай Языков (1803-1847): стихотворение «Крамбамбули» входит в цикл стихов, написанных Языковым в годы учебы в Дерптском университете, то есть – между 1822 и 1829 гг.

1. Крамбамбули, отцов наследство,
Питье любимое у нас,
И утешительное средство,
Когда взгрустнется нам подчас.
Тогда мы все: люли-люли!

Готовы пить Крамбамбули!
Крамбамбули, Крамбамбули!

2. Когда случится нам заехать
На грязный постоялый двор,
То прежде, чем спрошу обедать,
На рюмки обращаю я взор!
Тогда хоть чорт все поberi,
Когда я пью Крамбамбули!
Крамбамбули, Крамбамбули!

3. Когда б родился я на троне,
И грозных турок побеждал.
То на брильянтовой короне
Такой девиз бы начертал:
Toujour content et sans souci
Lorsque je prends Crambambouli!
Крамбамбули! Крамбамбули!

За полтора столетия перевод Языкова прошел путь активной фольклоризации, и в настоящее время песня бытует во многих различающихся между собой вариантах. Ниже приводится вариант, бытовавший в Псковской областной археологической экспедиции ИИМК РАН в 1998-2004 гг.

1. Крамбамбули, отцов наследство,
Питье священное для нас — для нас.
И утешительное средство,
Когда взгрустнется нам подчас — подчас.
И напевая ай-люли,
Мы будем пить крамбамбули,
Крамбам-бим-бамбули,
Крамбамбули.
Эх, черт возьми, крамбамбули
Подать сюда крамбамбули,
Крамбам-бим-бамбули,
Крамбамбули.

2. Когда случится мне заехать
На старый постоялый двор — на двор,
Я, даже не садясь обедать,
К бутылкам устремляю взор — свой взор.
И напевая ай-люли,

Стаканом пью крамбамбули,
Крамбам-бим-бамбули,
Крамбамбули.
Эх, черт возьми, крамбамбули
Подать сюда крамбамбули,
Крамбам-бим-бамбули,
Крамбамбули.

3. Когда мне изменяет дева,
Недолго я о том грущу — не грущу.
В порыве праведного гнева
Я пробку в потолок пушу — пушу.
За то монахи в рай пошли,
Что пили все крамбамбули,
Крамбам-бим-бамбули,
Крамбамбули.
Эх, черт возьми, крамбамбули
Подать сюда крамбамбули,
Крамбам-бим-бамбули,
Крамбамбули.

4. Когда бы я был царем на троне
И целым миром управлял — управлял,
На золотой своей короне
Такой девиз бы начертал — начертал,
За милых женщин, черт возьми,
Мы будем пить крамбамбули,
Крамбам-бим-бамбули,
Крамбамбули!

Готов с утра и до зари
Стаканом пить крамбамбули,
Крамбам-бим-бамбули,
Крамбамбули!
За то монахи в рай пошли,
Что пили все крамбамбули,
Крамбам-бим-бамбули,
Крамбамбули.
Эй, чёрт возьми, крамбамбули
Подать сюда крамбамбули,
Крамбам-бим-бамбули,
Крамбамбули.

По рюмочке, по маленькой

Первая письменная фиксация песни «По рюмочке, по маленькой...» / «По рюмочке, по чарочке...» относит начало ее активного бытования в студенческой и околостуденческой среде ко времени не позднее 1840-х гг. Песня существует в многочисленных вариантах, сильно различающихся между собой. Ныне бытующие варианты сложились в большинстве своем к рубежу XIX – XX вв. Ниже приводится вариант, бытовавший в Псковской археологической экспедиции Эрмитажа в 1960-е и 1970-е гг.

1. Когда на свет студент родился,
То растворились небеса,
|Сонм ангелов на облаке явился
И раздалися голоса:|
По рюмочке, по маленькой налей, налей, налей,
По рюмочке, по маленькой, чем поят лошадей!
— А я не пью!
— Врешь — пьешь!
— Ей-богу, нет!
— А бога нет!
Так наливай студент студентке!
Студентки тоже пьют вино,
|Непьющие студентки редки —
Они все вымерли давно!|

2. Коперник целый век трудился,
Чтоб доказать Земли вращенье.
|Дурак, он лучше бы напился,
Тогда бы все пришло в движение.|
По рюмочке, по маленькой налей, налей, налей,
По рюмочке, по маленькой, чем поят лошадей!
— А я не пью!
— Врешь — пьешь!
— Ей-богу, нет!
— А бога нет!
Так наливай студент студентке!
Студентки тоже пьют вино,
|Непьющие студентки редки —
Они все вымерли давно.|

3. Колумб Америку открыл,
Страну для нас совсем чужую.
|Дурак! Он лучше бы открыл

На Менделеевской пивную!|
По рюмочке, по маленькой налей, налей, налей,
По рюмочке, по маленькой, чем поят лошадей!
— А я не пью!
— Врешь — пьешь!
— Ей-богу, нет!
— А бога нет!
Так наливай студент студентке!
Студентки тоже пьют вино,
|Непьющие студентки редки —
Они все вымерли давно.|

4. А Ньютон целый век трудился,
Чтоб доказать тел притяженье.
|Дурак! Он лучше бы влюбился,
Тогда бы не было б сомненья!|
По рюмочке, по маленькой налей, налей, налей,
По рюмочке, по маленькой, чем поят лошадей!
— А я не пью!
— Врешь — пьешь!
— Ей-богу, нет!
— А бога нет!
Так наливай студент студентке!
Студентки тоже пьют вино,
|Непьющие студентки редки —
Они все замужем давно.|

5. Чарльз Дарвин целый век трудился,
Чтоб доказать происхождение.
|Дурак, он лучше бы женился,
Тогда бы не было б сомненья.|
По рюмочке, по маленькой налей, налей, налей,
По рюмочке, по маленькой, чем поят лошадей!
— А я не пью!
— Врешь — пьешь!
— Ей-богу, нет!
— А бога нет!
Так наливай студент студентке!
Студентки тоже пьют вино,
|Непьющие студентки редки —
Они все замужем давно.|

6. А Менделеев целый век трудился,
Чтоб элементы вставить в клетки.
|Дурак, он лучше б научился
Гнать самогон из табуретки|
По рюмочке, по маленькой налей, налей, налей,
По рюмочке, по маленькой, чем поят лошадей!
— А я не пью!
— Врешь — пьешь!
— Ей-богу, нет!
— А бога нет!
Так наливай студент студентке!
Студентки тоже пьют вино,
|Непьющие студентки редки —
Они все вымерли давно.|

7. А гимназисту ром не нужен,
Когда идет он на экзамен,
|Дабы не ошибился он,
Сказав, что Цезарь был татарин:|
По рюмочке, по маленькой налей, налей, налей,
По рюмочке, по маленькой, чем поят лошадей!
— А я не пью!
— Врешь — пьешь!
— Ей-богу, нет!
— А бога нет!
Так наливай студент студентке!
Студентки тоже пьют вино,
|Непьющие студентки редки —
Они все вымерли давно.|

Через тумбу, тумбу раз...

Первая письменная фиксация песни «Через тумбу, тумбу раз...» также относит начало ее активного бытования в студенческой и околостуденческой среде ко времени не позднее 1840-х гг. Песня существует в многочисленных вариантах, сильно различающихся между собой. Ниже приводится вариант, бытовавший в Псковской археологической экспедиции Эрмитажа в 1960-е и 1970-е гг.

1. Там, где Крюков канал и Фонтанка-река,
Словно брат и сестра, обнимаются,

От зари до зари там горят фонари
И студенты по улицам шлятся —
Через тумбу-тумбу-раз, через тумбу-тумбу-два,
Через тумбу-три-четыре спотыкаются.

2. А Исакий святой с колокольни большой
На студентов глядит, улыбается —
Он и сам бы не прочь погулять с ними ночь,
Но на старости лет не решается.
Через тумбу-тумбу-раз...

3. Но соблазн был велик, и решился старик —
С колокольни своей он спускается.
Он горькую пьет, он и песни поет
И еще кое-чем занимается —
Через тумбу-тумбу-раз...

4. А святой Гавриил в небеса доложил,
Чем Исакий святой занимается,
Что он горькую пьет, черту душу продает
И еще кое-чем занимается —
Через тумбу-тумбу-раз...

5. В небесах был совет, и издал Бог завет,
Что Исаакий святой отлучается,
Мол, он горькую пьет, черту душу продает
И еще кое-чем занимается —
Через тумбу-тумбу-раз...

6. На земле ж был совет и решил факультет,
Что Исаакий святой зачисляется:
Он и горькую пьет, он и песни поет
И еще кое-чем занимается —
Через тумбу-тумбу-раз...

7. А святой Гавриил по рогам получил
И с тех пор доносить не решается.
Он сам горькую пьет, черту душу продает
И еще кое-чем занимается —
Через тумбу-тумбу-раз...

Песенка про Султана

Популярная в конце XIX и XX вв. «Песенка про султана» представляет собой довольно точный перевод на русский язык немецкой Burschenslied «Папа и султан». Стихотворение «Papst und Sultan» / «Der Papst lebt herrlich in der Welt», представляет собой вольный перевод латиноязычного стихотворения «Papa est in lautitiis»:

1. Papa est in lautitiis
Cum poenitentiae nummulis,
Haurit Falerni pocula,
Quam velim ipse sim papa!
2. At miser est homunculus,
Caret uxore lectulus,
Quae nectat ei brachia.
Quam nolim ipse sim papa!
3. Luxuriosus sultanus
Auratis agit lectibus,
Plena puellarum domo,
Velim sultanus sim ego!
4. At homo est miserrimus
Corano parens sultanus!
Non bibit vini guttulam.
Auferte vitam Turcicam!
5. Non minus est optanda mors,
Quam separata horum sors.
At id accipio statim,
Ut papa nunc, nunc Turcus sim.
6. Puellula, da osculum!
Nam ecce, sultanus nunc sum!
Implete, fratres, pocula,
Ut iterum tunc sim papa!

Перевод был сделан, по одним данным, немецким поэтом и профессором теологии Христианом Людвигом Ноаком (1767-1821), а по другим – немецким писателем и философом Готфридом Эфраимом Лессингом (1729-1781). Появление мелодии относят к 1817 г.

Christian Ludwig Noack

1. Der Papst lebt herrlich in der Welt,
es fehlt ihm nie an Ablassgeld;
er trinkt vom allerbesten Wein:
drum möcht ich auch der Papst wohl
sein.

2. Doch nein, er ist ein armer Wicht,
ein holdes Mädchen küßt ihn nicht;
er schläft in seinem Bett allein:
drum möchte ich der Papst nicht sein.

3. Der Sultan lebt in Saus und Braus,
er wohnt in einem Freudenhaus
voll wunderschönen Mägdelein:
drum möcht ich wohl der Sultan sein.

4. Doch nein, er ist ein armer Mann,
denn folgt er seinem Alkoran,
so trinkt er keinen Tropfen Wein:
drum möcht ich auch nicht Sultan
sein.

5. Geteilt veracht ich beider Glück
und kehr in meinen Stand zurück;
doch das geh ich mit Freuden ein:
halb Sultan und halb Papst zu sein.

6. Drum Mädchen, gib mir einen Kuß,
denn jetzt bin ich dein Sultanus!
Ihr trauten Brüder, schenket ein,
damit ich auch der Papst kann sein!

Gottfried Ephraim Lessing

1. Der Papst lebt herrlich in der Welt,
Er lebt von seinem Ablassgeld.
Er trinkt vom allerbesten Wein;
Ich möchte doch der Papst auch sein.

2. Doch nein, er ist ein armer Wicht!
Ein holdes Mädchen küsst ihn nicht,
Er schläft in seinem Bett allein;
Ich möchte doch der Papst nicht sein.

3. Der Sultan lebt ins Saus und Braus,
Er wohnt in einem grossen Haus
Voll wunderschöner Mägdelein;
Ich möchte doch auch Sultan sein!

4. Doch nein, er ist ein armer Mann,
Er lebt nach seinem Alkoran,
Er trinkt nicht einen Tropfen Wein;
Ich möchte doch nicht Sultan sein.

5. Gertrennt wünscht' ich mir beider
Glück
Nicht einen einz'gen Augenblick,
Doch das ging' ich mit Freuden ein:
Bald Papst, bald Sultan möcht' ich
sein!

6. Drum Mädchen, gib mir einen Kuß,
Denn jetzt bin ich der Sultanus!
Drum, traute Brüder, schenkt mir ein,
Halb Sultan und halb Papst zu sein.

В 1850 г. вольный перевод на английский язык стихотворения «Papa est in lautitiis» сделал английский писатель Уильям Теккерей (1811–1863):

Повелители правоверных

Жизнь папы римского светла

И неизменно весела:

Он в Ватикане без забот

Отборнейшие вина пьет.

Какая, право, благодать,

Всесильным римским папой стать!

Султан турецкий Саладин
Над женским полом господин:
В его гареме сотня жен,
И тем весьма доволен он.
Хочу — мой грех прошу простить —
Султаном Саладином быть.

Но папа римский — вот бедняк! —
Никак вступить не может в брак.
Султану же запрещено
Пить виноградное вино.
Я пью вино, женой любим
И зависти не знаю к ним.
Пер. В.Рогова

Первая письменная фиксация русского перевода песни датируется 90-ми гг. XIX в. На протяжении XX столетия русский текст песни прошел путь активной фольклоризации, и в настоящее время она бытует во многих вариантах, различающихся между собой. Ниже приводится вариант, бытовавший в Псковской археологической экспедиции Эрмитажа в 1960-е и 1970-е гг.

1. В гареме нежится султан — да, султан!
Ему от бога жребий дан — жребий дан:
Он может девушек любить.
Хотел бы я султаном быть.

2. Но он несчастный человек — человек,
Вина не пьет он целый век — целый век,
Так запретил ему Коран.
Вот почему я не султан.

3. А в Риме Папе сладко жить — сладко жить:
Вино, как воду, можно пить — можно пить,
И денег целая мошна,
Хотел бы Папой быть и я!

4. Но он несчастный человек — человек,
Любви не знает целый век — целый век:
Так запретил ему закон.
Пусть же Папой будет он!

5. А я различий не терплю — не терплю,
Вино и девушек люблю — да, люблю,
И чтоб все это совместить,
Простым студентом надо быть.

6. В одной руке держу бокал — да, бокал,
Да так держу, чтоб не упал — не упал,
Другую обнял нежный стан —
Вот я и Папа, и султан!

7. Твой поцелуй, душа моя — душа моя,
Султаном делает меня — да, меня,
Когда же я вина напьюсь,
То Папой Римским становлюсь!

* * *

Известны и другие песни, популярные среди российского студенчества XIX и начала XX вв. Однако в живом обиходе сохранились, пожалуй, только перечисленные пять. Нынешние студенты эти песни не только не поют, но, чаще всего, просто не знают.

Мы с Тобой, Володя, узнавали студенческую песенную классику в экспедициях от своих учителей и старших коллег. Так что, от нас, студентов 1970-х гг., сейчас зависит, сохранится ли преемственность студенческого песенного быта, или связь поколений прервется. Не дать прерваться традиции — это наш долг. Долг, в том числе, и перед нашими учителями.

Завершая выступление, хочу еще раз поздравить Тебя с юбилеем. Черт возьми: 60 лет — это прекрасный возраст! Успехов Тебе, новых открытий и книг, крепкого здоровья и новых экспедиций, хорошего настроения, думающих студентов и много-много песен у костра!

**Глухов С.А.,
зам. начальника
службы безопасности банка ВТБ-24**

Человеческая память - вещь ненадежная, она не в силах сохранить всю ярчайшую палитру тех давних дней, тот непередаваемый аромат юности, с которыми у меня связаны воспоминания о В.А.Кананине.

Ну и пусть, пусть это будут отдельные эпизоды, несвязанные между собой. Серьезные и смешные, радостные и грустные. Надеюсь, что удастся хотя бы частично передать настроение тех дней.

Ритмы жизни

**По мнению ученых все наша жизнь
подчиняется определенным ритмам:
суточным, месячным, годовым и т.д.**

В свое время, возвращаясь с В.А.Кананиным с университетских соревнований по легкой атлетике, мы рассуждали о спорте. Как-то просто так, кстати, он рассказал о том, что сам занимался легкой атлетикой. Причем на довольно высоком уровне – был членом молодежной сборной, готовился к матчу СССР-Франция. Он был барьеристом – бегал 400 м. Тот, кто сам бегал, знает, что и 400 м гладкого бега одна из самых сложных дистанций, тут нужна и скорость и выносливость ..., а если с барьерами? Сам Кананин так объяснил свою спортивную специализацию – для этой дистанции нужны дыхание и чувство ритма. Я ведь воспитывался в Сибири, а там чистый воздух, а чувство ритма от природы.

По-моему, на всю жизнь сохранил Владимир Алексеевич эти качества – легкое дыхание и чувство ритма.

Театр – дело серьезное

Знакомство с Владимиром Алексеевичем состоялось у нас на втором курсе – зимой 1973 г. Во всяком случае, так помнится. Все началось, как вспоминает Слава Рогожников (ныне педагог с 30 летним стажем), когда они сидели с Витей Тюревым (ныне бизнесменом) и читали «Ревизора».

- Нет, ты посмотри, как это звучит: «Ах, как я хотел бы быть вашим платочком, чтобы обвивать вашу лилейную шейку...»

- Надо создать театр!

- Надо!

У нас было так: решили – выполнили.

Состоялось собрание группы (на нашем курсе была только одна группа). Тут же, не откладывая в долгий ящик, начали распределять обязанности. Эти – актеры, эти – гримеры, эти – костюмеры, эти – административная группа. А режиссер? Вот это проблема. Но тут, как по заказу, появилась Света Матвеева, которая до поры до времени помалкивала, но всегда и обо всем была «в курсе». Оказывается, на ФОПе – факультет общественных профессий (для не знающих) – появился новый молодой декан, из Свердловска, окончил УрГУ, историк и, говорят, в студенческом театре играл. Надо позвать.

И вот оно – непосредственное знакомство с Кананиным. Худошавый, стройный молодой человек, говорит не очень быстро, вдумчиво. Аудитория овладевает мгновенно, потому что говорит всегда по делу. Смысл речи прост: театр – серьезное дело. Легко решиться создать театр, но для того, чтобы он встал на ноги, нужно много трудиться. Есть – классический театр, музыкальный, есть театр миниатюр. Что мы хотим создать? Наверное, то, что ближе нашей студенческой жизни, со всеми ее проблемами, успехами, неудачами и, конечно же, со студенческим весельем.

Решено создать театр миниатюр, или как это звучало в то время – театр малых форм. Позже пришло и название «Пилигримы».

Устав театра «Пилигрим»*

§1. Членом театра может быть лишь человек, способный упорно и бескорыстно трудиться на благо театра и зрителя, уважающий коллектив театра, принимающий и выполняющий Устав.

§2. Права членов ТМФ:

1. Право участия в выборе репертуара театра.
2. Право участия в обсуждении сценария и постановке спектакля.
3. Право предлагать поправки и изменения в Устав.

§3. Обязанности членов ТМФ:

1. Регулярно и без опозданий являться на репетиции, уважать свое рабочее время и время своих товарищей.

Примечание: невыполнение этого пункта Устава влечет за собой исключение из театра без права восстановления.

2. На репетиции:
 - а) безоговорочное подчинение режиссеру;
 - б) строгий порядок на сцене;
 - в) полная тишина в зале.

* Написан В.А.Кананиным.

3. Принимать активное участие в организационной жизни театра.
4. Участие в театре не должно мешать учебе.
5. Бережно относиться к имуществу театра.

Примечание: Считать днем основания театра – 7 апреля 1981 г.

Девиз театра: Зритель – высший судья в оценке работы театра

Театр начал репетиции. Первая цель – подготовка к смотру художественной самодеятельности. В первом составе трое наших – Слава Рогожников, Витя Востриков, Шура Бочкарев. С первого курса – Боб Вахрушев и Женя Антипов. Сначала были только парни. Потом появились и девчонки.

Мне пришлось побывать на репетициях, очень скоро все убедились, что театр не только праздник, но и немалый труд. Кананин учил сценической речи, движению на сцене, учил думать.

- Возился с нами, превращал нас - бездарей- в что-то. – вспоминает Слава Рогожников, - намучился он с нами, то опоздаем, то еще что не так. Но он вроде бы мягко, но непреклонно вводил нас в нужную колею, хотя, бывало и обижался. Но затем снова приходил к нам. И театр получился!

«Ведь если звезды зажигаются, значит это кому-нибудь нужно...»

Настоящее знакомство с Кананиным, как актером, состоялось на университетском смотре художественной самодеятельности. Традиционно он проводился в марте в актовом зале первого корпуса. Это было его первое появление на сцене УдГУ.

Огромная (как тогда казалось), пустая сцена, звучит мелодия. Зал начинает затихать, но еще никого нет... Кананин как-то вдруг возникает на сцене и, подчиняясь своему, никому не ведомому ритму, медленно вкрадчивыми, мягкими, легкими шагами движется к середине сцены. Замирает у рампы. Лицо слабо освещено и оттого загадочно. Худошавая фигура темнеет на светлом фоне декораций. Смолкает музыка и ... пауза. Как он угадывал этот ритм! Уже не просто замолк, замер зал. Не скрипнет кресло, не шелохнется зритель. Тишина такая, что сквозь тяжелые занавеси на окнах доносится с улицы Удмуртской приглушенно-мягкий шум машин.

И первые слова. Первые звуки неповторимого, слегка хриплого, негромкого кананинского голоса: «Если звезды зажигают, значит это кому-нибудь нужно...»

Кананин не бросает, не роняет, а бережно несет слова в зал и каждому кажется, что только ему. Чувства обостряются до предела. Кажется, что

слова воспринимаются не разумом, а сердцем. Кананин владеет залом, чарует, завораживает. Речь звучит как поток музыки. Гениальной музыки. Движения чтеца плавны и размерены, они завораживают так же, как и слова. Медленно рука поднимается к подбородку и замирает (характерный кананинский жест!). Напряжение растет, снова звучит музыка, последние слова ловит зачарованный зал.

«Значит нужно, чтобы каждый вечер в небе зажигалась хотя бы одна звезда...». И снова пауза, ...а зал словно ждет продолжения, затем обрывается аплодисментами. Кананин медленно покидает сцену, а тебе уже кажется, что больше ничего уже не нужно и нет необходимости продолжать концерт.

Но он продолжается. И заканчивается полным триумфом исторического факультета. В том числе и СТЭМа, впервые, появившийся на публике. А ночью в общежитии, мы без всякого понукания со стороны комитета комсомола или профкома до утра рисуем стенгазету. И центральное место в ней занимает фигура чтеца, который, как легендарный Данко, стоит, вырвав сердце из груди, и дарит его людям.

Наивно, вы скажете, но так было.

По главной улице с оркестром

Собственно и улица была не главной, и оркестра не было. Был мартовский холодный вечер. Темная улица (ул. Орджоникидзе) а мы шли, растянувшись шеренгой поперек улицы с заключительного концерта смотря художественной самодеятельности из дворца культуры «Октябрь». Было на удивление пустынно, вместо оркестра – кананинская гитара. И...

Конфетки - бараночки,
Словно лебеди-саночки.
Ой, вы, кони залетные,
Сыплет снег с облучка...

Сзади незаметно приближается машина, но никто не уступает дороги. Раздается внезапный резкий звук сигнала. Взрыв смеха и все разбегаются. Смеется и водитель. Ряды смыкаются и снова «гимназистки румяные, от мороза чуть пьяные ...» И так до общежития, а там пирушка до утра. Кстати о пирушках...

За удачу господи мужики!

Понятное дело, что студенчество не обходится без пирушек, это такая же часть студенческой культуры, как лекции, семинары, практика, каникулы. Пили и мы, не то, что бы много, но было, было... Хочется

рассказать об одной пирушке особо. У нас с В. Кананиным - в кампанию входили кроме меня - Бизон (Толя Тимофеев, проработавший потом 30 лет преподавателем в школе), и Саша Кутявин (Александр Николаевич – ныне к.и.н, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории УдГУ) - была традиция - 7 марта мы проводили мальчишник.

Ставилась настойка. (Рецепт для будущих поколений – на пол-литра водки зубок чеснока и стручок красного жгучего перца, держать три дня, не больше). И вот в один из таких дней 7 марта мы собрались, как обычно в одной из комнат на Удмуртской, 226. Пили не ради пьянки, а для общения, велись и серьезные разговоры, рассказывались байки, естественно, больше - Кананиным, меньше – нами. Одним из героев его баек был Петр Иванович Сичкарев – сокурсник Кананина по Уральскому университету – любимец кананинского курса, очень забавный студент, вечно попадавший в какие-то истории.

Навскидку - одна из них. Петр Иванович, как в шутку его все называли как самого младшего по возрасту, паренек плотный телом, но маленького роста, гордился своей фамилией, считал себя по созвучию – потомком запорожских казаков. Однажды он встретил в коридоре маститого профессора М.Я.Сюзюмова – знатока истории Византии.

- Послушайте Сичкарев, - обратился профессор - а ведь ваша фамилия звучит неправильно.

- Да, да, профессор, надо бы Сечкарев, от Запорожской Сечи.

- Нет, милейший, она должна звучать: Сачкарев, это вас точно характеризует.

Произносились тосты. Один из них – обязательный – тост-песня:

Прокричали у реки кулики.

За удачу, господа мужики!

Навевают сосны сон, да туман,

Наливай полней граненый стакан...

А в это время в общежитии переполох - пришел Слава Рогожников поздравлять девчонок с праздником. Весь этаж стоит на ушах. Слава (оригинал дай бог!) приволок с собой из дома припасы – муку, соль, сахар, сметану, ванилин, но, главное, притащил на руках электрическую печь, и теперь на кухне готовит девушкам торт и печенье. На кухню, как на экскурсию сбегается сначала наш этаж, затем все остальные. В общаге, что называется «гудеж», праздновать, естественно, начали загодя. Тем более, завтра выходной. Появляемся и мы на кухне, пытаемся помочь Славе, Владимир Алексеевич приглашает его в нашу комнату. Тщетно, Слава проявляет феноменальную стойкость и продолжает печь коржи. Только поздно вечером, когда изготовлен торт, испечена целая гора

печенья, Слава приходит в нашу комнату. Ему наливают последние сто грамм настойки и праздник продолжается.

А на утро, рано-рано (надо успеть!), мы отправляемся с Кананиным на Сенную. Необходимо купить тюльпаны поздравлять девушек. На обратном пути мы, догоняя автобус, замешкались. Кананин протолкнул меня вперед, а сам успел лишь схватиться за поручень, двери закрылись. Пришлось ему метров двадцать бежать за автобусом с зажатой рукой. Но все обошлось и мы победителями прибыли в общежитие.

Кстати, о девушках...

Наверное, все, кто знает Владимира Алексеевича в то время, помнят, каким успехом он пользовался у прекрасного пола. Как он пел под гитару, как играл на сцене. Соперников просто не существовало! Относился он к дамам галантно, но, в общем, несколько снисходительно. Случалось сидеть с ним в тесной компании, вести достаточно серьезные разговоры, но стоило появиться девушке, и Кананин менялся, он превращался дамского угодника, блестящего, не скрою, но было всегда жаль серьезного разговора.

Впрочем, Кананин был человеком весьма корректным по отношению к дамам. Один эпизод. В общежитии, в комнате напротив кананинской проживали студентки, большие проказницы и выдумщицы. Однажды они, расшалившись, связали неглиже одну из своих подруг и открыли дверь в комнату. Перед Кананиным, выходящим в коридор, предстала весьма выразительная картина. Впрочем, как истинный джентльмен, он сделал вид, что ничего не заметил. Позже, развязавшись, девушка прибежала к Кананину с криком:

- Владимир Алексеевич, ведь вы ничего не видели?
- Конечно нет, - прозвучал ответ, - но вид был пикантный.

Но была среди всех женщина, которая пользовалась у Владимира Алексеевича непререкаемым авторитетом. Это, естественно, Римма Дмитриевна Голдина. Но как же характеризовал он ее. Извините, Римма Дмитриевна, но это звучало так – Голдина – это настоящий мужик!

О мужиках

Уже позже, находясь на серьезной службе и встречаясь с Кананиным, я просил охарактеризовать ряд студентов. Характеристики были краткие и выразительные. Выглядело это примерно так:

- Дерьмо.
- Дерьмо.

- Так себе.
- Так себе.
- Настоящий мужик.

Это была наивысшая оценка. Владимир Алексеевич больше всего ценил и ценит в людях надежность, деловую хватку, умение поступать по-мужски. Терпеть не мог и не может двуличия. Как-то, характеризуя, одного из преподавателей университета, он с нескрываемой иронией говорил:

- Ну что это, в колхоз со студентами поехал, а организовать их не может, разве это мужик.

На лекции

Серьезность, с какой подходит Кананин к любому делу – является его характернейшей чертой. В те времена – начало 1970-х университет только формировался. Не хватало специалистов для преподавания новых дисциплин, которых не было в педвузовской программе. Молодых преподавателей, как правило, бросали под танк – поручали вести курс «Истории стран Азии и Африки». Не избежал этой участи и археолог Кананин. Готовился к лекциям и семинарам, он обычно до поздней ночи. Приходил, не выспавшийся, обычно опаздывал на «пару» на пять-десять минут. Но читал прекрасно. Спокойно, без особых ораторских приемов, которыми не брезговали иные преподаватели.

Лекция тоже подчинялась особому ритму. Запомнилось стремление построить ее так, чтобы все содержание резюмировалось в конце в краткие, но емкие выводы. До сих пор помнится:

- Итак, краткое резюме, краткое резюме.

Затем следовал вывод, который легко запоминался.

Все еще помню впечатление, которое произвели лекции по послевоенному развитию Японии (так называемое – «японское экономическое чудо»)

И тут не могу не вспомнить курьезный случай. Неугомонный Слава Рогожников, сидя за первым столом на лекции, задремал. (Здорово, видимо, погулял накануне). Кананин (сам, как всегда не выспавшийся - готовился к лекции), не поворачивая головы, медленно, но угрожающе произносит: «Рогожников!» Слава встрепенулся. Через пять минут эпизод повторяется, а через десять Слава (ведущий актер Кананинского театра) со скандалом вылетает из аудитории.

В перерыве перекур. Кананин и Рогожников стоят вместе. Кананин с патетикой обращается к Славе: «А, если ты, Рогожников, и дальше спать

будешь, я тебе все потроха вырву» и делает характерный жест рукой. Сказано, конечно же, было по круче, но не все же бумага, стерпит...

Этика, однако!

Перед экзаменом, Владимир Алексеевич, который был с нами практически на «ты» (разница в возрасте не велика), предупредил:

- На экзамене не списывать, все что угодно, только не шпаргалки!

Не все поняли предупреждение, позже мне рассказывали: стоит Кананин у окна, покуривая и выпуская дым в форточку, глядит во двор и вдруг, ни к кому не обращаясь, произносит:

- Котомцева, я же предупреждал.

Света начинает возражать, но все бесполезно. Итог - «тройка».

- Я же предупреждал.

Совсем иная ситуация была с Толей Тимофеевым (он же Бизон – могучим деревенским парнем). Толя на втором курсе здорово готовился к экзамену по средним векам у Василия Евгеньевича Майера. Но не повезло, получил всего лишь «тройку». В порыве обиды наш Бизон заявил: «Я больше никогда к экзаменам готовиться не буду». И свято соблюдал это обещание. А тут гляжу – Толя занимается. Спрашиваю:

- Что случилось?

- Да, как же? Я же с Кананиным пил, как же я могу плохо сдавать?

Этика однако!

Впрочем были и такие, кто не готовился, о них Кананин с легкой иронией и издевкой сказал мне о них:

- А потом пошла «тяжелая артиллерия»...

И махнул рукой.

Археолог Кананин

С наступлением весны на Владимира Алексеевича начинало нападать беспокойство, он начинал к чему-то готовиться и в мае исчезал. Это была археологическая разведка. Возвращался в июне, еще более похудевший, смуглый, с короткой стрижкой. Рассказы, привезенные из экспедиции один другого занимательней.

- Это же горьковские типы, представляешь! Сколько их разбросано по стране. Эх, кабы талант, как это все можно было описать! Где-то в Кировской области в глубинке, на полустанке какой-то мужичонка пьяненький рубаху на себе рвет, мужичонка мелкий, рост всего ничего...

- Ты видишь, кто я. Я – г... Я – г... А раньше я был моряк, грудь – воо! Я в переулочек в своей деревне не вмещался. А теперь я – г....

Но, конечно же, не только анекдотические истории приносил Кананин из экспедиции. Приносил результаты. Он и тогда прекрасно знал и говорил нам – археология – это только на 10% романтика, экспедиции, находки, а на 90% это труд, обработка результатов, анализ. Однажды то ли пожаловался, то ли посетовал мне.

- Вот сижу, разбираю. Если бы захотеть, такие результаты нарисовать бы можно было, такие закономерности вывести, но не могу, несерьезно это.

- А что рисуют, разве?

- Еще как рисуют!

Владимир Алексеевич стал одним из ближайших соратников создателя знаменитой ныне КВАЭ (Камско-Вятской археологической экспедиции) Риммы Дмитриевны Голдиной. Однажды в середине 90-х на ведомственных соревнованиях пришлось мне познакомиться с молодым парнем, окончившим истфак Казанского университета. С каким уважением он называл имя Риммы Дмитриевны, совсем так, как мы в свое время произносили имена патриархов археологии О.Н.Бадера, В.Ф.Генинга. И сердце мое наполнилось гордостью за наш факультет, за археологов, создавших новую археологическую школу.

Кто не помнит знаменитое кананинское место в археологическом кабинете! У окна, спиной к нему. Там, внизу, где стоит сейчас дурацкая колоннада и невразумительный памятник, шумели липы. Сколько тысяч часов провел Владимир Алексеевич на этом месте, сколько было сделано!?

В экспедиции

Посчастливилось мне побывать с Кананиным в экспедиции Летом 1975 года в Афанасьевском районе Кировской области. Берег Камы, забравшейся далеко на север, сама Кама шириной каких-то 20 м. Высокий обрыв, а там наверху – раскоп, Кананин хлопочет, учит правильно ставить палатки, чтобы не сдуло, чтобы не затопило. Организует «кухню», «столовую». А с утра на раскоп – все серьезно и даже очень, но здесь же в минуты отдыха розыгрыши, археологические байки, шутливые пари. И здесь он тоже первый. Редко, но все же берет в руки в руки гитару. И ночью у костра стихает лагерь и слышен лишь голос Кананина и его гитары:

...Мне лесною Венерою
Пихта лапой по нервам бьет...

Днем работа и работа. По воспоминаниям Славы Рогожникова – Кананин все мелочи продумывал, ничего не упускал. На раскопе не суетился, четко все организовывал.

Суеты действительно не терпел. Не любил непрофессионалов, праздных любопытных. Моментальная картинка:

Раскоп. Жара. Полдень. Надрывается транзистор, со страшной силой крутят свежайший (1975 год) хит Пугачевой «Арлекино», служба новостей радиостанции «Маяк» то и дело докладывает о событиях в Португалии, там молодые капитаны свергли Салазара, у власти полукоммунистическое правительство. Мы с Португалией дружим, это выражается в том, что в СССР завозят настоящий португальский портвейн. На раскоп пожаловало местное радио. Самодовольный упитанный дядька, с магнитофоном на пузе и микрофоном в руках, хочет взять интервью у археологов. Куда в мгновение ока испарился Кананин, я сначала и не понял. Отдуться приходится Лене Макарову. Журналист бестолков и потому жутко самоуверен. С каким маниакальным упорством он допытывается у бедного Лени:

- Ну, почему вы считаете эту вещь бронзовой? Я вот – химик, - поясняет он, - но не могу без анализа это утверждать.

Леня вспотел, не находит, что ответить. Как известно, один дурак может столько вопросов задать, что сто мудрецов не ответят. И в этот момент я замечаю Кананина, который с самым серьезным видом ковыряет лопатой где-то в углу раскопа – «негра» изображает.

Вечером и смех, и серьезные разговоры. Сидим, любуемся закатом, и Кананин вдруг говорит:

- Вот, смотрите, какой закат. Тот художник, который сможет его лучше всех отобразить, и не важно с какими «измами» - экспрессионизм это или абстракционизм или еще что-то - тот и есть гений.

Кто бывал в экспедиции, тот поет этот гимн...

Главный праздник экспедиции – посвящение в археологи. С удивлением и радостью узнал я недавно от своих детей, закончивших наш родной истфак, что заложил одну традицию в КВАЭ. До сих пор при посвящении студентам даются археологические имена.

А началось это в той самой афанасьевской экспедиции. Кананин собрал нас - «ветеранов» в палатке и заявил – пишем сценарий. Общие черты сценария известны и традиционны: гнев богов природы на заявившихся неведомо откуда археологов, попытки искупления, явление Христа народу, «жертва» на костре, хороводы, причащение спиртом, слава богу, разведенным и так далее. Если уж говорить честно, большую

часть сценария пришлось сочинять мне, а ставил, конечно, Кананин. Посвящение проводилось ночью с разнообразными пиротехническим ухищрениям, когда вдруг, из-за резкой вспышки костра (бензин был подготовлен заранее) фигура Христа (исполнение Миши Чулкина) из темной превращалась в белую, что вызывало священный ужас у непосвященных в таинство первокурсниц. Некое божество (в исполнении Кананина), сидит на дереве и по списку, освещенному фонариком, дает новые имена свежее испеченным археологам.

Вдруг божество заявляет, причащающимся спиртом:

- Эй, вы там внизу, мне ведь тут тоже холодно.

И чарка спирта, привязанная к какой-то бечевке, медленно поднимается вверх к сосновой кроне. Неожиданно за новым именем подходит сама Римма Дмитриевна, что уж совсем не по сценарию. И Кананин, фантазия которого от холода и спирта уже иссякла, важно заявляет:

- А тебе, предводительница, нет прощения, и будешь ты носить имя свое и впредь.

А потом в палатке – снова песни и смех и с разрешения Риммы Дмитриевны, сильно не уважающей пошлость, один раз исполняется песня «Маруся»:

«И в грудь себе вонзила шашнак двенадцать столовых ножей...» – разносится над лагерем.

А утром снова по давней традиции Миша Чулкин, вернувшись с утренней рыбалки и, подобравшись к девичьей палатке, осатанелым голосом орет: «Рота в ружье!». Это значит подъем, и снова на раскоп.

О бедном таланте замолвите слово

Талант Кананина, а он, несомненно, очень талантливый человек, конечно же, не беден. Так, к слову пришлось. Но до сих пор я сожалею, что слишком мало видел Кананина на сцене. Его актерский талант был просто блистателен. (По определению будущего депутата Съезда Советов СССР, доктора экономических наук Н.Н.Энгверга: «Кананин – талант уровня Смоктуновского»). Мало видел его режиссерских работ, хотя мне посчастливилось самому писать сценарии к его спектаклям. (Как не вспомнить снова Н.Н.Энгверга на одном из обсуждений спектакля СТЭМа:

- Вот, в этот театр надо ходить и смотреть, а в тот театр (им. Короленко) надо ходить пиво пить. (Для тех, кто не помнит те времена – пиво было в дефиците, а в театральном буфете его продавали).

Последняя из подготовленных нашим поколением актеров программа истфака прошла «на ура!». Серьезная часть – «Дракон» Е.Шварца. Основа

развлекательной части – опера «Злоумышленник». Кто не видел, пусть жалеет. На репетициях не клеилось, ребята не выдерживали ритма, затягивали программу. Кананин нервничал, настроение накануне премьеры было откровенно тревожное. Чтобы выдержать нужный темп даже посадили за сцену барабанщика, чтобы отбивал ритм. И вот программа пошла. С изумлением и восторгом, я вижу, что ребята – играют. И как! Никакого сравнения с тем, что было на первых курсах, как одно мгновение пролетает великолепный спектакль. Зритель действительно в восторге.

На истфаке самодеятельность, надо сказать, готовилась профессионально (отличительная черта Кананина в любом деле). С хором занимался профессиональный дирижер (кто его пригласил, вы догадываетесь и сами). С танцорами репетировал Валера Порошин, сам профессиональный танцор. Программы шли на едином дыхании, режиссура была также профессиональна. Но все же...

Здесь надо сделать одно лирическое отступление. Я говорил, что в 1973 году истфак занял первое место на смотре художественной самодеятельности. После этого первых мест не было. Был только успех у зрителей. А первого места не давали – «за безыдейность». Нет, честно скажу, что, подготавливая программы, мы не держали фиги в кармане, не были такими «кухонными» диссидентами, но нам претила та формула успеха, которую мы как-то с Кананиным вдвоем вывели: «Спой пеню о партии, прочитай стих про Ленина, а потом гони любую пошлятину, и будет тебе первое место».

И никакие вторые места не заставили Кананина поступиться принципами, программы были все также профессиональны и «безыдейны».

Кананин многому научил и со сцены, и исподволь в процессе общения. Только один пример, я считал себя знатоком Есенина (ну знал там около сотни стихов, да пару поэм), но как же мало я понимал их. До Кананина. Лишь после того, как услышал в его исполнении «Песнь о собаке», до меня начала доходить гениальность Есенина, не разделявшего природу, а чувствующего все живое как единое целое. Грубо говоря, меня поразили «собачьи» чувства, ничем (по Есенину) не отличающиеся от человеческих. Позже мне пришлось слушать стихи Есенина в исполнении какого-то заслуженного артиста Удмуртской АССР из пресловутого театра им. Короленко. «Заслуженный» бодро шагал по сцене, размахивал руками и бойко декламировал стихи, одно за другим, без перерыва, точно памятью хвастался. После кананинского исполнения, когда каждое слово, как драгоценность доносится до слушателя, чтение «заслуженного»

вызывало тошноту. Вот когда я лишний раз я вспомнил слова Энгвера – «пиво надо ходить пить в этот театр».

Что бы жить километрами...

Как-то недавно, беседа с Кананиным, мы вспоминали ушедших. Ну, что ж, время подводить какие-то итоги. Размышляя, Кананин говорил о том, что сделал, что останется людям, семье. И я подумал о том, что он жил и продолжает жить в том своем непостижимом ритме, который так поразил меня раньше, во время нашего знакомства.

И как будто слышалась та давняя пеня у того давнего костра.

Чтобы жить километрами,
Не квадратными метрами,
Холод. Дождь, мошкара, жара,
Не такой уж пустяк.
Чтоб устать от усталости,
Не от собственной старости.
Чтоб грустить о товарищах, о себе не грустя.

**Энгвер Н.Н.,
д.э.н., профессор**

О В.А.Кананине^{*}

О В.А.Кананине писать трудно, потому что о нем надо писать хорошо, а никогда не знаешь, хорошо ли получится то, что пишешь. Мне приходится встречаться с Владимиром Алексеевичем не только официально, но и в неформальной обстановке. Я наблюдал его на сцене и в быту, в удачах и неудачах и пришел к выводу, что это очень талантливый человек.

У Шиллера есть такой философский стих: «Однажды красота спросила Зевса: - Почему я преходяща? Потому, - ответил Зевс, - что только преходящее я создал прекрасным». Когда я смотрю короткую, но потрясающую композицию В.А.Кананина «Нежность», мне кажется, что ему удастся сделать прекрасным даже непреходящее.

Владимир Алексеевич не уклоняется от трудностей, он мужественно встречает и неудачи, которые неизбежны в работе настоящего мастера. Подлинное искусство всегда мужественно. Мне кажется, что мы, быть может, недостаточно нежно относимся к В.А.Кананину. Между тем он заслуживает всяческого уважения, даже когда ошибается, даже когда неправ, потому что поиск нового возможен только через ошибки.

В.А.Кананин поднял развитие эстетического вкуса наших зрителей на новый уровень. И наш долг отдать ему эту честь.

^{*} Газета «Удмуртский университет», №17 (103) от 06.05.1976 г.

Шишкина Н.Г.,
к.и.н., зав. кафедрой истории
древнего мира и средних веков УдГУ

Юбилейное слово о коллеге

Всех строже оценить
Умешь ты свой труд.
Ты им доволен ли,
Взыскательный художник?
А.С.Пушкин

Владимир Алексеевич Кананин – живой, яркий, талантливый человек, общение с которым приносит радость. Степенность ему не к лицу. Он и по сей день наполнен жизнелюбием, обаянием, причем с годами он не сильно изменился.

Кстати о годах.

Мы работаем с Владимиром Алексеевичем уже более 35 лет. Всплывают отдельные эпизоды, может быть достаточно случайные, стерлись из памяти некоторые частности, в целом же, я помню и знаю то, что помнят и знают все, кто рядом на нашем родном историческом факультете.

Сегодня у Владимира Алексеевича юбилей – знаменательная дата, которая связана, во-первых, с воспоминаниями и, во-вторых, позволяет сказать добрые слова юбиляру.

Наше знакомство состоялось осенью 1972 г. «Посвящение в историки». Актальный зал 4 корпуса УдГУ. После представления студентов, на сцену вышел молодой человек с гитарой и начал петь красивую, завораживающую песню. Его тихий голос заполнил все вокруг. А потом, уже позднее, он читал со сцены стихи и зал тоже замирал...

Владимир Алексеевич не сразу пришел к нам на кафедру всеобщей истории. Он работал на факультете общественных профессий (был такой в 70-е гг.), но с историческим факультетом был связан особенно тесно. Тогда одним из самых популярных коллективов в университетской художественной самодеятельности был театр политической сатиры «Балаган» исторического факультета. В соответствии с традиционным ажиотажем вокруг ежегодных смотров художественной самодеятельности в актовый зал I корпуса набивалось огромное количество преподавателей и студентов. Все знали, что будут на представлении миниатюры, сделанные под руководством Владимира Алексеевича и Сергея Семеновича Дерендяева, а они выделялись (на фоне довольно пестрых и

разношерстных номеров), точностью акцентов, интересными находками в режиссуре и особым изяществом форм. Студенты тех лет вспоминают участие в художественной самодеятельности как одну из самых ярких страниц в своей студенческой жизни...

... А как мы встречали Новый год! Какие у нас были Снегурочка и Дед Мороз (профессор Аркадий Андреевич Тронин и Владимир Алексеевич)! Снегурочка учила нас танцевать летку-енку и еще что-то очень модное. И все это Владимир Алексеевич делал интересно, а точнее делал интересное из обыденного. Он буквально влюблял в себя любого, с кем начинал общаться. Яркий, темпераментный, фонтанирующий идеями с острым живым умом, он покорял и мужчин, и женщин.

... 80-90-е гг. прошлого века. Владимир Алексеевич начинает работать в деканате – заместитель декана по учебной работе, а затем и декан. Смутное время перемен, когда высшую школу в России штормило. Но вместе с нами Владимиру Алексеевичу удалось сохранить традиции и лидерство факультета. Особенностью руководства Владимира Алексеевича являлось отсутствие мелочной опеки, доверие к самостоятельности кафедр, преподавателей и студентов, признание ценности любого обоснованного мнения и критика слабо аргументированной идеи, независимо от того, кто ее вносил.

Атмосфера взаимной заинтересованности, поддержки, развитие мыслей друг друга - все это у Владимира Алексеевича от его учителя Риммы Дмитриевны Голдиной, которую он сменил на посту декана. И, действительно, разнообразная деятельность помогала объединить усилия кафедр, преподавателей в поисках общей стратегии не только для подготовки профессиональных историков, но и для воспитания студентов, расширения сферы общения, и мобилизации на коллективные творческие дела. Яркость, насыщенность мероприятий - все это заражало и воспитывало студентов. Просто удивительно, насколько Владимир Алексеевич мог оживить, сделать интересным любое, безнадежно унылое мероприятие, мог поднять на любую работу, умел завести нас.

... Это очень маленькая часть воспоминаний о совместной работе, но и они, думаю, могут служить примером для молодого поколения, которое строит свою профессиональную и общественную жизнь на факультете.

С юбилеем, Владимир Алексеевич!

Счастья Вам, Удачи и всегда быть на Высоте!!!

Январь 2008 г.

Шутова Н.И.,
д.и.н., ведущий
научный сотрудник
Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН

В.А.Кананин и Камско-Вятская археологическая экспедиция в 1973–77 гг.

При первом знакомстве Владимир Алексеевич Кананин не привлекал к себе внимания яркой и броской внешностью, шумным и эффектным поведением. Мало того, он мог выглядеть совершенно неприметным. Он преображался, когда брал в руки гитару, пел песни, читал стихи, рассказывал анекдоты. И... становится любимцем и душой компании!

Почти все новички-первокурсники 1970-х гг., работавшие в составе Камско-Вятской археологической экспедиции (КВАЭ) Удмуртского университета проходили увлечение личностью В.А. Кананина. Ребята осознанно или неосознанно подражали ему в манере говорить и шутить, играть на гитаре. Девушки увлекались, многие серьезно влюблялись. Еще и ныне по прошествии десятков лет ему передают приветы теперь уже взрослые женщины, даже мужчины – те, которым посчастливилось побывать в одной экспедиции с Владимиром Алексеевичем. Мы, студенты, специализирующиеся по предмету «археология», постепенно взрослели, превращались в младших коллег Владимира Алексеевича и уже в который раз наблюдали, как очередные «молочные» студенты восхищенными глазами смотрели на него.

В те годы большие археологические экспедиции были немыслимы без ночных посиделок у костра, бесконечных песен под гитару, рассказов-страшилок, занимательных историй, да и просто бесед о прочитанных книгах. Тогда у нас в моде было увлечение писателями фантастами – братьями Стругацкими, Р.Бредбэри, А.Азимовым и другими. Особым шиком считались ночные прослушивания голосов «вражеских» радиостанций – «Голос Америки», «Би-Би-Си». Каждый полевой сезон завершался праздником посвящения первокурсников в археологи, который проводился под руководством В.А.Кананина. По сути это были импровизированные представления с определенным набором испытаний, которые должны были пройти вновь посвящаемые.

В.А.Кананин – замечательный организатор, в его ведении находилась не только основная культурная и досуговая сфера экспедиционного быта, но и разведочные и стационарные исследования. Начальник КВАЭ Р.Д.Голдина отправляла Владимира Алексеевича с группой старших студентов для обустройства лагеря. Это предполагало выбор пригодных

для жилья участков местности, установку палаток, продумывание планировки лагеря и т. д. Он был ответственным за работу на раскопе, часто выезжал в разведки на поиски новых памятников. Мы, сотрудники экспедиции тех лет, получили заряд энергии и оптимизма, умение видеть прекрасное и радоваться жизни, способность иронизировать не только над другими людьми, но и над собой, привносить в повседневные будни элемент игры и фантазии, полюбили авторские песни, запах хвои, дым костра и походного быта.

К числу характерных черт Владимира Алексеевича Кананина можно отнести хороший вкус, изысканные манеры, умение держать форму в прямом и переносном смысле, не раскисать при любых обстоятельствах, не болтать, не жаловаться. Он всегда выдержан, прекрасно держится и сохраняет некоторую дистанцию в отношениях с людьми, охраняя внутренний мир от посягательств извне.

Как любой творческий человек, Владимир Алексеевич любил внимание к себе, упивался этим вниманием. Будучи сложным и самолюбивым человеком, он мог обидеть человека, легко обижался сам, мог иронизировать по поводу недостатков и привычек окружающих людей, но при этом не был жесток или груб. Несмотря на широкий круг знакомств и достаточно демократический стиль общения, он выглядел закрытым человеком, редко впуская к себе в душу. Временами мог выказать свою неприязнь или симпатию к другим, но не всегда было ясно, как он в действительности относится к человеку. Был ли он сам всегда доволен своим положением в экспедиции и в археологии? Все ли отпущенные природой таланты он использовал? И правильно ли распорядился этими способностями? Бог знает. Важно одно – Владимир Алексеевич – яркая оригинальная и очень непростая противоречивая личность, щедро одаренная талантами – великолепными спортивными и артистическими данными, организаторскими способностями.

Оценивая значение личности В.А.Кананина как одного из руководителей Камско-Вятской археологической экспедиции, следует отметить его роль как человека в немалой степени способствовавшего успешной и сплоченной работе сотрудников экспедиции как полноценного научного коллектива. Обаяние В.А.Кананина, его артистизм и задор привлекали молодежь в экспедицию. На первых порах эти беспечные студенты, не особо серьезно заглядывая в будущее, ездили на раскопки, шагали по разведочным маршрутам. Со временем с ними происходили удивительные метаморфозы: жизнь в экспедиции превращалась в привычку, становилась осознанным стилем жизни, перерастала в серьезное отношение к археологии. И тогда из тех бесшабашных веселых ребят и девчат, любящих веселье и походы,

получились вполне добросовестные исследователи. Большинство тех молодых людей, сотрудников КВАЭ 1970-х гг. ныне не связаны с археологией, успешно трудятся в разных сферах науки, образования, культуры. Однако многие из них сохранили искорки той археологической романтики и жизнелюбия, ностальгию по «Синильге» – покровительнице путешественников и бродяг, «туманам и запахам тайги», недоступном и таинственном городе, где «вместо домов у людей в этом городе небо, руки любимых – вместо квартир»...

Несомненно, во всем этом кроется и заслуга В.А.Кананина.

Пушкарёва В.В.
к.п.н., доцент кафедры
новой и новейшей истории
и международных
отношений УдГУ

...Оказывается, что я знаю В.А.Кананина уже 35 лет...

Мое первое знакомство с В.А.Кананиным было заочным. Я, новоиспеченная студентка, помогала в деканате заполнять студенческие билеты и зачетные книжки для первокурсников, а старшекурсники готовили личные дела для архива. За работой они без умолку рассказывали о новом, молодом преподавателе, приехавшем из Свердловска и поразившем их своим обаянием и артистическими способностями. Он все лето провел в археологической экспедиции, хорошо был знаком историкам, постепенно его имя обрастало легендами и слухами, в которых, как это всегда бывает, переплелись правда и вымысел. По-видимому, он настолько был интересен окружающим, что каждый его шаг становился известным в студенческой среде, а число его поклонников возрастало. Разговоры старших товарищей заинтересовали меня, возникло нормальное желание убедиться во всем самой. И случай для этого представился весьма скоро.

Накануне учебного года во Дворце культуры “Октябрь” было организовано посвящение первокурсников в студенты. После торжественной части состоялся концерт силами художественной самодеятельности УдГУ, в котором принял участие В.А.Кананин, исполнив отрывок из “Маленького принца” А.С.Экзюпери под аккомпанемент гитары. На сцене появился молодой, обаятельный человек с изумительно-радостной улыбкой, широким и роскошным движением надел ремень от гитары через плечо, сделал первые аккорды, а затем, с пронзительной грустью он стал говорить о добре, красоте и правде. Благодаря выразительному голосу, лирическому звучанию и запоминающемуся ритму его выступление запало в душу. Я буквально была покорена его чтением. Действительность превзошла ожидание. Не всякий артист-профессионал способен донести до слушателей глубинный смысл философской сказки французского писателя. Я убедилась в том, что этот человек обладает особой внутренней энергией и незаурядным драматическим дарованием.

Личное знакомство состоялось в первые студенческие каникулы. На факультете формировали агитбригаду для поездки с концертом в воинскую часть, руководил подготовкой В.А.Кананин. У историков уже были хор, СТЭМ, набирали танцевальную группу, в которую пришли, в

основном, первокурсники, в том числе и я. Отношения в ходе работы сформировали представления о нем, как о человеке добром, честном, интеллигентном, с сильной волей и столь же сильным честолюбием. В дальнейшем наши пути пересекались по комсомольской линии, в археологических экспедициях, на занятиях, на отдыхе. А последние 15 лет – мы коллеги.

Самые яркие воспоминания сохранились об археологических экспедициях. Все началось с обязательной археологической практики после первого курса, которой руководила Р.Д.Голдина. Месяц, проведенный на раскопках Агафоновского могильника в Коми-Пермяцком национальном округе, останется в моей памяти на всю жизнь. Прошло уже много лет, но я и сегодня помню то волнение, которое было на раскопе от первого соприкосновения с историей человечества, ту тревогу, которая возникала каждый раз, когда я выбирала погребение или делала зачистку, связанную с сомнением – а смогу ли сделать все аккуратно и правильно, ту радость, которая возникала каждый раз, когда были находки. Запомнилось все: и тяжелый физический труд на раскопе, и суровый быт в полевых условиях, и вечерние костры. А самое главное – неповторимая атмосфера общения, взаимопонимания, душевности, романтики, бесшабашности, незамысловатых шуток и хитроумнейших розыгрышей. Только в экстремальной ситуации формируются и проверяются истинные человеческие качества: доброта, терпимость, милосердие. Моя первая экспедиция вызвала неподдельный интерес к раскопкам и намного лет вперед стала частью моей жизни.

В середине 70-х гг. вокруг В.А.Кананина сложилась группа единомышленников, которые несколько сезонов подряд ездили на раскопки в Афанасьевский район Кировской области. После практики в этой группе оказалась и я. Мне часто задавали вопрос, что заставляет людей, профессионально не занимающихся археологией, проводить свои каникулы и отпуск в экспедициях. За других отвечать не буду. Скажу за себя. Для меня -это коллектив; возможность быть самой собой, не притворяться и не лукавить, ощущать свою полезность для других, знать, что при необходимости помогут тебе; привлекают нормальные, человеческие взаимоотношения, которых не хватает в городской суете; конечно же, природа, которая хорошо нейтрализует отрицательные эмоции.

В экспедиции В.А.Кананин предстал в новом качестве – в качестве руководителя. Он оказался достойным учеником Р.Д. Голдиной. Организационные и прочие проблемы нас мало волновали, мы даже не задумывались о том, что начальник отвечает за нашу безопасность, жизнь и здоровье, и не подозревали, каких физических и моральных усилий это

ему стоит. Распорядок дня был отлажен. От работы никто не отлынивал, повара вовремя кормили археологов, по мере необходимости заготавливали дрова, убрали палатки и лагерь. Никаких ЧП за семь полевых сезонов, в которых я принимала участие, не было. В этом заслуга незаурядной личности самого В.А.Кананина. Безусловно, он обладает коммуникабельностью, требователен, но мог пошутить и подбодрить в нужную минуту, не терялся в сложной обстановке, умел находить нестандартные решения, непритязателен в быту, гурманом его не назовешь, не отнесешь к людям унылым или ленивым. Скорее всего, в нем доминировали черты харизматического лидера. Последователи верили ему и поддерживали его. Вспоминается только один вид наказания – за ночные разговоры в палатках и громкий смех – драить до блеска баки и ведра, в которых готовится еда.

В экспедиции, руководимой В.А.Кананиным, сложились свои традиции. Например, ко Дню археолога, принято было дарить друг другу подарки, сделанные своими руками из того, что можно было найти вокруг – из коры, ягод, цветов, веток и т.д. Заранее тянули жребий, кто кому будет готовить сюрприз, а потом еще и обыгрывали свое творение.

Незабываемыми были и праздники “посвящения в археологи”. Особенно запомнился один из них, поскольку его проводили на поляне, почти копии с картины В.Иванова “Явление Христа народу”, соответствующим был сценарий, в конце которого предусматривалось массовое омовение (крещение) новичков, даже действующие лица имели внешнюю схожесть.

Сохранились в памяти чтения вслух в перерывах между работой на раскопе знаменитых произведений Ильфа и Петрова “Золотой теленок” и “Двенадцать стульев”. Несомненно, инициатором и исполнителем был В.А.Кананин, мастер очаровывать своими творческими способностями. Каждый из нас, вернувшись с раскопок, обязательно заново перечитывал эти шедевры, вспоминая интонацию, мимику В.А.Кананина при произнесении фраз, которые вошли в фольклор и цитируются как пословицы и поговорки.

В экспедиции, как известно, существует дефицит информации, поскольку нет радио, телевизора, газет. Но нас выручал старенький радиоприемник “Океан”. Вошло в привычку, во время ужина, когда все собираются за столом, прослушивать новости. Причем, приемник постоянно барахлил, выходили из строя батарейки, которые тогда невозможно было купить в магазине. Часто связь обрывалась на самом интересном сообщении. Примечательно и то, что на природе гораздо проще было поймать зарубежные радиостанции, нежели советские, например, “Маяк”, и сигнал был почему-то более чистым. Находясь в

поле, мы слушали чтение “Архипелага Гулаг” А.Солженицына, следили за спортивными соревнованиями на Олимпиаде, узнали о смерти В.Высоцкого. Полученная информация становилась источником бурных обсуждений. Это была хорошая школа, где учились высказывать свое мнение и убедительно его отстаивать.

И, конечно, неповторимая атмосфера тепла, гармонии, даже блаженства, царила во время вечерних костров. Песни, шутки, анекдоты, байки, воспоминания снимали усталость от физического труда, настраивали на оптимистический лад, помогали переживать "подарки" погоды. Все собиравшиеся у костра археологи с нетерпением ждали, когда же с гитарой выйдет начальник. Многие из нас познакомились с бардовской песней в экспедиции и полюбили ее, благодаря своеобразному исполнению В.А.Кананина. Его хрипловатый голос в сопровождении простых гитарных аккордов создавал неповторимый эффект, который буквально завораживал слушателей, а спокойная, сдержанная манера исполнения была отдушиной от повседневной реальности. Стоит отметить поразительную способность Владимира Алексеевича перевоплощаться: днем он организатор, руководитель на раскопе, обладающий профессиональными навыками, педантичный, немногословный. Но за него говорили глаза: светились радостью, когда было много находок, становились строгими, когда в работе была допущена халатность и невнимательность, а в конце полевого сезона – грусть, по-видимому, связанная с тем, что так и осталось мечтой желание найти золотое сасанидское блюдо. Вечером, же, у костра, он - признанный артист, заряжающий всех жизненной энергией.

Прошло 35 лет с того момента, как мы познакомились. Конечно, всесильное время внесло свои коррективы, наложило отпечаток на моего хорошего старого друга, как, собственно, и на нас всех. Но я с твердой уверенностью заявляю, что его года - это его богатство. Он многого добился в этой жизни - защитил диссертацию, стал профессором, организовал ВКСПН, вырастил сына - он уважаем и любим своими коллегами, студентами, родными и близкими. Но даже не это главное. Главное - то, что до сих пор этот человек продолжает излучать свет - завораживающий, согревающий, исходящий прямо из его неутомимого горячего сердца.

Ютина Т.К.
к.и.н., доцент кафедры археологии
и истории первобытного общества УдГУ

Коллегам о коллеге – археологе. Несколько зарисовок к юбилею В.А.Кананина

Я не знаю, к какому жанру можно отнести мои заметки. Наверное, это будет монолог, обращенный к юбиляру, в других случаях – рассказ о юбиляре, адресованный коллегам. Не так часто мы говорим хорошие слова хорошим людям. Пусть это будет беседа - моя с юбиляром и читателями – коллегами.

Владимир Алексеевич, я обещала рассказать Вам о происхождении Вашей фамилии. Слово своё держу.

По мнению профессора А.Суперанской фамилия Кананин имеет две версии происхождения. Первая – от православного имени «Конон», которое развилось в русских народных говорах до сотни различных народных форм, в том числе с «а»: «Канан», откуда ласковая форма Кананя и фамилия Кананин. Вторая версия принадлежит исследовательнице пермских фамилий Е.Н.Поляковой, которая допускает сближение этой фамилии с коми-пермяцким словом «кань» - «кошка». Поскольку в основах дохристианских имён часто звучали названия животных, слово «кань» могло лечь в основу прозвания Кананя. (<http://geno.ru>. Международный институт генеалогических исследований. Программа «Российские династии»).

Фамилия Кананин - мягкая по созвучию букв. Эта мягкость и уравновешенность проявляется и в характере В.А.Кананина.

...А сейчас несколько моих зарисовок. Пусть не обижаются коллеги, причастные к тем или иным событиям по совместной работе с юбиляром на историческом факультете, их заслуги тоже несомненны. Но сегодня разговор о юбиляре.

С Владимиром Алексеевичем я впервые познакомилась на первом курсе исторического факультета в 1973–1974 учебном году. Вместе с однокурсницами Ниной Шутовой, Ириной Кисляковой, Ольгой Вотяковой и другими я приходила на заседания студенческого научного кружка археологии.

После первого курса в июле 1974 г. мы всем курсом дружно отправились на летнюю археологическую практику в д.Агафоново Гайнского района Коми-Пермяцкого автономного округа. Дорога была ужасной, пришлось заночевать на автовокзале в г.Кудымкар, разместились на своих рюкзаках, прямо на полу. Для меня, горожанки, это

было, во-первых, интересное приключение, а во-вторых, и испытанием, так как меня даже в трамваях укачивало. А здесь вторые сутки добирались на автобусах.

Ранним хмурым дождливым утром, когда нас, огромную толпу первокурсников, повели на завтрак в столовую в г.Кудымкаре, единственным желанием было побыстрее добраться до места расположения неведомого археологического лагеря. Прибыв в лагерь, расположились в уже приготовленных для нас палатках. Всё было оборудовано - кухня, места отдыха, спортивная площадка и т.д. Я ещё очень удивилась, думала, экспедиция – это брезентовые палатки с комарами, кушаем на травке, на коленках. А тут двойные с внутренним пологом цветные палатки (такие я не видела раньше вообще), обеденные столы, котлы на построенной самодельной кухне, чем не цивилизация.

В этих полевых условиях В.А.Кананин постарался создать райский уголок для археологов и практикантов-студентов, так как кроме научной части, отвечал ещё и практически за весь быт, хозяйственную часть, досуг. Его энергия была неистощима. Удивлял нас, студентов, и облик босоногого, стриженного под «ноль» археолога – Кананина. На многие годы его традиционная археологическая экипировка состояла из потертых джинсов; белой рубашки с длинными рукавами, как правило, просто накинутой на плечи; кепочки, в большинстве случаев, тоже белой и любимой палки- трости. В зависимости от погоды добавлялись кеды или сапоги, шерстяные носки, коричневая или серая заслуженная штормовка. Облик босоногого археолога был близок к образу популярных в то время хиппи, непритязательных как в одежде, так и в еде.

Весь месяц июль, работая на раскопках Агафоновских могильников, мы всё ближе знакомились с В.А.Кананиным и просто поражались его работоспособности на раскопе в течение дня, а вечерами начиналась вторая смена его работы - костёр, гитара, песни и первокурсники, облепившие пространство вокруг огня, как муравьи муравейник. Эти песни были очень необходимы студентам, дух романтики 70-х годов пронизывал весь наш студенческий полевой быт. Надо отметить, что романтические песни и песни в стиле «шансон» пел первокурсникам и Александр Васильевич Прокопов. Но увлечь студентов петь песни коллективом, громко и задорно удавалось, пожалуй, только Владимиру Алексеевичу. Пели песни даже те, кому «медведь на ухо наступил», в хоре фальши не слышно.

Июль 1974 г. в Агафонове запомнился ещё и тем, что стояла страшная жара, все загорели и призыв «работайте негры, солнце ещё не село» был в самую точку. Досуг был организован отлично, различные мероприятия: купания в р. Каме и теплом прогревом, как парное молоко, озере;

концерты, смешной «день страха», розыгрыши запомнились надолго. Это сейчас понимаешь, сколько было положено сил, чтобы всё это организовать, а тогда казалось, что всё идёт само собой.

Вспоминаю, как на втором курсе мы с Владимиром Алексеевичем готовили посвящение в студенты–историки для первокурсников. Курс наш был достаточно интересным: Володя Королёв, Миша Опалёв, Олег Останин, Валера Шляфер, Саша Балицкий, Вера Пушкарёва, Ирина Кислякова, Ольга Вотякова, Нина Шутова, Роза Мухамедьярова, Наталья Бабушкина, я и многие другие. Целый месяц мы репетировали, сюжет взяли из «Дон Кихота». Рисовали декорации средневековых замков, яблоки для лошади «в яблоках» и т.д.

До сих пор мы встречаемся с курсом и вспоминаем задор нашего руководителя студенческих постановок. Студенческий театр эстрадных миниатюр (СТЭМ), которым на факультете долгие годы руководил В.А.Кананин, был очень популярен в УдГУ. И коллектив его всегда занимал призовые места на конкурсах СТЭМов. А как Владимир Алексеевич читал стихи на конкурсах, об этом сотрудники других факультетов УдГУ помнят до сих пор!

Другой эпизод, который хочется рассказать, это раскопки в 1975 г. Аверинских могильников в Афанасьевском районе Кировской области. Археологические раскопки – это не только «романтика ножа и топора», это ещё решение повседневных бытовых задач, проблем отношений с местным населением.

Для обеспечения нормальным питанием студентов обычно «в поле» из Ижевска сразу привозили продукты – консервы, тушенку, сгущенку. В деревне, в период развивающегося дефицита, раздобыть продукты было невозможно, они просто туда не доходили (правда, молоко и мясо, картофель в деревне стоили копейки, местное население активно помогало археологам натуральными продуктами).

Однажды, кто-то из деревенских пацанов стащил последнюю пяти - килограммовую банку сгущёнки из хозпалатки и студенческая каша на 70 персон была теперь обречена вариться на воде.

Для справки: хозпалатка - это была такая особая большая хозяйственная палатка округлой формы, расположенная вблизи кухни, на почтительном расстоянии от жилых палаток. В хозпалатке хранились стратегические запасы экспедиции: кроме традиционных макарон и пакетного супа, уже упомянутые тушёнка и сгущёнка, сушки или сухари, кусковой сахар, стеклянные банки майонеза и удивительно вкусного краснодарского томатного соуса и т.д.

Владимир Алексеевич очень тактично выяснил, кто из местных мальчишек оказался таким сладкоежкой. Как потом рассказывал сам

Владимир Алексеевич, когда он зашёл в крестьянскую избу, желание пожурить пацана исчезло, он понял, что мальчишка может впервые в жизни попробовал эту самую сгущёнку. Была проведена лишь воспитательная беседа. Возможно, подросток на всю жизнь заполнил слова, сказанные ему Владимиром Алексеевичем: « ... если хочешь сладкого, ты мне скажи, я сам налью тебе сгущёнки, только не тащи у студентов последнее». Конфликт был исчерпан, наутро мальчишка, с разрешения матери, принёс в лагерь археологов ведро парного молока.

Владимиру Алексеевичу всегда удавалось наладить хорошие контакты с населением и местной администрацией тех населённых пунктов, где проходили археологические раскопки. Этому искусству тоже надо ещё поучиться другим.

В 1975 г. небольшая группа студентов вместе с В.А.Кананиным выехала ставить лагерь в деревню Моторки Кильмезского района Кировской области. Здесь должны были начаться раскопки поселения Моторки II, предполагалось участие в них большого числа студентов. Наша задача была - поставить до их приезда палаточный лагерь. Работы было много, но вечерами, в минуты отдыха Владимир Алексеевич под гитару пел для души, не для публики, а для души, для себя. И было видно, что этот, как казалось, всегда оптимистичный, весёлый человек о чём-то своём тихо грустит.

Дни совместной работы в Моторках достаточно часто вспоминает и сам Владимир Алексеевич, подшучивая надо мной по поводу «майских жуков». Но это уже тема совсем другого разговора. Память о теплых июльских вечерах лета 1975 г. осталась на годы.

Песни Владимира Алексеевича пели и поют не только разные поколения участников Камско-Вятской археологической экспедиции. С теплотой вспоминают его песенный археологический фольклор и в Псковской экспедиции, где в аспирантские годы работал Кананин. Побродив по сайтам в «Интернете» наткнулась на информацию об этом. В публикации С.В.Белецкого «Заметки к истории песен в археологических экспедициях» приводятся данные об археологическом фольклоре Изборской экспедиции конца 70-х годов (<http://folklore.archaeologu.ru>). В ней С.В.Белецкий упоминает, по крайней мере, три песни - «Опадает лист орешника» В.Вихорева, « За удачу господи мужики», «Аккордеон» которые привёз в экспедицию в Изборск Володя Кананин - аспирант В.В.Седова.

Интересна программа «В нашу гавань заходили корабли». Сначала она транслировалась по «Радио России», затем стала ещё и телевизионной. Я всегда с удовольствием эту программу слушаю и смотрю. Сейчас появился сайт с аналогичным названием (<http://www.ngavan.ru>), в

материалах которого также есть ссылки на археологический фольклор экспедиции в Изборске и песни В.А.Кананина.

Безусловно, песенный фольклор Камско-Вятской археологической экспедиции, основателем которого можно назвать Владимира Алексеевича, берёт начало в студенческой молодёжной песенной традиции г. Свердловска 60-70 гг. XX в., так как именно в г. Свердловске, в Уральском государственном университете, на историческом факультете учился В.А.Кананин. На одном из сайтов в Интернете обнаружила ностальгические публикации о студенческом песенном фольклоре уральцев 60-80 гг. XX в. Оказалось, что так много общего с нашим археологическим фольклором Камско-Вятской экспедиции.

Следующая зарисовка. Раскопки в 1978 г. Бродовского могильника в Кунгурском районе Пермской области. И опять мы - студенты специализации «археология» и однокурсники - под руководством В.А.Кананина едем на несколько дней раньше основной группы ставить археологический лагерь. Грузовая машина забита оборудованием. Внизу - лопаты, котлы, доски. Наверху – спальные, одеяла и почти под самым брезентовым пологом - мы, в горизонтальном положении, больше нет места. Единственное маленькое оконце расположенное над кабиной водителя позволяло нам с высоты наблюдать за дорогой - узкой и разбитой. Наш руководитель, Владимир Алексеевич, ехал в кабине с водителем, указывая ему путь. В дороге начался проливной ливень и образовалась пробка из автомашин, застрявших в непролазной грязи дороги. Зрелище было ещё то! Самосвалы и легковушки, водители которых пытались объехать застрявшие машины, скатывались с мокрого полотна дороги и тыкались носом в рытвины. Казалось, что мы надолго застряли здесь. И вдруг мы видим на дороге знакомую фигуру – в традиционных экспедиционных джинсах, белой рубахе, кепочке и с тростью в руке. Владимир Алексеевич, оказывается, вышел из машины и под шквальным ветром и дождём, по колено в грязи показывал водителю где и как можно проехать. Водитель тоже был опытный, наша машина, пожалуй, единственная самостоятельно выбралась тогда из этого затора. Остальные вытаскивали тракторами. Мне хочется отметить, что нет в этом особого геройства. Но когда ситуация складывалась в экспедиции подобным образом и позже, Владимир Алексеевич принимал на себя решение вопроса, даже в ущерб собственному здоровью. А сколько разных мешков археологического оборудования, ящиков с продуктами перетаскал на себе юбиляр, это знает только он, да те, кто был рядом в экспедициях! Так что археологию, Владимир Алексеевич, в прямом смысле, вынес на руках.

Ещё один из эпизодов: хотелось отметить разведочное обследование интереснейшего средневекового памятника – Дербёшкинского могильника в Актанышском районе Татарской АССР в 1982 г.

В 1982 г. научный сотрудник Музея истории и культуры Среднего Прикамья Н.Л.Решетников принёс на кафедру археологии и истории первобытного общества УдГУ находки из разрушенных погребений могильника. В тот же год осенью было решено проверить памятник. Основным маршрутом выезда археологов кафедры было обследование Зуевключевских городищ, памятников в районе дд. Нырғында и Быргында.

В практике археологов кафедры были ежегодные совместные выезды в свободное время на какой-либо археологический объект – своеобразный полевой коллоквиум, семинар по обмену опытом и просто общение, так как каждый работал уже по плану изучения археологических памятников на своих «условных» территориях.

К тому же, район дд.Зуевы Ключи, Нырғында, Быргында был всегда значим для Р.Д.Голдиной, В.А.Кананина, А.В.Прокопова. Здесь начинались их научные изыскания, поэтому территория эта притягивала наших руководителей во все последующие годы, это было возвращение уже почти в другую эпоху.

Территория в окрестностях дд.Зуевы Ключи, Быргында, Нырғында была обследована в течение двух дней и группа разделилась на две части. Одна уехала обратно в Ижевск, другая под руководством В.А.Кананина двинулись к берегу р.Камы с целью переправиться на другой берег реки, в устье р.Белой. В составе группы были Н.Л.Решетников, О.А.Казанцева, О.В.Армаутынская, Е.Э.Киржнер, Т.К.Ютина, Г.В.Лодыгин, Т.А.Коробейникова.

Вопрос с водным транспортом был руководителями решён, нас доставили в с.Дербёшку, в тот период село уже обозначали на картах как объект затопления Нижнекамской ГЭС, жителей было мало, все разъезжались кто куда. Добраться до нашего места исследований по дороге было невозможно, связи с Дербёшки с «Большой землей» не было, дорога просто заросла, а транспорта никакого в селе не было и в помине.

Но до нашего памятника, как выяснилось, необходимо было добираться километров 10-12. Груз у нас был огромный, никто не ожидал такого поворота дел и взяли лишнее. И вот растянулась по побережью цепочка археологов, нагруженных как хороший караван верблюдов. Угадайте, кому досталось больше всех? Конечно, самому опытному археологу – В.А.Кананину. Когда мы, наконец, добрались до этой Чёртовой горы (Чёртовой её называло местное население, так что это не ругательство, а имя собственное – топоним) выяснилось, впереди ещё

надо преодолеть водную преграду – протоку. Чёртова гора, по сути, являлась островом среди затопленной водохранилищем поймы рек Камы и Белой.

Погода стояла холодная, шли дожди, и желания у дам лезть в воду по пояс не было. Владимир Алексеевич, как истинный джентльмен практически на руках перенёс археологиню на другой берег протоки, а следом вместе с остальными мужчинами и всё оборудование. Но это не была конечная точка наших путешествий. Надо было пройти ещё километра два по острову, до пункта назначения. Вконец измученные, добрались до места расположения памятника, разбили палатки, приготовили еду и улеглись спать, хотя был ещё день. И вдруг наступила тишина, закончился дождь, барабанивший по палаткам, археологи мирно посапывали, вылезать из палаток никому не хотелось и только откуда-то, как будто издалека, раздавался звон, похожий на звук разлетающихся поленьев при колке дров. Это В.А.Кананин, понимая всю ответственность за вверенных ему людей, был весь в хлопотах, благодаря ему у нас был налажен даже на короткое время нормальный быт.

Все наши трудности окупились на следующий день, когда разбили проверочный раскоп и пошли, пошли очертания средневековых погребений. Радостные и довольные мы возвратились на пристань (громко сказано) с.Дербёшка. Когда вернулись в Ижевск, показали находки, руководством было принято решение исследовать памятник. В 1983 году начались стационарные раскопки уникального памятника, изучение которого поручили мне.

Разведка на Дербёшкинский могильник осталась в памяти у всех участников. Вспоминаем часто, как Владимир Алексеевич, желая подбодрить уставших коллег, тащивших из последних сил экспедиционное оборудование, шутил «Ничего себе походик!». Это выражение так и закрепилось, стало крылатым; если звучала эта фраза, всем было понятно, что речь идет о разведке 1982 года на Дербёшкинский могильник.

Обязательно хочется отметить (говоря официальным языком протокола), что Владимир Алексеевич внес большой вклад в развитие археологии Камско-Вятского междуречья, поскольку большинство организационных вопросов быта археологических экспедиций ложилось на его плечи. И ему надо было накопить определённый опыт, чтобы позже последующие поколения, в том числе и я, смогли использовать его при организациях своих экспедиций. Научный энтузиазм Р.Д.Голдиной, Т.М.Гусенцовой, активная деятельность В.А.Кананина, обеспечили отличную организационную полевую работу Камско-Вятской экспедиции в первые годы её существования, обусловили активное массовое

накопление археологических источников, позволивших археологам УдГУ - преподавателям, научным сотрудникам, студентам выполнить свои научные исследования на должном профессиональном уровне.

Тема диссертации В.А.Кананина «Памятники верховьев р.Камы в эпоху средневековья – западный вариант ломоватовской и родановской культур» защищённая в диссертационном совете Института археологии Академии наук, в Москве в 1985 г. написана не по публикациям, не на основе чужих материалов, добытых «потом и кровью» в экспедициях другими коллегами, не по принципу «с миру по нитке - бедному на рубаху». В основе его научной работы лежат материалы, полученные им самим в процессе собственных археологических работ, проходивших, в прямом смысле, и в жару, и в снег. На Верхней Каме, где проводились археологические работы, нередко и в июне и даже во второй половине августа идёт снег. Я до сих пор помню жуткий холод ночей в Аверино, дождь пополам со снегом и как застывшую землю на раскопе отогревали и сушили кострами, чтобы можно было копать дальше. В таких сложных погодных условиях порой шло изучение интереснейших средневековых памятников слабо изученного района Верхнего Прикамья.

Под руководством Владимира Алексеевича постигали азы методики научных полевых исследований на памятниках Верхней Камы многие коллеги по кафедре, одна из которых - Е.М.Черных, продолжила совместно с ним раскопки объектов данного района.

Надо отметить, что практически все первые студенты - археологи постигали премудрости полевых раскопок, методику исследования древних памятников под началом В.А.Кананина на Агафоновских и Аверинских могильниках, поселении Моторки II, жертвенном месте Чумойтло и других, поскольку В.А.Кананин занимал должность заместителя начальника экспедиции по науке. Он обучал «зелёных» археологов методике и был весьма строгим учителем.

В статье Р.Д.Голдиной «Основные итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции за 1973-1975 гг.»¹ и другой совместной работе с Е.М.Черных² приводятся данные по всем полевым работам археологов УдГУ. В публикациях отражен весомый вклад в развитие полевых исследований В.А.Кананина.

¹ Голдина Р.Д. Основные итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции за 1973-1975 гг. // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977, с.10-45.

² Голдина Р.Д., Черных Е.М. Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции в 1976-1980 гг. // Новые источники по древней истории Приуралья. Ижевск, 1985, с.54-110.

В совместной монографии Р.Д.Голдиной и В.А.Кананина «Средневековые памятники верховьев р. Камы»³ опубликованы материалы интереснейших средневековых памятников, позволившие изучить новую страницу в археологии Прикамья: выяснить хронологию средневековых древностей, дать этническую и хозяйственную характеристику древнего населения Верхокамья. Эти материалы – результат кропотливых полевых археологических исследований.

Значительные полевые раскопки проведены под руководством В.А.Кананина на городище Шудья-кар (1976 г.) Русиновском I селище (1977 г., 1980 г.), Русиновском могильнике (1977-1978 гг.), Васиневском могильнике, Щукинском II селище, Щукинском могильнике, Аверинском II могильнике (1978 г.), Русиновском II селище (1980 г.), Горд-Кушетском I селище (1980 г.) и других памятниках.

В.А.Кананин хороший «разведчик», им открыто значительное число новых археологических памятников в Прикамье.

Необходимо отметить, что в советскую эпоху археологического энтузиазма и коллективного характера работ многие памятники, в раскопках которых принимал самое активное и непосредственное участие юбиляр, или открытые впервые им археологические объекты, идут по отчётам других авторов и эта страница его деятельности остаётся пока не раскрытой.

Полевые археологические материалы и материалы тех объектов, на которых В.А.Кананин принимал участие как заместитель начальника КВАЭ по науке и административно-хозяйственной работе, составили важную источниковую базу для написания курсовых и дипломных студенческих работ, а позже и подготовки диссертаций на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Важно, чтобы начинающие археологи не забывали, что в основе их научных работ лежат источники - материалы старших коллег, полученные в результате нелёгкого труда археолога-полевого.

Итоги полевых и научных работ В.А.Кананина отражены в материалах конференций регионального, российского и международного уровня, опубликовано большое количество научных статей.

Я помню совместные поездки в Европу, на научные симпозиумы в Венгрию, Финляндию. В.А.Кананин был и на раскопках в Австрии. Первые выезды археологов за рубеж – это целое событие: у нас вот так, а у них как? И вывод - всех археологов УдГУ - у нас не хуже, а порой даже и лучше. При всем том, что у них и техника, и бытовой комфорт с горячей

³ Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев р. Камы». Свердловск, Издательство Уральского университета, 1989. 216 с.

водицей после пыльной работы. А в плане методики – мы на европейском уровне и это отрадно. В этом тоже есть и заслуга В.А.Кананина.

Хочется поблагодарить юбиляра за то, что во всех экспедициях, где мы были вместе, он показывал пример хорошего руководителя, умеющего организовать как сами научные раскопки, так и наладить хозяйственный быт экспедиции. Я помню, как в Моторках он учил нас разбивать квадраты раскопа, и в ушах звенело - «3х3, диагональ 4,25»; с тех пор квадраты у меня всегда были идеальные.

В дальнейшем, в период организации своих полевых работ, я часто обращалась к экспедиционному опыту В.А.Кананина. Стало ясно, что для руководителя археологической экспедиции сутки имеют три части. Первая часть: день – работа на раскопе, которую надо организовать. Вторая часть - вечер – это организованный отдых, который надо также продумать. Третья часть – ночь – и задача обеспечить безопасность участников экспедиции от вторжения не прошенных вечерних и ночных гостей (которых во все времена хватает) в археологический лагерь. Так что, работа руководителя археологической экспедиции, археологического отряда ненормированная, круглосуточная, все 24 часа. Надо иметь здоровье, выдержку, стойкость и организаторский талант, чтобы годами работать в таком напряженном ритме. Всё это есть у Владимира Алексеевича. Наверное, я не ошибусь, если скажу, что экспедиция стала частью его жизни, талант руководителя – это оттуда.

Начавшаяся экономическая, социальная и политическая неразбериха начала и середины 90-х гг. XX в. оказали влияние и на состояние археологических исследований. Государству стало не до археологии, спасать объекты археологии от разрушения уже ни кто не спешил, сразу забыли о культурно-историческом наследии. В стране начался делёж «финансового пирога», стратегических ресурсных источников. Высшее образование и наука оказались за бортом значимости в общественной жизни страны.

Но зато были открыты «ворота» для развития рыночных отношений и в высшей школе. Руководством Удмуртского госуниверситета было принято решение развивать платные формы обучения, создавать новые структурные подразделения УдГУ в других городах, расширять образовательное пространство университета. Именно за счёт платных форм подготовки выживали в этих трудных условиях преподаватели и научные сотрудники университета.

Следующий этап моей совместной работы с В.А.Кананиным связан именно с организацией (в рыночных условиях) обучения студентов по специальности среднего профессионального образования «Делопроизводство и архивоведение» по заказу Центра занятости УР, а

также высшего профессионального образования по специальности «История» по сокращенным формам в структурных подразделениях вуза, расположенных в городах Чайковский, Сарапул, Можга.

Сколько здесь было проблем, организационных трудностей! Практически это была работа без летних отпусков с постоянными командировками в эти города для решения вопросов. Летний период набора студентов и решения организационного обеспечения был самым важным. Но и в процессе обучения возникало много различных организационных вопросов, решать которые надо было оперативно и профессионально. Так что дремать было некогда. Это был «айсберг» проблем, масштабы которого были невидимы для большинства коллег.

Расширение контингента приёма студентов (за счёт студентов, обучающихся в территориально удалённых структурных подразделениях университета) по специальности «История» на специализацию «Историческое краеведение и музееведение», открытую руководством кафедры ранее стратегически очень правильно, позволило расширить и развить краеведческие исследования удмуртского региона.

Сейчас настало время подводить итоги подготовки специалистов, разбирающихся в вопросах исторического краеведения. В 2006-07 гг. состоялся последний выпуск студентов (сокращенной формы обучения) специализации «Историческое краеведение и музееведение». Сейчас ее выпускники работают в разных районах Удмуртии. Специалистов-краеведов стало намного больше в республике, в этом есть заслуга и нашей совместной работы с В.А.Кананиным (пишу об этом без лишней скромности).

Я хочу отметить работу Владимира Алексеевича по открытию новых специальностей высшего профессионального образования на историческом факультете и подготовке специалистов по специальностям «Регионоведение» и «Международные отношения». Тогда, когда он приходил за советом, как решить часть организационных вопросов по открытию этих специальностей, я была рада помочь и помогала, как могла. Отрадно, что сейчас студенты этих специальностей становятся победителями международных студенческих конкурсов и в прошедшем году были приглашены во Францию, с проектом деятельности ООН.

Интересны совместные начинания по развитию довузовского дополнительного образования по организации школы международных отношений «Дипломатия», эти первые шаги уже были отмечены на уровне городской администрации Ижевска.

Необходимо отметить, что поле деятельности В.А.Кананина разнообразно: археолог, преподаватель, руководитель структурных подразделений университета. Но в какой бы должности он ни работал,

присущая ему скромность руководителя всегда видна. Нет в нем популизма, саморекламы и многие даже не подозревают, насколько насыщенной и разноплановой была и есть вся деятельность этого человека.

За годы совместной работы с Владимиром Алексеевичем, я убедилась, что когда есть интерес развития совместных проектов, решения поставленных задач, уважение мнения коллег и оппонентов, то и дела решаются быстрее и результативнее. Взаимная поддержка советом и практической помощью в работе и просто в жизни имеют большое значение.

В своих зарисовках прошедших лет, я не ставила задачу осветить все грани деятельности В.А.Кананина. Хотелось представить наиболее ярко запомнившиеся события, которые характеризуют юбиляра. Хотя о каждом из коллег археологов по кафедре и Камско-Вятской экспедиции можно написать добротную книгу серии под названием «Археология. Археолог. О том, как это было и будет».

Карьера В.А.Кананина имела и взлёты и ошибки субъективного и объективного характера. Жизнь, она как зебра, – полосатая. Философы утверждают, что человек, на то он и человек, – что может и ему позволено ошибаться.

Одно могу сказать точно, Владимир Алексеевич – человек добрый, не злопамятный, скромный, ответственный, не жадный до денег, славы и власти. Он может извиниться, если не прав; уважает мнение и позиции коллег. С ним легко работать.

С юбилеем Вас, Владимир Алексеевич!

Здоровья, счастья и благополучия, больших творческих планов, надежной поддержки коллег!

**Бауэр Т., Зевакина Г.,
выпускницы исторического
факультета УдГУ**

Кумир

1970 год. Мы, девчонки-студентки исторического факультета УГПИ, приехали на юг Удмуртии. Около Ныргынды и Быргынды, на берегах Камы, проходила наша археологическая практика.

Экспедицией руководили старшекурсники из славного города Свердловска. Владимир Кананин был одним из сахемов.

Сероглаз, статен да хорош! Ослепительная, обаятельная улыбка! Как сейчас, стоит он перед глазами на поляне, залитой солнцем. Кумир девчонок. Загорелый парень с фигурой легкоатлета, в красных спортивных трусах, с гитарой на перевес, дарящий нам в ночи звездные романтические песни:

«Милая, хорошая девчонка,
Все, что хочешь, я тебе дарю,
Ну и пусть, что это громко -
Хочешь - подарю тебе зарю.
Не грусти ты понапрасну.
Не грусти ты без меня.
Главное, что на душе прекрасно,
Что я люблю тебя, а ты меня...»

И каждая, тайком в него влюбленная, надеялась, что песня звучит именно для неё.

Каким он был, таким и остался... И, как в те давние времена, под звуки его гитары, хочется спеть ему:

«И нисколько мы с тобой не постарели,
Только головы немного поседели.
Отшумят и отпоют свое метели,
Снова будет, будет снова звон капли».
Девчонки 70- х.

Макаров Л.Д.,
д.и.н., с.н.с. Института истории
и культуры народов Приуралья УдГУ,
Макарова (Кислякова) И.В.,
к. пед. н., доцент кафедры воспитания
и дополнительного образования
Института повышения квалификации

Дело было в Агафоново

Агафоновские могильники – самые первые и самые, пожалуй, любимые археологические памятники Камско-Вятской экспедиции, особенно для ее ветеранов. С них начались стационарные раскопки археологов Удмуртского университета.

Впервые мы прибыли в Агафоново летом 1973 г. Все наше «барахло» было погружено на грузовик с тентом, и небольшой отряд из 9 человек во главе с В.А.Кананиным, отправился в дальний путь. Впереди было более 600 километров нелегкой дороги. Дороги в России - всегда проблема, а 35 лет назад асфальт встречался лишь местами. Но для молодых романтиков - это не было поводом для уныния. Зато нашему шоферу приходилось туго. Поэтому Владимир Алексеевич брал на себя особую миссию – развлекать водителя, дабы он не уснул за рулем и не так сильно ругался на ухабы да рытвины. Из кабины слышались то песни, то анекдоты, то рассказы из жизни начинающих археологов. Мы были очарованы бардовскими песнями, которые впервые услышали именно в исполнении Володи. С тех пор его исполнение, теперь всем хорошо известных песен стало для нас единственным критерием правильного пения.

Прибыв на место, начали обустриваться. Лагерь, который нам предстояло «построить», должен был походить на полноценный научно-исследовательский институт в полевых условиях. Первокласные, и по нынешним временам, палатки, состоящие из «предбанника» и спального отсека, фотолаборатория, камеральный и хозяйственный блоки, волейбольная площадка и место для костра – все это было установлено нами под руководством нашего бывалого вожака. Начальник экспедиции, Римма Дмитриевна Голдина, всецело доверяла своему любимому ученику это весьма непростое дело. Его школа установки лагеря экспедиции стала в дальнейшем ориентиром для проведения наших будущих самостоятельных работ.

Наконец, приехал основной народ во главе с Риммой Дмитриевной. Сейчас вспоминается, что многие вовсе не были студентами-практикантами с первого-второго курсов исторического факультета, а являлись поклонниками и поклонницами театрального, вокального и

многих других талантов Владимира Алексеевича. Своим обаянием он легко покорял сердца девушек. Его галантность, легкая ирония и веселый нрав служили примером общения и для сильной половины археологического братства.

Начались для нас «сахемские» будни. Благоговая перед «дедом», мы (Галя Анонова, Равиль Кабиров, Ирина Данилина, Люся Сенникова, Надя Леконцева, Надя Канкасова, Лёня Макаров, Света Киселева) расположились у подножия отвала на Агафоновском II могильнике. С тросточкой в руках Володя проводил инструктаж по методике раскопок этого памятника. Вдруг он вспомнил, что во время прошлогодних раскопок здесь был потерян большой железный топор из могилы. При этом он с досадой воткнул свою трость в отвал и вывернул ею пласт земли. «А вот и он», - последовала его реплика, и мы с удивлением и восторгом уставились на показавшийся из земли железный предмет. Неужели это он? Действительно, это был тот самый потерянный топор!

Инструктаж он проводил рассудительно и терпеливо, с большим знанием дела. Лопата в его руках была изящным инструментом, позволявшим буквально по миллиметру снимать культурные напластования, скрывавшие в себе свидетельства прошедших веков.

Каждый «сахем» получал в своё распоряжение часть раскопа и несколько «негров». «Неграми» назывались студенты-первокурсники, прибывшие для прохождения археологической практики. Их нелегкая работа под жарким пермским солнцем или морозящим дождем, приправленная атаками крылатых паразитов, скрашивалась десятиминутными перерывами, во время которых ветераны пели песни и рассказывали байки из жизни археологов. Около Кананина всегда собиралась большая оживленная толпа, с жадностью ловившая каждое его слово, ибо рассказчиком он всегда был великолепным, одно слово – артист! Не удивительно, что он притягивал к себе натуры артистические, многие из которых составили впоследствии костяк прославленного СТЭМа исторического факультета! Этот его талант особенно ярко проявлялся у вечернего костра. Костер – это самое романтическое время в экспедиции. Гитара – неперменный атрибут археолога. Кананин владеет гитарой просто виртуозно. Каждый вечер в экспедиции с ним – это незабываемый концерт. Многие, кто начал свою музыкальную карьеру в экспедиции, во многом подражали ему и его другу Александру Васильевичу Прокопову, не только в выборе репертуара, но и в манере исполнения.

Владимир Алексеевич – неперменный режиссер всех традиционных археологических праздников, таких как открытие лагеря, посвящение новичков и День археолога, который отмечается ежегодно всем

русским археологическим сообществом 14 августа. Открытие лагеря всегда сопровождалось общей линейкой, торжественным поднятием флага и пением гимна. Нередко это торжество сопровождалось посвящением новобранцев в археологи, и тут уж Володиной фантазии не было предела! Чего только он не придумывал для того, чтобы этот день запомнился всем на долгие годы. Причем режиссура таких праздников никогда не повторялась. Яркая эмоциональность экспедиционного досуга всегда была гарантией привлечения в ряды КВАЭ все новых молодых романтиков.

В связи с этим вспоминается агафоновский сезон 1974 г. Тогда экспедиционный лагерь, развернутый по всем правилам полевой науки и практики, действительно представлял собой настоящий исследовательский центр. В своей фотолаборатории «колдовал» Владимир Петрович Зезянов – криминалист, фотограф и художник в одном лице. Однажды при помощи топора из ствола дерева он вырезал прекрасную статую языческого бога с ликом старца, которая до сих пор хранится в фондах университетского археологического музея, как воспоминание о тех прекрасных временах. Вместе с Зезяновым Володя Кананин разработал сценарий очередного посвящения, куда входил обряд испытания неофитов. Им предстояло по очереди в темноте пересечь поляну, на которой они неожиданно встречались с ожившим скелетом (предполагалось, что это скелет из раскопанной могилы). Он был сооружен В.П.Зезяновым из ошкуренных веток рябины и раскрашенных кусков пенопласта на месте черепа и таза. Скелет передвигался также под руководством своего автора. «Покойник» бежал, размахивая руками, и реально намеревался напасть на свою жертву. Эффект был потрясающий и сопровождался, как правило, воплями и визгом. Об этой затее знали, кажется, всего 4 человека (Кананин, Зезянов и авторы этих строк). Все, включая и Римму Дмитриевну, недоумевали, что же там происходит с новичками, особенно с девушками. Реакция парней была не столь эмоциональной, однако и они заметно бледнели. Эффект неожиданности достигался благодаря действиям Владимира Алексеевича, который ласково и обворожительно «проводил» студентов через страшную поляну. Не только в этом эпизоде, но и во всем празднике посвящения всецело проявился артистический и режиссерский талант Кананина.

Еще один случай, связанный с Агафоново-1974 глубоко запал в нашу память. О нем вспоминает и Римма Дмитриевна в своей книге «Силуэты растаявших веков»⁴. Благодаря этому, история стала известна далеко за пределами Ижевска и Урало-Поволжского региона. Дело было поздней

⁴ Голдина Р.Д. Силуэты растаявших веков. Ижевск, 1996. С.124.

ночью, когда отряд «квартирмейстеров» прибыл в Агафоново для обустройство лагеря. Как обычно, расположились у костра, поужинали самым любимым в экспедиции блюдом – макаронами с тушенкой. Для «сугреву» достали стратегический запас – канистру со спиртом (этого спирта – примерно 5 литров - должно было хватить на весь месяц и даже более). «Старики» взяли в руки гитары, а самой молодой, Ирине Кисляковой, было поручено вымыть посуду, за что она взялась со всей ответственностью. В ряду нескольких 10-литровых канистр, вначале была обнаружена полупустая – жидкость из нее перекачивалась в таз для мытья посуды и была разбавлена горячей водой из котелка, что висел над костром. К моменту завершения процедуры мытья посуды, было решено еще раз «согреться» перед сном. Начались поиски соответствующей канистры. Сначала при помощи рук – она должна была быть полнее остальных, а затем при помощи носа. В конце концов, для проверки не осталось ни одной канистры, кроме пустой. Можно понять, что испытал Владимир Алексеевич когда сунул нос в пустую канистру. Не издав ни крика, ни мата, он начал следствие, которое привело его к тазу, где были вымыты тарелки. Извлечь оттуда спирт уже не было никакой возможности. Вот здесь-то и проявились, в полную меру, самообладание и такт нашего молодого руководителя! А виновница сама уже готова была провалиться сквозь землю. Но факт был принят как уже свершившийся и первокурсница не была подвергнута никаким экзекуциям. Зато с тех пор не было таких профессиональных «тусовок», где при случае не ссылались бы на этот эпизод.

Конечно, Кананин – это не только яркая личность, но и профессионал высокого уровня. Его исследования археологических памятников всегда были чрезвычайно тщательными. Его отличали скрупулезная расчистка и фиксация находок, абсолютно соответствующая степени сохранности объектов и особенностям грунта. Качественно проводились им и камеральные исследования, что позволяло «извлечь из небытия» первоклассные вещественные источники, характеризующие древнюю историю Прикамья.

С юбилеем, Владимир Алексеевич, дорогой наш коллега и друг! Пусть воплотятся в действительности все твои задумки и мечты! Здоровья тебе и счастья на долгие годы.

Дерендяев С.С.,
зав.библиотекой гуманитарного лицея №44
г.Ижевска

Лойко Зобар^{*}

Князь

К вам, форумные импровизаторы, к вашей пылкой фантазии и доброму сердцу, обращаюсь я за помощью. Есть у меня старинный приятель, достигший юбилейного возраста. Надобна песнь в его честь. Я бы и в одиночку ее сложил (с помощью Степана, разумеется), но Владимир Кананин (а именно так звать моего приятеля) большой любитель полифоничных творческих процессов, и чем многоголоснее будет песнь, тем приятнее будет юбиляру.

Теперь о метафоре. Это должна быть песнь про Лойко Зобара. У всех, кто знал Владимира Кананина в те молодецкие годы, что принято считать лучшими, непременно при упоминании Лойко Зобара всплывает в памяти не фильм «Табор уходит в небо», а Кананин. Столько себя вложил Владимир Алексеевич в этот сценический образ, что вот такое виртуальное единство возникло.

Приглашаю участвовать в сложении песни и тех счастливых, кому выпало знать обоих, и Владимира Кананина, и Лойко Зобара, и тех, кому повезло на порядок меньше, т.е. они знакомы лишь с Лойко Зобаром. Спасибо.

М. Чудра

Был на свете Зобар, молодой цыган, Лойко Зобар. Вся Венгрия, и Чехия, и Славония, и все, что кругом моря, знало его, - удалый был малый! Не было по тем краям деревни, в которой бы пяток-другой жителей не давал богу клятвы убить Лойко, а он себе жил, и уж коли ему понравился конь, так хоть полк солдат поставь сторожить того коня - все равно Зобар на нем гарцевать станет! Эге! разве он кого боялся? Да приди к нему сатана со всей своей свитой, так он бы, коли б не пустил в него ножа, то наверно бы крепко поругался, а что чертям подарил бы по пинку в рыла - это уж как раз! И все таборы его знали или слышали о нем. Он любил только коней и ничего больше, и то недолго - поездит, да и продаст, а деньги, кто хочет, тот и возьми. У него не было заветного -

^{*} Коллективная импровизация на gly.ru/forum. Модератор: С.Дерендяев

нужно тебе его сердце, он сам бы вырвал его из груди, да тебе и отдал,
только бы тебе от того хорошо было. Вот он какой был, сокол!

Князь

Ладно, разминку пора оканчивать. Итак, героическая походная песнь с
соответствующим ритмическим рисунком и настроением.

Куда ты скачешь,
Лойко Зобар,
сверкая глазом,
Лойко Зобар?
Ведь утром был
совсем никакой,
а нынче вон что,
вон что
сделалось с тобой!

Зобар

Я видел звёзды
там, господи!
Они позвали
чёрт-те куда,
и востепенулся
мой организм,
И проявился
комсо-
мольский романтизм!

Радда

(вариант:)
И засветился
твой
немеркнущий харизм.

Поручик Голицын

Ах, черт ты, Зобар!
Цыган разудал,
Коня ты украл,
Обуздal
Белого, строптивного,
Оседлал

И к Радде, веселой и нежной
Поскакал!
Как вино, в голову любовь ударила,
Ох, Радда, Раддушка
Конем правила!

Поручик Ржевский

Голицын! Ваш куплет под гусли петь, а князь определил жанр как
героическую походную песнь, т.е. под духовой оркестр!

Поручик Голицын

Замучали маршами
Тамбур-мажоры и маршалы,
Мне кажется, что Зобара
Должна воспевать гитара!

Князь

Пусть воспевает под гитару. Мы его под холодные закуски пустим.

Конь

Была глухая
ночь на дворе,
воткнулся сторож
мордой в пюре.
И тут подкрался
Лойко Зобар.
И вот уж скачет,
скачет
славный юбиляр!

Корнет

Когда холодные закуски
нарушат всю взаимосвязь,
Голицын наш берет гитару -
и нить мелодии свилась.
И замолчат кавалергарды -
печать блаженства на челе.
Не обещайте деве юной
любви вечной на земле...

Цыгане и славяне

Ах, Радда, она,
Свела всех с ума!
Да будет солнце,
Да будет ветер,
Да будем мы с тобой всегда!

Конь

а-а-блака! белогривые лошадки!
а-а-блака! что вы мчитесь без оглядки?

Белогривые лошадки

Чуем, ржёт наш предводитель!
Снова на свободе он.
Ты ль его освободитель?
Выдь, Зобар, на подиум!

Славяне и цыгане

Эй, Зобар! Суперстар!
Лойко ты Лойко ты Занзибар!

Сторож

Просыпаюсь давеча - ужасный макмыр,
Голова дубовая, на морде гарнир.
Выхожу в конюшню — блин! исчез производитель!
И ежу понятно, кто его освободитель!
Эй, Зобар! Суперстар!
Лойко ты Лойко ты Занзибар!

Радда

Every time I look at you, Максим шебутной,
я не понимаю, что ж ты Горький такой!
Согласись, ты принял неуместный solution
и запрограммировал большую революшн!
Будь же человеком, Горький, измени график!
Выбрось поножовщину ты на фиг, на фиг, на фиг!
Ведь и Лойко вырулил бы очень галантно,
Кабы была Радда хоть немного толерантна!
Эй, Зобар! Суперстар!
Лойко ты Лойко ты Занзибар!

Максим Горький

Ладно, дело прошлое. Скажу не тая,
никуда не денешься - как все, так и я.
Да, не различил, где красота, где красивость.
Так ведь вся эпоха проверялась на вшивость.
Может, не во всем я тогда разобрался,
но я жил, я чувствовал и все-таки старался.
Эй, Зобар! Суперстар!
Лойко ты Лойко ты Занзибар!

Князь

Ты видишь звёзды,
Лойко Зобар,
сверкаешь глазом,
Лойко Зобар!
Пусть будут солнце,
ветер и высь!
Пусть будет Радда,
Радда!
Сердце, закружись!

Микрюкова.С. М.,
к.пед. наук, доцент
кафедры социальной работы УдГУ

Как молоды мы были...

Владимир Алексеевич Кананин – это целая эпоха - эпоха студенческих 70-х годов, и, как это ни непривычно, уже прошедшего века. Это время беззаботной юности, время поездок в археологические экспедиции, время ночных костров и песен под гитару до самого утра.

Сейчас уже не помню, как и при каких обстоятельствах я в первый раз увидела Кананина. Его появление в университете для меня раз и навсегда связано с Риммой Дмитриевной Голдиной. Приезд в город Ижевск Риммы Дмитриевны и её команды, в которую входил Кананин, на мой взгляд, внесло свежую струю в академическую жизнь университета. У Риммы Дмитриевны был совершенно новый, демократический стиль общения со студентами, который в то время не поощрялся. Молодая преподавательница, которая с воодушевлением читала лекции по археологии, много шутила, очень быстро завоевала любовь и уважение студентов.

Вокруг Риммы Дмитриевны образовался коллектив студентов боготворивших ее, а вместе с ней и всё её окружение единомышленников, в число которых входил и Кананин.

Новость о том, что мы летом после первого курса исторического факультета поедем на археологическую практику, наполнило наши сердца восторгом. Многие из первокурсников впервые отрывались от дома, от родителей, и это делало их значимыми в собственных глазах. Я была постарше своих сокурсников, но и для меня впереди маячило что-то новое и неизведанное. Поэтому, мы как бы изначально были готовы к той новизне, которая ждала нас впереди.

И это новое, романтическое было связано с именем Владимира Алексеевича Кананина.

Первая археологическая экспедиция, полевые условия, удаленность от дома, для многих студентов стало своеобразной вехой отсчета их дальнейшей жизни, жизни, связанной с наукой. И немаловажную роль в этом сыграл Владимир Алексеевич Кананин.

Тяжёлый дневной труд в экспедиции не делал студентов нытиками. Они знали, что вечером будет отдых, будет костер, будут песни, и в центре этого – Кананин. Это предчувствие праздника делало труд на раскопках не тягостным, а интересным. Каждый из студентов ощущал себя пионером, который открывает для себя новое. Каждый квадрат

раскопа таил в себе неизвестность, прикосновение к тайне, которая может быть им самим открыта. Каждая находка на раскопе вызывала всеобщую бурю восторга.

Руководитель экспедиции Римма Дмитриевна сумела создать у студентов желание работать, несмотря на погодные условия. И немаловажная роль в этом принадлежала и Владимиру Алексеевичу. Юмор, который всегда присутствовал у него, помогал студентам переносить трудности походной жизни. В любой ситуации он мог найти положительный момент. Сейчас это целая наука – позитивная психотерапия.

Кумир студентов Кананин создал своеобразный мир – мир сотворчества. Студенческий театр, который он долгое время возглавлял, делал жизнь на историческом факультете настолько интересной, своеобразной, чего не было на других факультетах.

Время диспутов на его лекциях, когда студенты могли свободно высказывать свою точку зрения, иногда кардинально не совпадавшей с официальной, порождало свободомыслие, которое тогда, мягко говоря, не приветствовалось.

Желанию иметь свою точку зрения и отстаивать её на семинарских занятиях у Владимира Алексеевича, скорее всего, способствовал тот факт, что временный разрыв в возрасте студентов и преподавателя не был столь значительным. Этот фактор как бы приближал студента к тому пьедесталу, на котором для нас всегда был преподаватель.

Желание походить на своего кумира не только внутренне, но и внешне, сподвигло многих студентов к тому, что они стали обучаться игре на гитаре и благополучно с этим справились. Даже манера повторять определённую фразу дважды была взята на вооружение.

Сейчас, по истечении стольких лет, когда происходили эти события, и которые остались в памяти как лучшее время в общей жизненной протяженности, хочется произнести слова благодарности той эпохе, которая нас взрастила, слова благодарности тем людям, которые, так или иначе, повлияли на наши судьбы. Для меня это, прежде всего, мой первый учитель в Храме науки – Римма Дмитриевна Голдина и Владимир Алексеевич Кананин, которые были и остаются вдохновителями и кумирами студентов исторического факультета

Фонарев А.В.,
начальник отдела связей с общественностью
ОАО «Волгателеком», г.Ижевск

Из студенческих лет

С Владимиром Алексеевичем Кананиным я познакомился в 1973 г., будучи студентом первого курса факультета романо-германской филологии Удмуртского университета. Правда, к нашему факультету Владимир Алексеевич никакого отношения не имел. Просто, я активно участвовал в студенческой самодеятельности, и однажды знакомые студентки с истфака не без гордости рассказали мне, что у них на факультете создается студенческий театр эстрадных миниатюр - СТЭМ. В этом, в общем-то, ничего необычного не было, СТЭМы тогда были явлением популярным и даже модным. КВНы-то ведь уже запретили, вот и хлынул студенческий энтузиазм в новую форму реализации. Но историки заявили, что их СТЭМ будет самым лучшим в университете, потому что руководит им Владимир Алексеевич Кананин (!!).

Тогда это имя мне абсолютно ни о чем не говорило, но друзья историки так увлеченно говорили о своем руководителе, что я пришел посмотреть... и остался. Остался именно потому, что познакомился с Кананиным. И уж не знаю, каким получился в конце концов наш СТЭМ, но на репетиции мы ходили с желанием и несколько спектаклей под руководством Владимира Алексеевича были поставлены и сыграны. После одного из таких спектаклей один из преподавателей университета Николай Николаевич Энгвер сказал: «Сейчас, когда даже в некоторые профессиональные театры зритель идет, только если в театральном буфете есть пиво, удивительно и приятно видеть на спектакле студенческого театра полный зал». Это было правдой – зал, действительно, был полным.

А еще он сказал, что, конечно, играют пока все плохо, кроме Кананина, которого с желанием бы взяли в свою труппу многие из профессиональных театров. Наверное, и в этом Николай Николаевич был прав - Кананин всегда был артистичен, но это не выглядело пошлым, не портило впечатления, а наоборот, придавало ему некоторый загадочный шарм, неизменно обращало на себя внимание студентов. Да и не только студентов, наверное...

...И все-таки, по-настоящему я узнал Владимира Алексеевича Кананина и сдружился с ним в Камско-Вятской археологической экспедиции. А поехал я туда с историками опять же потому, что там был

Кананин. И я точно знаю, что не только я, но и многие другие студенты ездили в экспедицию, по большому счету, по той же причине.

Я хорошо помню свой первый экспедиционный день – я проклинал все на свете и самого себя за то, что приехал в эту чертову экспедицию. Мне ничего не хотелось кроме одного – зашвырнуть подальше свою лопату и поскорее убраться отсюда. А причиной было то, что меня и еще двоих ребят покрепче поставили на раскопки старого отвала. Это была огромная куча земли, пролежавшая на одном месте несколько лет, плотно слежавшаяся и уже поросшая травой. Ее нужно было ПРОСТО ПЕРЕКИДАТЬ лопатой метров на 10, т.к. она закрывала часть могильника, на раскопки которого экспедиция и приехала. В общем, до обеда я честно пахал в качестве то ли экскаватора, то ли бульдозера, но к середине дня твердо решил, я не раб, надо делать ноги, если я не хочу их просто протянуть на этой каторге. А тут еще этот хмырь фланирует по раскопу как пизон – в белой кепочке, на плечи накинута незастегнутая белая рубашка, с сигареткой в мундштуке и с тросточкой!..

Но ноги я не сделал, никуда не сбежал, а наоборот, ежегодно и добровольно на протяжении нескольких лет проводил летние месяцы в археологической экспедиции. А все мои, мягко говоря, чертыхания, ненависть к лопате и усталость стали быстро улечиваться после того, как в тот же первый день Кананин сел на один из отвалов со своей гитарой и, кажется, приготовился петь (?!). Правда, сначала при виде этого в голове у меня мелькнуло что-то вроде: «Вот гад! Мы тут пашем, а он, видите ли...» Все! Это была моя последняя недобрая мысль по отношению к экспедиции, к Кананину и к моей экспедиционной лопате.

И теперь я точно знаю, что своими песнями прямо на раскопе и у ночного костра Кананин не только снимал с нас усталость и раздражение, он делал большое дело для науки. Мне кажется, некоторые участники тех экспедиций, может быть, и ездили-то в них за этой романтикой, за песнями у ночного костра, а в результате стали настоящими археологами или, по крайней мере, честно работали на раскопе и не стонали. И многие до сих пор вспоминают то время как самое счастливое.

Среди разных талантов Владимира Алексеевича Кананина самым главным и ценным я считаю умение располагать к себе людей. А, расположив их к себе, ему всегда удавалось расположить их к общему делу. Даже к очень непростому.

Кабилов Р.Г.,
к.э.н., доцент
Глазовского филиала ИжГТУ

Вопросы Владимиру Алексеевичу Кананину от неизвестного автора через 35 лет

- Говорили ли Вам, Владимир Алексеевич, как звучала Ваша гитара 35 лет назад?

Если говорили, что звучала она звонко, насыщенно, как и подобает шестиструнной, то они были неправы...

Ваша гитара рассказывала. В темной ночи экспедиции при свете костра она несла представление. Это был театр песни!

- Вспоминал ли кто-нибудь, Владимир Алексеевич, о Вашей лекции в Агафонове, когда, сидя на вершине отвала, Вы вещали о находках, затерянных в отвальной пыли? В частности о топоре, который кстати тут же и оказался под Вашей пяткой?!

- Помнит ли кто-нибудь, Владимир Алексеевич, Ваши байки? О посещениях чуть ли не двадцати раз одного и того же фильма, чтобы запомнить и снова услышать понравившуюся песню? О мае какого-то года, когда ночью бывал дождь, а днем светило солнышко? О грозном и возмущенном окрике: "Что ты делаешь?!" Когда Вы пришли домой и положили ключи на полку?

(Это по радио шла постановка).

- Напоминали ли Вам, Владимир Алексеевич, о двойке по истории Азии и Африки? За спрятанный драгоценный (не побоюсь этого слова - обтрепанный) для Вас портфель? О том, как потом Вы либерально перепринима́ли экзамен на подоконнике в коридоре общежития? И просили никому об этом не говорить?

- Делился ли кто-нибудь, Владимир Алексеевич, впечатлениями о Ваших лекциях по истории Азии и Африки? Они были сжаты, емки! Да мы до сих пор дружим с этими джоу-ляу из династии Цин!

- Спрашивали ли Вас, Владимир Алексеевич, о том, а можно ли было тогда, 35 лет назад, Вас, такого могущественного, обмануть?

Отвечаю - можно! Помните, приехавших из Мултана в Пек-Жикью?

Так встречали - азимут пробежать, костер в три счета зажечь, только тогда

обещали выпивку и закуску!

Костер в три счета зажечь - это просто! Пять спичек из коробка, впридачу

выдираем селитру! И готово - полыхает!

Ловкость рук - радостно, но еще радостней видеть Ваши удивленные глаза!

- А помните, божественное - "Ветры спать ушли с золотой зарей...",
Мертвая тишина зала и ..."только капельки серебряные каплют"...

...Эх, что же вы не пьете, дьяволы!

Булатова (Пивоварова) Н.А.,
учитель истории и обществознания
школы №87, г.Ижевск

Ура! Мы – студенты истфака!

Год 1974... Ура! Мы – студенты истфака! самого престижного, самого современного, самого умного и веселого факультета УдГУ!

Первые дни, первые знакомства, все внимание – нам первокурсникам. «Посвящение в историки» - самый главный праздник начинающих студентов. Вопросы ребят старших курсов заставили нас поверить, что мы здесь нужны: «Ну, как вам у нас на факультете?», «Таланты есть?», «Знаете, что такое СТЭМ?». И вдруг загадочное обещание: «На посвящении будет выступать КАНАНИН! Вы еще не знаете кто такой Кананин? Вот это да!»

Первая встреча нас просто ошеломила. Сцена ДК «Металлург» освещена ярко и загадочно. И вдруг... «Выступает Владимир Кананин!» Зал взорвался аплодисментами. На сцену вышел молодой высокий удивительно обаятельный мужчина в темно-синем костюме, сидевшем на нем безупречно. Большие голубые глаза улыбались нам и обещали что-то удивительное. Еще мгновение и в зале установилась необыкновенная тишина, в которой зазвучал завораживающий голос... Стены зала раздвинулись, заплескались волны о борт корабля и удивительная судьба Стеньки Разина – сильного могучего человека, лишенного любви, личного счастья, захватила нас. Голос звучал захлебываясь, плача: «Струги, струги...» и вдруг умолк.

Зал молчал и, казалось, не сможет прийти в себя никогда. И вдруг – прорвало... Шквал аплодисментов, приветственные крики студентов, скандирующих «Ка-на-нин! Ка-на-нин!» Мы, первокурсники, были потрясены. И когда Вы, Владимир Алексеевич, пришли к нам в аудиторию с предложением прийти на занятие СТЭМа, мы ринулись к нему чуть не всем курсом. Сколько было радости у нас – счастливыхчиков, кого приняли в этот студенческий театр! И вот мы уже на сцене (правда вторым составом) в миниатюре «Шесть разгневанных женщин». Какое наслаждение – мы удостоились похвалы не только старшекурсников Ирины Мелиховой, Славы Рогожникова, Валеры Шляфера, Наташи Бабушкиной, Вити Вострикова, но и Владимира Алексеевича. А наша знаменитая рок-опера «Злоумышленник» стала не просто номером художественной самодеятельности в конкурсе факультетов, а шагнула через время и пространство. Она живет на сцене школьных театров,

учительских агитбригад, выступающих на «Последнем звонке» выпускников. Помните?

- Денис Григорьев, вчера вы были пойманы со шпорой, так ли было дело?

- Чаво?

- (Хор) Сколько лет уж целым курсом пользуемся шпорами...

- А тут кака-така клизма?

- На то и образованные вы, чтоб понимать!

Мы жили на факультете: учились, пели, организовывали, репетировали и... выросли. Мы учились у Владимира Алексеевича налаживать отношения друг с другом, учились радоваться удачам и успехам других, учились главным жизненным принципам: быть честными во всем, согревать тех, кто поверил тебе: «Ты в ответе за тех, кого приручил». Ваш «Маленький принц» (конечно Экзюпери здесь тоже «приложил руку») – стал для нас еще одним открытием...

А какой восторг единения испытывали мы, готовясь к первой археологической экспедиции! К лету 1975 г. мы уже были не просто знакомы с предметом «Археология», а по уши влюблены в удивительную женщину Римму Дмитриевну Голдину, которая заворожала нас этой наукой и ее открытиями. Кабинет археологии – был тем островком дружбы, человечности, удивительных песен, искренности, совместных чаепитий и мы – 10 человек с курса - решили посвятить все студенческие годы специализации «археология». Люба Микрюкова, Володя Клюев, Саша Кудрин, Таня Лещева, Таня Пушкарева, Нина Чернова, Надя Пивоварова. Помните нас?

Первая практика в Моторках... Первые находки, первые вечера у костра с песнями-балладами под гитару Владимира Алексеевича «Москва златоглавая», «За удачу, господу мужики!», «Синильга», «Что же вы не пьете, дьяволы?» - были нам по душе. Курс наш оказался певучим, нам было легко и радостно. И все-таки больше всего мы любили слушать Вас, Владимир Алексеевич, когда каждая песня – как целая жизнь, судьба, где горе и счастье рядом, где вера в любовь, дружбу, честность – все по-настоящему. Спасибо Вам, Владимир Алексеевич!

А вы помните ураган в Моторках, когда шквал дождя, грозовых раскатов обрушился на нас, спящих в палатках, что вызвало у большинства из нас ужас и панику. Но как всегда в трудной ситуации Кананин – «на коне»: собранность, четкие команды, юмор, подтрунивание над нашим растерянным видом – все это привело нас в чувство, успокоило, заставило посмотреть каждого на себя со стороны. Именно там, в Моторках, он окрестил нас «курицами», так родился «курятник», который боготворил дорогого нашего Владимира Алексеевича.

Афанасьево... Это не только идеальный раскоп, это и концерты в сельском клубе и макароны, упавшие «на газетку» перед самым возвращением «негров» с раскопа, это 14 августа – посвящение в археологи...

Мы, замороженные происходящим, совершенно ошалевшие от чудес, падаем на колени и ползем в гору и вдруг... Яркие костры вспыхивают за нашей спиной, и мы видим как на вершине появляется ОН – НАШ БОГ, падаем ниц и фанатично просим прощения, что часть находок, наверное, выбросили в отвал, плохо делали зачистку. Все заканчивается прощением и посвящением.

Вернувшись в город, мы снисходительно смотрим на жителей: «Хилые дети города!» - Ваша фраза, и гордимся собою. На наших штормовках – КВАЭ, и особо любопытным мы расшифровываем, что это - Камско-Вятская археологическая экспедиция исторического факультета УдГУ. Думаю, что уже тогда мы выполняли замечательную миссию – рекламировали наш дорогой факультет.

Уверена, что наш курс не уронил чести и достоинства истфака и на смотрах художественной самодеятельности. Я с тех далеких пор не только полюбила сцену, но даже и себя на ней чуть-чуть. У Владимира Алексеевича удивительная способность убеждать людей в том, что они многое могут, он может убедить их поверить в себя. Он заставил поверить меня и Т.Костереву в то, что мы можем удивить зрителя песней, которая тогда еще только «входила в народ», еще не была римейком, а была настоящей «Ой ни вечер, да ни вечер». Потом была «Матушка»... И мы испытывали наслаждение от того, что смогли заставить зал не просто слушать нас, а слышать и даже плакать.

А помните наши новогодние вечера археологов, где Владимир Алексеевич – Снегурочка, я – Дед Мороз, а Вова Королев – сюрприз от Бабок-ежек...

Как все-таки замечательно, что в нашей жизни появились Вы, Владимир Алексеевич! Как здорово, что Вы были и остаетесь с нами сейчас!

Здоровья Вам! Молодости! Всеобщей искренней любви! Радостных и трепетных моментов! Оптимизма и бодрости! И нескончаемого ощущения счастья от того, что Вы всем нужны!

Мы Вас любим!!!

По поручению всего курса 1974-1979 гг.
Надя Булатова (Пивоварова в прошлом)

Черных Е.М.,
к.и.н., доцент кафедры археологии
и истории первобытного общества, УдГУ,
Сергеева Г.В.,
заместитель директора
по учебной работе лицея «Мода», г.Ижевск

Дожди забренчали сонаты...

Эти слова авторской песни, столь популярной в 70-е гг. прошлого века, приходят сразу, как только вспоминаешь «полевое» лето 1980 г. в «вотчине» В.А.Кананина – Афанасьевском районе Кировской области. Владимир Алексеевич, когда мы, первокурсницы, пришли на кафедру археологии, был аспирантом и работал над диссертацией по средневековым памятникам Зюздинского края (так до революции называли этот район в верховьях Камы). Мне было предложено обработать материалы верхокамских поселений и, надо отметить, как руководитель, Кананин очень дотошно направлял мои усилия по овладению технологией исследований. На кафедральном небосклоне он тогда уже был признанной звездой, не закатывавшейся ни днем, ни ночью. Ночами он в тапочках и халате (как это следовало, очевидно, большому ученому) восседал за большим столом у окна, творил диссертацию, а днем спал на том же месте или занимался бесконечными театральными постановками, репетициями и образовывал нас, студентов. Стоит ли объяснять, что побывать с ним в экспедиции меня толкало не только желание поработать на памятниках, материал которых я обрабатывала?

Неформальное общение с «мэтром», да еще таким артистичным, в не меньшей степени двигало мною, когда, после III курса, при планировании полевого сезона я упросила Р.Д.Голдину направить меня в Афанасьево. Эта возможность мне представилась после июньской разведки по р.Вятке. Поскольку Кананин в июне уже копал в Русиново, мне пришлось добираться до лагеря экспедиции в одиночку, с немыслимым количеством пересадок, да к тому же я приезжала в тот день, когда лагерь уже сворачивали и перекидывали в Аверино. Вот здесь-то мне и предстояло провести почти неделю вдвоем с Таней Зерновой (она была на год старше меня). Нам поставили две палатки на берегу Камы, соорудили навес над костром, поручили перестирать вкладыши, просушить одеяла и спальные, дожидаясь следующей июльской смены. Надо сказать, что края там дикие, на правом высоком берегу Камы две маленьких пермяцких деревушки, на левом – бескрайняя тайга, до райцентра – с.Афанасьево – около 5 км пешком вдоль петляющей реки. Цивилизации – никакой. Мы оказались в

совершеннейшей изоляции. Спасал нас, очевидно, исключительно дух романтики и вера в своего «начальника» - раз он нам доверил все экспедиционное оборудование, значит, ничего плохого случиться не должно. Но, на всякий случай, укладываясь на ночлег в палатке, Татьяна подкладывала под спальник топор.

Вспоминаю, как при появлении посторонних, мы шумно имитировали присутствие в лагере группы, но проявить артистические способности нам довелось только раз. В выходной день на нашем пустынном берегу появились несколько бородатых мужчин, явно не местных. Позднее, познакомившись с ними (это оказалась геологоразведочная партия, оценивавшая тогда перспективы строительства асфальтированной дороги между крупнейшими селами Афанасьево и Гордино и далее на Глазов. Перспективы оказались плачевными и дороги в тех краях нет до сих пор), мы весело смеялись над тем, какое впечатление произвели на этих бывалых полевиков своим спектаклем двух актеров. Надо сказать, что геологи отнеслись к нам по-отечески. Подкармливали тогдашними деликатесами – сгущенным молоком, шоколадом, хорошими консервами из своего спецпайка. Развлекали игрой на гитаре и байками из бродяжьей жизни. Позднее, когда приехала наша группа, мы частенько тайком (во всяком случае, нам так казалось) от В.А.Кананина убегали к ним на костер, который устраивали за городищем. Почему-то начальнику наши новые знакомые не понравились, он не захотел принять и их помощь (геологи в советские времена располагали, в отличие от нас, всепроходной техникой, которой предлагали пользоваться и нам). Владимир Алексеевич отказался, и наш завхоз Слава Рогожников ходил за продуктами пешком в райцентр едва ли не каждый день, пока не был отремонтирован наш экспедиционный автомобиль.

В июльской смене народ подобрался в основном из «старичков», тех, кто уже не один раз бывал с Владимиром Алексеевичем в экспедициях, в основном, историки. Жизнь в лагере быстро приобрела отлаженный ритм. Погода была замечательная. Аверинский П могильник, что мы тогда раскапывали, не скупился на интересные находки. Как легко тогда давался ежедневный двукратный подъем по почти 30-ти метровому крутому яру на террасу, где размещался древний некрополь! Я впервые копала могильник, все было необыкновенно, рядом были интересные люди. Вечерами костер, песни в исполнении начальника:

Пел про чудо-зеркало и леди,
О дорогах и кедах в пыли,
Про того, кто покупает двери,
А не телеграфные столбы...

Сigaretами описывал колечки,
Песнь вплетая в языки костра.
Звонко бились девичьи сердечки.
И скрипел хребет Хамар-Дабан.

Какая-то всепоглощающая гармония... Наверное, именно это чувство принято называть очарованием молодости и прикосновением к тайне мироздания.

У начальника был транзисторный приемник – единственная нить, связывавшая нас с Большой землей. Именно он известил нас о смерти В.Высоцкого. Наверное, это было единственное огорчение месяца.

В районном центре, куда мы бегали чуть ли не каждую неделю (расстояние и пустыньность окрестных мест ничуть не смущали), было два замечательных учреждения – книжный магазин и баня. В магазин раз в две недели завозили редкие по тем временам книги. Сколько чемоданов книг (на любой вкус) мы вывезли из Афанасьево, теперь уже, наверное, не сосчитать. Моя новая знакомая, до этого года уже побывавшая в экспедициях с В.Ф.Генингом в Челябинской области, и с Л.И.Ашихминой – на Буйском городище, с первого же выхода в этот «заповедник» (в Ижевске купить интересные издания в то время можно было только при условии наличия хороших знакомых в магазине «Подписные издания», что находился на углу ул.Ленина и Коммунаров, сейчас там располагается банк «Первомайский») отправила домой, в Екатеринбург, посылку книг и обалденную коробку югославских шоколадных конфет. По возвращении из экспедиции она была обескуражена тем, что родные этих конфет даже не попробовали. Они их попросту не заметили, приняв, среди прочих книг, за художественный альбом. Дело в том, что на коробке были изображены репродукции картин французских импрессионистов. Такого не видели ни мы, ни наши родители. Стоит сказать, что в то лето в Афанасьево, я впервые попробовала шоколад «Миньон»! Да, да, тот самый, о котором когда-то, в начале XX в., писал советский поэт в известном, почти хрестоматийном стихотворении.

...А потом наступил август. На смену солнечным дням пришли дожди. В Москве как раз проходила Олимпиада, и мы грустно шутили, что над столицей тучи разгоняют, и они все идут к нам, на восток. По липкой мокрой глине сапоги скользили, и подъем в гору оказался сродни разве что штурму Измаила (только без поражающего огня сверху). Да и расчищать погребения, когда кругом вода, почти невыполнимая задача. Тем не менее, оставлять вскрытую часть могильника до следующего лета нельзя. И мы ждали просветления на небесах и возможности закончить раскоп. «Старички» почти все разъехались. Нас оставалось не больше 10

человек. Зато приехала моя подруга Галка Сергеева. Жить было можно. В редкие просветы мы занимались заготовкой дров. Эта работа приобрела почти ритуализированные формы. Мужчины сплавляли по Каме лес, а девчата на берегу на специально устроенных «козлах» пилили здоровенные бревна и складывали поленицы. Никогда больше за свою полевую жизнь я не видела в отряде такого количества дров. Дрова заполнили сначала проемы между столбами кухонного навеса с двух, затем с трех сторон. Затем начали укладывать второй ряд. Наша рукодельница Лилия Владимировна Ефремова, разделившая на время тяготы экспедиционного быта, помимо работы в камералке, вышивала на старом палаточном холсте Солнце. Этот холст мы закрепили на кухне, прикрыв им западную стенку, втайне лелея надежду, что вышитое солнце «договорится» с западной стороной о прекращении дождей. Но все было тщетно. В поле за деревней комбайны стояли по самую ось в грязи. Хлеб так и остался не убранным. Наша машина тем более была «не выездной». Забегая вперед, скажу, что это «аверинское сидение» закончилось только к концу первой декады сентября. Мы безнадежно опоздали везде, даже на свадьбу наших друзей – однокурсницы Саши Буториной и экспедиционного художника Толи Лыкова. Зато, когда в палатках было мокро и холодно, мы собирались тесным кругом у костра под нашим навесом. Здесь было даже жарко. На костре постоянно что-то готовили. Кананин пел только для нас, делился воспоминаниями, травил анекдоты, чтобы хоть как-то скрасить наше безрадостное существование. Он был мастер на «приколы», как выражается нынешняя молодежь. Грустно нам не бывало. Мы смеялись друг над другом, над животными, которых у нас прибавилось. К нашему теплему дому прибились пес Абрек и еще какая-то рыжая псина, а также ворона Клара. Ворона, может быть, и не одна была, но Кананин принимал ее как родную тетку и разыгрывал, когда она появлялась, веселые сцены. Проводя большую часть времени у закрытого костра, мы прокоптились до нитки, умываться в холодном ручье не хотелось. Очень смешно было смотреть на соседа, когда у него на лице высвечивались только белые зубы и белки глаз. Нет, конечно, мы иногда мылись, даже в баню в райцентр ходили – под дождем, с «горки на горку», весело, с песнями. Но следы копоты на лице и ничем неистребимый запах костра я привезла в сентябре в город.

Чтобы скрасить наше безрадостное «житье-бытье» начальник устраивал веселый подъем. Утром, чтоб мы скорее просыпались, он жизнеутверждающим голосом, имитируя диктора радио, возвещал на весь лагерь, что на улице прекрасная погода, ярко светит солнце, дожди закончились и все такое прочее. И мы верили, и дружно выползали из своих спальников, и выскакивали, убежденные, что все так и есть на

самом деле. Помним, как на День археолога все готовили друг другу подарки. У Галки до сих пор сохранился туесок, плетенный В.А.Кананиным. А потом в лагерь принесли телеграмму, где какой-то майор срочно просил подтвердить, что все мы живы - здоровы. Отец Г.Сергеевой служил в военно-воздушных войсках и Кананин решил было, что это ее разыскивают родители. Оказалось же, что телеграмму отправил В.Е.Майер, профессор, заведующий кафедрой древнего мира и средних веков, в штате которой тогда работал В.А.Кананин.

Недавно прочитала у М.Веллера строчки: «на прудах колышутся нениюфаны, потому что пишутся мемуары...». Действительно, почему-то вспоминается все самое красивое, самое лучшее. Не все тогда было «белоснежным и благоуханным», но таковы особенности нашей памяти...

И пусть для нас сейчас идут другие дожди,
Но, вспоминая, что однажды было лето,
Душа трепещет от тепла и любви
И, старый Билл, тебе спасибо за это!

Казанцева О.А.,
к.и.н., доцент кафедры археологии
и истории первобытного общества УдГУ

«Слово Кананина». К портрету юбиляра

Я впервые увидела Владимира Алексеевича Кананина в 1979 г., поступив на исторический факультет. В то время он имел своеобразный режим труда, любил создать впечатление у присутствующих, что его нет в кабинете археологии (сейчас это кафедра археологии и истории первобытного общества, аудитория 410). Его рабочее место у окна было окружено полкой, на которой стояли в горшках цветы и В.А.Кананина не было видно. При этом оказывалось, что все что происходило в кабинете в течение дня он знал... «Загадочная личность», - подумала я.

Позднее к загадочности добавился штрих творчества. В 80-е гг. Владимир Алексеевич читал стихи на конкурсах самодеятельности УдГУ от исторического факультета. Интересно то, что послушать его специально приходили студенты и преподаватели не только с истфака, но и с других факультетов. Это было особое выступление. Он просто завораживал публику своей персоной. Привлекала его своеобразная походка, манера держаться на сцене. Так, как читал Владимир Алексеевич не читал никто, ему не было равных в этом жанре. Читал проникновенно, умело жестикулируя, всегда в классическом костюме, в гриме... Настоящий актер!

Ораторское мастерство Владимира Алексеевича проявлялось и в преподавательской деятельности. В частности, когда он читал нам курс «История стран Азии и Африки» в 1983-84 учебном году. К этому времени мы, О.Арматынская, А.Васильев, Е.Киржнер, Е.Обухова, Г.Степанова и я, уже хорошо знали В.А.Кананина и всегда проводили параллели с его манерой выступления на сцене перед зрителем и в студенческой аудитории. Ужасно боялись сдавать ему экзамен по этой дисциплине, тем более, что были хорошо знакомы с ним в неформальной обстановке – в экспедиции в полевых условиях. На экзамене Владимир Алексеевич был очень строг, задавал дополнительные вопросы и не было никакого снисхождения и намека на «давнее» знакомство... Была справедливость... Тогда, в студенчестве было немного обидно, а сейчас с учетом своего собственного опыта преподавания и общения со студентами понимаешь насколько это важно уметь держать, в хорошем смысле этого слова, дистанцию со студентами.

Владимир Алексеевич всегда пользовался большим авторитетом в студенческой аудитории. Однажды я принимала экзамен по археологии в

одном из структурных подразделений УдГУ в г. Можге. Каково же было мое удивление, когда я услышала ответ одной из студенток о «кананинской» культуре. Выслушала, а потом прошу ее объяснить название этой археологической культуры. Студентка самым серьезным образом начала мне рассказывать историю, что данная культура была названа в честь В.А. Кананина... На самом деле, конечно, в билете был обозначен вопрос об ананьинской археологической культуре.

На археологических раскопках (например, при исследовании Невалинского могильника в Кунгурском районе Пермской области в 1981 г.) мне вспоминается умение Владимира Алексеевича общаться с подчиненными. Он отличался немногословностью, внимательным отношением к помощникам, никогда не позволял себе кричать на окружающих (даже повышенного тона не допускал), приучал к тщательности выполнения методики раскопок молодых сотрудников и точности при оформлении полевых чертежей. А вечером, у костра Владимир Алексеевич был душой компании. Было ощущение, что человек никогда не уставал и у него всегда были наготове веселые истории, анекдоты, свои – «кананинские» шутки. Он брал в руки гитару, и каждому, кто сидел у костра в тот момент казалось, что Кананин поет только для него... Репертуар Владимира Алексеевича был своеобразный, но опять -таки каждый слушатель мог найти то, что было необходимо в тот момент. Певец-бард был еще и психологом...

Но самое главное и важное, на мой взгляд, качество Владимира Алексеевича это умение помогать окружающим. Помогать незаметно для остальных с присущим ему чувством такта. Владимир Алексеевич помогает благородно, при этом сам испытывает огромное удовольствие. Он никогда не будет хвастаться другим кому, когда и чем, помог. Но люди, которым он оказал поддержку будут знать настоящую, истинную цену слова Кананина. Если Кананин сказал, то он сделает... Владимир Алексеевич был в числе тех немногих людей, которые помогли мне в жизни и сейчас тот самый случай, когда я благодарю его и говорю: «Да, я знаю, что такое слово Кананина. Замечательно, когда нас окружают такие внимательные люди».

Талант Владимира Алексеевича многогранен. О нем можно говорить бесконечно и каждый раз можно найти что-то новое...

В День юбилея, уважаемый Владимир Алексеевич, здоровья Вам, успехов, творчества, удачи во всем.

**Колзина А.Л. ,
старший преподаватель кафедры новой и
новейшей истории и международных отношений,
заместитель декана исторического
факультета УдГУ по воспитательной работе**

В.А.Кананин как педагог

Для студента – историка В.А.Кананин не только преподаватель, но и Режиссер. Истфак 80-х не мыслим без театров «Пилигрим» и «Балаган», слава о которых распространилась далеко за стенами УдГУ. Поступая на ИФ, многие уже видели их выступления, и мечтали стать участниками этих коллективов. А путь туда был открыт каждому, кто умел или хотел петь, танцевать, играть на любых музыкальных инструментах, и кто смог пройти отбор режиссера – Кананина.

В те времена в УдГУ существовала славная традиция – Конкурс Первокурсников, на котором первокурсники каждого факультета должны были продемонстрировать свои таланты. Истфак традиционно занимал первые места т.к. уже с первых дней учебы Владимир Алексеевич начинал свою работу. От него первокурсники узнавали о традициях истфака, о его особом духе товарищества и коллективизма, о том, что выступать на сцене это не только весело, но почетно, о том, что если не мы, то кто... и т.д. В итоге, после лекций многим хотелось попасть на репетиции, благо, что Конкурс обязывал. И вот тут начиналось самое интересное. Оказывалось, что на факультете есть масса единомышленников В.А.Кананина – студентов историков, которым очень интересно посмотреть: «А кто это к нам пришел? А что из них получится?». Для первокурсников такое пристальное внимание старшекурсников и непонятно, и лестно, а Старшекурсникам, вместе с Режиссером нужно было найти Тех, Которые Смогут. Для этого, начинали прослушивать и отбирать голоса: сопрано к сопрано, бас к басу, тембр к тембру, предлагали станцевать, сплясать, сыграть на фортепиано, гитаре, балалайке, скрипке, трубе, банджо, губной гармонике, расческе и т.п.. И, конечно, сами играли, пели, учили с первокурсниками слова факультетских песен и Гимн Истфака. В результате, равнодушных не оставалось. Если не умели петь и плясать, то готовили реквизит, рисовали афиши, а тех, кого отобрали «в артисты», ждали долгие и упорные репетиции.

Любой первокурсник любого века твердо убежден, что он Великий Артист, но на творческом пути первокурсников – историков оказывался В.А.Кананин, утверждавший, что курица, не птица, а первокурсник... В общем, сначала, как правило, у «не студентов» наступал «культурный и

творческий шок» из-за «чрезмерных», по их мнению, требований режиссера. Потом, вняв увещаниям старшекурсников (Терпите, скоро привыкните.) они мужественно репетировали по несколько часов в день без выходных, учились правильно стоять на сцене, ходить, петь, говорить. Владимир Алексеевич без устали с титаническим терпением объяснял, показывал, внушал, играл, вдохновлял. И через месяц это были уже другие люди, которые этого пока еще не осознавали, но об этом знал Владимир Алексеевич, каждый год первый встречающий будущих историков.

И вот первое выступление, первый Конкурс, первый успех. Благодаря Владимиру Алексеевичу бывшие школьники становились членами «исторического братства», героями факультета и УдГУ. А потом будут новые конкурсы, «Студенческая Весна», где объединялся весь факультет, и не было разницы в возрасте и полученных на занятиях знаниях, было лишь Творчество, Дружба, Радость Общения.

Самые стойкие из студентов попадали в факультетский театр, который немыслим без Владимира Алексеевича Кананина. Сначала это был театр эстрадных миниатюр «Пилигрим», созданный и руководимый им. Потом театр политической сатиры «Балаган», которым В.А.Кананин руководил в тесном сотрудничестве с С.С.Дерендяевым. Для студентов - актеров театра, годы, проведенные в коллективе, стали школой жизни, т.к. все свободное от учебы время они проводили на репетициях или концертах, и всегда рядом был В.А.Кананин. Его неутомимая энергия, оптимизм, жажда творчества, не давали пасть духом уставшим, требовательность, непреклонность в стремлении к качеству исполнения «остужали горячие головы», высокое качество выбранного репертуара и мастерская режиссура вызвали восхищение и сопереживание зрителей. Не случайно, студенческий театр «Балаган» наряду с общепризнанной славой, получил официальный статус «Народного театра». Но для «балагановцев» был не столь важен успех и почет, сколько сам процесс репетиций и концертов, само Творчество. Именно это и было той студенческой жизнью, которая сформировала их как личностей, научила не бояться не только сцены, но и любой аудитории, научила слышать и слушать, выбираться из любых непредвиденных ситуаций, относиться к жизни, смеясь. Будучи не только режиссером, но и педагогом В.А.Кананин всегда говорил, что умение быть Артистом, умение Творить, разносторонние интересы и активная жизненная позиция помогут найти себя на жизненном перепутье.

С еще большим интересом и вниманием публика ждала выступлений самого Владимира Алексеевича. Стихи в его исполнении заставляли зал замирать, слушать бесконечную Паузу, взрываться аплодисментами и

думать, думать... Своими песнями он «сводил с ума» студенток, многие из которых отправлялись в экспедиции и совершали трудовые подвиги, чтобы еще раз услышать их у костра, а потом петь в переменах между парами, на лесенках 4 этажа.

Удивительное сочетание личностных качеств преподавателя, педагога, ученого и артиста создали удивительный феномен В.А.Кананина. Его обаяние, коммуникабельность, жизненная мудрость и вера в успех помогли стать Людьми не одному поколению историков УдГУ.

...Кстати, скоро «Студенческая Весна»! Владимир Алексеевич, публика ждет!

Лыкова А. Б.,
директор школы №60 г.Ижевска
Лыков А.И.
художник

Удача быть учеником

В студенческие годы мне посчастливилось учиться на знаменитой «Земле Санникова» - любимом историческом факультете. Сердцем факультета, несомненно, являлся кабинет археологии, в котором я и познакомился с В.А.Кананиным - в то время аспирантом. Археология, раскопки, романтика вечерних костров и песен под гитару - всё это стало главным ярким воспоминанием о студенческих годах.

Впервые я познакомился с Владимиром Алексеевичем в археологической экспедиции в 1974 г., еще будучи студентом 4 курса художественно-графического факультета УдГУ. Там впервые услышал бардовские песни в его исполнении. И вот уже более 30 лет я увлечен этим жанром. Можно много говорить о Кананине, как талантливом ученом-археологе, руководителе и организаторе, но для меня он, прежде всего, является одним из талантливейших в России исполнителей песен Кукина, Окуджавы, Суханова, Высоцкого и других авторов.

Говоря о Владимире Алексеевиче Кананине, невозможно представить его без гитары. Ни один праздник не обходится без его участия. Порой кажется, что гитара у него была (по крайней мере, в 80-90-е гг.) на первом месте, а археология на втором.

В 1978 г. наш курс поехал на свою археологическую практику в Пермскую область, где в Кунгурском районе шли раскопки Бродовского курганного могильника. После приезда на место стоянки, нас «детей асфальта», абсолютно не знавших «специфического» археологического языка, В.А.Кананин доблестно отправил на «разминирование» полянки под лагерь. Ну и задание! Пришлось вооружаться лопатками и готовить место для палаток. Потом нам доходчиво объяснили все остальные «премудрости» правил внутреннего устава — подъёма, отбоя, пожелания за столом «приятно жрать» и т.д. Было необычно, весело, интересно. А вечерние костры, где мы первый раз слышали в исполнении Владимира Алексеевича песни Визбора, Кукина, Высоцкого... Эта любовь к бардовской песне осталась на всю жизнь.

После экспедиции с нашего очень дружного курса 6 человек решили заниматься наукой археологией. С меткого прозвища, подаренного нам Владимиром Алексеевичем, нас стали за многочисленность называть «китайцами». А «Недремлющее Око», он же Кананин В.А., частенько в

журнале «жалоб» подмечал наши «студенческие» подвиги, что к всеобщему веселью потом читалось. Несмотря на грозное прозвище «Недремлющее Око», нами, студентами-археологами, нередко замечалось, что после ночных бдений над научными статьями утром Владимир Алексеевич сладко спал за любимым рабочим столом у окна рядом с табличкой «Запрещается стоянка автотранспортных средств и хождение пешеходов ближе 30 метров». Вот и никто и не шумел и не ходил, потому что мы все любили и уважали Владимира Алексеевича.

Еще очень запомнилось лето 1979 г. В июне наш отряд вместе с В.А.Кананиным под руководством Р.Д. Голдиной вел раскопки в деревне Худяки Кировской области. Не просто нам пришлось из-за сюрпризов природы, когда в середине лета выпал снег и летний сезон на некоторое время превратился в зимний. Мы тогда даже успели слепить снеговика. Согреваясь у костра, неизменно просили Владимира Алексеевича спеть. Находясь в экспедиции с Владимиром Алексеевичем и Риммой Дмитриевной, мы учились азам полевой археологии, умению делать зачистки и видеть культурный слой. Несомненно, быть учениками таких умных, талантливых людей, было для нас большой удачей.

Мельникова О.М.
д.и.н., профессор
кафедры археологии и истории
первобытного общества УдГУ

Вместо заключения. Феномен «кананинской культуры» в археологии

Предмет историко-научной тематики в археологии неуклонно расширяется. Вслед за выходом ее за пределы чистой историографии, археологи стали активно осваивать социальную историю своей науки, обращая внимание на культурно-исторический фон, социальные обстоятельства, оказавшие влияние на складывание интеллектуальной среды, персональные биографии археологов. Фактографичность и сумбурность сменяется взвешенным анализом различных социальных структур, известных как в прошлом, так и в настоящем археологии. Культурологический ракурс, интерес к личности археологов, деятельности археологических коллективов оказывается актуальным не только с точки зрения понимания историографического процесса, но и осмысления профессиональных ценностей археологического сообщества. Обосновываются новые методологические подходы в их изучении, расширяется круг историко-научных источников.

Однако обычно в качестве объекта историко-научного исследования выступает прошлое науки, иногда достаточно далекое, а в качестве персоналий исследуется творчество крупных ученых, чей научный авторитет непререкаем. Но и «рядовой» археолог, чей научный вклад не столь фундаментален и объемен по сравнению с интеллектуальными лидерами в науке, так же интересен для историка науки, поскольку поле научной деятельности тысячами невидимых нитей научных коммуникаций связывает идеи, факты, концепции, полученные разными исследователями в единую систему знаний о прошлом, продуцируемую отдельной наукой.

Люди являются составной частью всех научных коллективов. Эффективность их деятельности зависит от человеческого поведения. В то же время каждая личность индивидуальна, она имеет свои взгляды, черты характера, жизненный опыт, разные способности и убеждения, поэтому весьма интересно обращение к феномену отдельной личности в структуре археологических коллективов, с тем, чтобы в первом приближении осмыслить социальные роли ученых, с неизбежностью в археологии включенных в коллективные формы деятельности.

Поэтому предлагаемый читателям сборник - знак внимания к нашему коллеге в канун его юбилея, позволяющий осмыслить его путь в

археологии и высказать слова признательности тому, кто оказал позитивное влияние на судьбы многих людей. Но одновременно эти очерки - и значимый историко-научный источник о событиях 35-летней давности, когда в Удмуртском университете была создана Камско-Вятская археологическая экспедиция, написанный непосредственными участниками зарождения и развития университетской археологии в Удмуртии сквозь призму личности В.А.Кананина.

Безусловно, есть некий скептицизм относительно того, имеет ли смысл исследовать историю археологии (в данном случае региональной) столь недавнего прошлого и ее настоящее? Будет ли такое исследование действительно научным? Однако такие опасения были опровергнуты еще в начале XX в. совсем по другому поводу и другому событию, но вполне справедливо к предмету историко-научного исследования недавнего прошлого. Классик бытописания революции 1917 г. Н.Н.Суханов, приступивший к своим сочинениям в 1918 г. рассуждал так: «И мне не раз говорили: не рано ли, удобно ли, уместно ли это? Что за мемуары в разгар событий – об их участниках, о современниках, о собственных соратниках, о политических друзьях и врагах, с которыми еще придется в различных комбинациях идти плечо к плечу или скрестить шпаги на тернистом и долгом пути...Что за мемуары среди пороха, в пылу нескончаемой борьбы, когда вместо беспристрастия летописца каждая страница кричит о пристрастии апологета и обвинителя!.. Да и вообще, можно ли о живых людях и их делах говорить все, что знаешь, что помнишь, что думаешь? По-моему, можно – обязательно. Современному Пимену не дожидаться, пока минувшее, полное событий, станет «безмолвным и спокойным». А пыль веков, к счастью не обязательный удел в эпоху ротационных машин. Какой же смысл в отсрочке?..»⁵ Собственно, это подтверждается и становящейся устной историей, которую археологам, несомненно, важно использовать как значимый источник для своих историко-научных изысканий.

С этой точки зрения собранные в этой книге очерки и заметки отражают зрелость археологического сообщества, сознающего значимость информации о повседневной жизни археологической экспедиции, отдельного научного коллектива, способах научных коммуникаций внутри него, сведений о тех, нередко забытых именах, чьим нелегким и кропотливым трудом формируется источниковая база археологии. Эта зрелость проявляется и в том, что сообщество археологов в эпоху появления «черных археологов», различных лже- и псевдоученых осознает ответственность перед будущим науки и формулирует устами

⁵ Кожевин В.Л. Историк – очевидец событий: «ситуация пограничья» // Мир историка. XX век. М., 2002. С.75.

тех, кто работал и работает в КВАЭ на протяжении 35 лет ее существования, значимые ценности профессии археолога. Поэтому представляется, что юбилейные заметки и очерки – важнейший, пока еще не вполне традиционный, источник по социальной истории археологии.

Этот, только что прочитанный читателем источник, заставляет историка науки задуматься над целым рядом вопросов, ответы на который, несомненно, требуют широкого междисциплинарного обсуждения. Первый из них вынесен в название книги: каким образом личность проявляет себя в науке? Какие ее социальные качества и особенности индивидуальности являются определяющими для развития науки?

Герой нашей книги не является автором фундаментальных концепций в археологии, хотя его перу принадлежит немало работ, в том числе и монография, посвященные средневековой истории Зюздинского края, где проживали в то время предки коми-пермяков. Он – блестящий полевой исследователь. Для его работ, как обращают внимание многие авторы юбилейных заметок, свойственна абсолютная тщательность и научная точность, осмысленные исследовательской добросовестностью. Таких исследований и исследователей в археологии – десятки и сотни. Их трудом экстенсивно развивается та или иная принятая в данный момент времени научная парадигма. Учитывая, что В.А.Кананин представляет своими исследованиями научную археологическую школу, созданную в Удмуртском университете Р.Д.Голдиной, его научный вклад вполне вписывается в общую исследовательскую программу коллектива – изучение древней и средневековой истории Прикамья и является ее существенным элементом в контексте понимания исторических процессов в регионе. Но вклад в науку (чувствуется разница: научный вклад и вклад в науку!) В.А.Кананина намного шире, он не всегда вербализуем и отражаем в научных публикациях. Он проистекает из качеств его личности, несомненно, яркой, неординарной, и поэтому интересной для всех, кто соприкасается с ним.

Не так давно А.А.Формозов предпринял попытку типологизировать ученых в археологии (не будем вдаваться в корректность и чистоту выделенных типов, к тому же это было предметом обсуждения на страницах археологической периодики)⁶. Но сама постановка этой проблемы вполне актуальна. Безусловно, каждый, приходящий в науку, преследует самые разнообразные цели – от благородного устремления одарить мир новыми научными знаниями, до прагматичного использования своего места в научном сообществе для достижения

⁶ Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. М., 2004. С.100. См. дискуссию по поводу этой книги в журнале «Российская археология» за 2006 г.

карьерных целей. Кроме того, надо сказать в дополнение к идее А.А.Формозова: типы археологов, очевидно, следует выделять с учетом конкретной исторической специфики той или иной эпохи и даже страны, в которой вырабатываются определенные ценностные ориентации, оказывающие влияние на тех, кто приходит в науку. Поэтому типы ученых в науке изменяются, эволюционируют или исчезают совсем.

Тип личности нашего Героя как археолога следует рассматривать как представителя поколения 70-х гг. и общего с ним культурного пласта – шестидесятников. «Свертывание оттепели привело к возникновению в среде историков послевоенного поколения конформизма, к ужесточению «цензуры собственной головы», смягченной в годы оттепели»⁷. Но шестидесятые годы давали о себе знать тем, что в среде ученых (особенно в провинции, в Уральском университете, где учился наш Герой), сохранялись люди, понимавшие неизбежность и необходимость перемен, не торопившиеся бежать впереди прогресса, проявлявшие стремление отделить науку от конкретной общественно-политической ситуации, не приспособившаяся к ней свои труды, а соразмерять свои исследовательские планы с духом времени. Археология как никакая другая наука имела в своей структуре такой очаг внутренней свободы человека – археологическую экспедицию, где особенности быта и жизненного уклада требовали от людей самоотдачи и преданности делу. И когда в их составе появлялись личности, масштаба нашего Героя происходило нечто более важное, чем просто рутинная полевая работа по поиску археологического источника.

Археологическая экспедиция стала важнейшим каналом коммуникаций: научных и социальных. Причем, в 70-е гг. изменился социальный состав лиц, работающих в экспедициях. Это, уже, как правило, не наемные работники, которые до революции или в довоенные годы составляли основную рабочую силу при раскопках. Определился четко социальный состав экспедиций – студенчество. В послевоенные годы специализации по археологии в университетах Москвы, Ленинграда и Перми привели в экспедиции в качестве профессиональных работников студентов, к тому же, наконец устоявшееся положение археологии как учебной дисциплины сделало обязательной археологическую практику. Теперь в экспедиции оказались представители разных субкультур: с одной стороны, студент-практикант, жаждущий знаний, как правило, первокурсник, и даже школьник, с другой – археологи-профессионалы.

Перелопачивая в прямом смысле пыль веков, молодой человек испытывает невиданные прежде эмоции, всегда сопровождающие

⁷ Сидорова Л.А. Поколение как смена субкультур историков // Мир историка. XX век. М., 2002. С.52.

уникальное и неповторимое прикосновение к истории в ходе раскопок, перед зрелищем того, что в последний раз было увидено людьми где-нибудь два-три тысячелетия назад. Эти трудно вербализуемые через формальные термины эмоции с неизбежностью ставят перед ним важнейшие и вечные человеческие вопросы: кто я таков? как я могу соизмерить себя с историей? И еще шире – в чем смысл бытия человека? Эти вопросы, безусловно, требуют обсуждения и немедленного осмысления. Но нужен специальный текст для такого осмысления. Им и стал текст песни. Необходим был человек - носитель этого текста. И он нашелся – тот, кому можно доверять, кто показал себя на практике пытливым и тщательным ученым, блестящим организатором, и открывшийся с новой, возможно, еще более значимой для себя стороны, блестяще владеющий искусством исполнения песни.

Для молодых творчески активных людей диалог через песню, несомненно, делал привлекательной и ту науку, носителем профессиональных ценностей которой и является наш Герой. В этом диалоге он становился неким эталоном профессионала-археолога, поскольку он помогал формулировать эмоции и ощущения в определенные социально значимые для поведения неофитов понятия и суждения, которые давали студенчеству непосредственное осмысленное прикосновение к истории. Археология, в значительной мере достаточно скучная в своих текстах наука, поднималась до уровня реальной истории, свидетелями, участниками и творцами которой были студенты. Разноплановые по стилю, содержанию – это песни-разговоры, очень значимы для становящегося историка и вообще молодого человека. Иногда они приобретают черты шутовства, эдакого налета оппозиционности власти, иногда нарочито грубого, почти на грани фола текста, часто - размышления о разных поступках и чувствах людей, из которых складывается индивидуальное ощущение смысла жизни...

И если интеллектуальное лидерство в КВАЭ бесспорно принадлежит Р.Д.Голдиной, то эмоциональный интеллект ее коллеги, несомненно, привлек в археологию не меньшее число неофитов. В этом – существенная миссия нашего Героя внутри коллектива, в который он входит, и который в значительной мере сформировался под его влиянием из тех, кто попал под обаяние романтики мысли нашего Героя. И такие личности есть в каждой экспедиции, без них невозможна эмоциональная связь разных поколений археологов. Нередко этот тип людей представлен в одном лице – руководителя экспедиции, иногда – как отдельная творческая личность внутри коллектива.

Как исследователь наш Герой - носитель разных исследовательских традиций. Их основы были заложены уральской археологической школой В.Ф.Генинга в Свердловске, в Уральском университете, где в начале 60-х гг.

впитал определенный дух научной фронды. Этот дух был привнесен в Ижевск, в Удмуртский университет, где В.А.Кананин вместе с Р.Д.Голдиной и Т.М.Гусенцовой оказался у истоков университетской археологии, и где впоследствии сложилась научная археологическая школа Р.Д.Голдиной, не без активного участия в этом «строительстве» ее свердловских учеников. Годы московской аспирантуры в ИА РАН у блестящего археолога В.В.Седова отшлифовали в В.А.Кананине то, что он имел.

Как личность, он приобрел в этих разных исследовательских коллективах и развил многие бесчисленные качества, необходимые ученому: 1) энтузиазм и настойчивость; 2) оригинальность: независимость мышления, воображение; 3) интеллект; 4) честность перед коллегами и самим собой; 5) наблюдательность, технические навыки; 6) контакт с людьми.

Возможно, наш Герой не обладает в полной мере как исследователь качествами оригинальности научного мышления, не исключено, что они являются свойствами, характерными лишь для научной элиты. Повторим, как ученый он к ней не относится. Но такие качества личности, как контакт с людьми, понимание себя и других компенсируют у Героя недостатки других качеств. Мои личные наблюдения состоят в том, что Герой не испытывал особого энтузиазма в письменном оформлении результатов исследовательской работы (или за этим скрывалась тщательность его подхода к материалу?). Впрочем, на практике недостаток энтузиазма редко составляет проблему: леньность весьма необычна среди ученых. Энтузиазм Героя как мотивация к исследовательской работе был в другом: в таланте общения с другими, в совместимости с ними, способности организовать группы, убеждать других и прислушиваться и слушать окружающих.

С точки зрения типологии ученых наш Герой - лидер. Наверное, в детстве он был капитаном команды — той, которая выигрывала. Позже он пошел в науку, потому что это — «класс». Он знал, что сможет победить и в этой игре, и был прав, потому что он — прирожденный лидер, в первую очередь, благодаря талантам, эмоциональный лидер. Возможно, он смог бы сделать блестящую карьеру в искусстве, не исключено, что в политике, но волей обстоятельств он попал в «научную карусель», где, будучи игроком по природе, не упустил свой шанс. Несмотря на его эгоистическую жесткость, он дружелюбен. Он легко переходит на «ты», особенно с подчиненными, любит использовать научный жаргон. В зависимости от случая он с одинаковой легкостью переходит от роли недоступного ученого мужа к роли демократически настроенного «своего парня». Но все это делается не ради себя «в искусстве», а ради целей того дела, которое Герой считает значимым в те или иные моменты своей жизни.

На рубеже 80-90-х гг. произошло весьма показательное событие: в хаосе социальных, политических преобразований социальную ответственность стали брать на себя люди, воспитанные на понятиях о реальной честности - шести - и семидесятники. Не избежал этой участи как представитель своего поколения и наш Герой. Переход в другую сферу деятельности - в чистое администрирование привел к уходу от активной исследовательской работы. Разумеется, без администрирования наука не выживет. Но администрирование и администраторы бывают разными. Наш Герой из тех, кто вызревает в науке и, переходя в управление наукой, выражает, защищает ее интересы. Находились скептики, говорившие о засилии археологии на историческом факультете. Но это далеко не так. В 1993 г. по инициативе нашего Героя в условиях чудовищного дефицита средств, хаоса и непонимания в методологии истории он нашел средства, людей и организовал в Ижевске крупнейшую (по числу участников и значению) (возможно и во всей России в те годы) международную научную конференцию «Историческое познание: традиции и новации». Она собрала интеллектуальную элиту отечественной исторической науки для обсуждения проблем дальнейшего развития науки и показала отнюдь не догоняющий характер провинциальной науки.

Благодаря постоянному участию в работе различных советов и комиссий, наш Герой преуспел в выбивании средств для руководимого им подразделения. Так, он одним из первых в университете оценил значимость для вузовской науки еще тогда совершенно нового для высшей школы и науки дела – участия в международных грантах.

Свой дар администратора наш Герой проявил еще раз, когда организовал работу новых специальностей на историческом факультете.

Удовлетворен ли он сделанным? Трудно сказать. Возможно, в редкие минуты размышлений, он спрашивает себя: «А не лучше ли было...». Но археология, которая по стечению обстоятельств стала его судьбой, несомненно, приобрела в нашем Герое принципиального педагога, кумира и лидера по логике вещей, актера и певца по призванию, труженика - по воспитанию, интересного мужчину – по прихоти природы. Его личные качества, несомненно, расширили круг людей, как пришедших в профессиональную науку, так и сохранивших признательность археологии в других профессиональных сферах.

Люди не созданы равными друг другу и не должны пытаться походить друг на друга. Но в профессиях, особенно в археологии, где коллективные формы деятельности неизбежны, очень важно формулировать профессионально значимые ценности и утверждать их своей деятельностью, как это делает наш Герой.

Список научных трудов В.А.Кананина

1972

1. Голдина, Р. Д. Раскопки Агафоновских могильников / Р.Д.Голдина, В.А.Кананин // Археологические открытия 1971 года / АН СССР, Ин-т археологии. - М., 1972. -С.191-192.

1974

2. Кананин, В. А. Новые исследования на средневековых памятниках Верхокамья (Афанасьевский район Кировской области) / В.А.Кананин // Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание : тез. докл. - Казань, 1974. - С. 32-33.

3. Работы Удмуртского отряда Камско-Вятской экспедиции / Р.Д.Голдина, Т.М.Гусенцова, В.А.Кананин [и др.] // Археологические открытия 1973 года / АН СССР, Ин-т археологии. - М, 1974. - С. 143-144.

4. Кананин, В. А. Разведка в Афанасьевском районе Кировской области / В.А.Кананин // Археологические открытия 1973 года / АН СССР, Ин-т археологии. - М., 1974. - С. 158.

5. Голдина, Р. Д. Раскопки Агафоновских могильников / Р.Д.Голдина, В.А.Кананин, А.В.Прокопов // Археологические открытия 1973 года / АН СССР, Ин-т археологии. - М, 1974. - С. 34-35.

1975

6. Работы в Кировской и Пермской областях / Р.Д.Голдина, Т.М.Гусенцова, ... В.А.Кананин [и др.] // Археологические открытия 1974 года / АН СССР, Ин-т археологии. - М, 1975. -С. 149-150.

1976

7. Голдина, Р. Д. Работы в Афанасьевском районе Кировской области / Р.Д.Голдина, В.А.Кананин // Археологические открытия 1975 года/ АН СССР, Ин-т археологии. - М, 1976. - С. 170-171.

1977

8. Голдина, Р. Д. Исследования в Афанасьевском районе Кировской области / Р.Д.Голдина, В.А.Кананин // Археологические открытия 1976 года / АН СССР, Ин-т археологии.-М., 1977. - С. 139.

1978

9. Кананин, В. А. Исследования в Афанасьевском районе Кировской области / В.А.Кананин // Археологические открытия 1977 года / АН СССР, Ин-т археологии. - М., 1978. -С. 180-181.

1979

10. Кананин, В. А. Изучение средневековых памятников верховьев р.Камы / В.А.Кананин // Археологические открытия 1978 года/ АН СССР, Ин-т археологии. - М., 1979. - С. 178-179.

11. Кананин, В. А. Средневековые поселения верховьев р. Камы / В.А.Кананин // Вопросы финно-угроведения : (тез. докл. на XVI Всесоюз. конф. финно-угроведов), июнь 1979 г. / АН СССР, Коми фил., Ин-т яз., лит. и истории. - Сыктывкар, 1979. - Т. II: Этнография, антропология, археология, фольклористика, литературоведение. - С. 62.

1980

12. Кананин, В. А. Исследования городища Шудьякар в верховьях Камы / В.А.Кананин // Средневековые древности Восточной Европы: краткие сообщения / АН СССР, Ин-т археологии. - М., 1980. - [Вып.] 160. - С. 92-100.

13. Памятники эпохи средневековья в верхнем Прикамье: сб. ст. / редкол.: В.Ф.Генинг (отв. ред.), Р.Д.Голдина, А.Н.Вахрушев, В.А.Кананин; Удмурт. гос. ун-т. - Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 1980. - 219 с.

1983

14. Кананин, В. А. Погребальный обряд средневековых могильников верховьев р. Камы / В.А.Кананин // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху / Удмурт. гос. ун-т. - Ижевск, 1983. - С. 80-95.

1984

15. Памятники железного века Камско-Вятского междуречья : межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: Б.Г.Плющевский (отв. ред.), Р.Д.Голдина, В.А.Оборин, В.А.Кананин; Удмурт. гос. ун-т. - Ижевск: Удмурт. ун-т, 1984. - 112 с.

16. Памятники железного века Камско-Вятского междуречья: сб. науч. тр. Вып. 2 / редкол.: В.Ф.Генинг (отв. ред.), Р.Д.Голдина, В.А.Оборин, В.А.Кананин; Удмурт. гос. ун-т. - Ижевск: Удмурт. ун-т, 1984. - 134 с.

1985

17. Кананин, В. А. Население верховьев Камы в эпоху Средневековья - западный вариант ломоватовской и родановской культур: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.А.Кананин; АН СССР, Ин-т археологии. - М., 1985. - 24 с.

18. Новые источники по древней истории Приуралья / Удмурт. гос. ун-т им. 50-летия СССР; редкол.: Р.Д.Голдина (отв. ред.), В.Е.Майер, В.Ф.Генинг, В.А.Кананин. - Устинов, 1985.-112 с.

19. Кананин, В. А. Средневековые поселения верховьев р. Камы / В.А.Кананин // Новые источники по древней истории Приуралья / Удмурт. гос. ун-т им. 50-летия СССР. - Устинов, 1985. - С. 30-45,112.

20. Kananin, V. A. An ethnic essay on the medieval upper Kama Komi-Permyaks / V. A. Kananin// Шестой Международный конгресс финно-угроведов, Сыктывкар, 24-30 июля 1985 г.: тезисы - Congressus sextus internationalis fenno-ugristarum: thesen / АН СССР, Коми фил. - Сыктывкар, 1985. - Т. 4. - С. 126.

1987

21. Новые археологические исследования на территории Урала: межвуз. сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т; редкол.: Р.Д.Голдина (отв. ред.), Л.Д.Макаров, В.А.Кананин, Е. М. Черных. - Ижевск: Удмурт. ун-т, 1987. - 180 с.

22. Кананин, В. А. Хозяйство верхнекамского населения эпохи средневековья / В.А.Кананин // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция / НИИ при Сов. Мин. УАССР. -1.2: Археология, антропология и генетика, этнография, фольклористика, литературоведение. - С. 26-27.

1988

23. Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья: межвуз. сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т; редкол.: Л.Д.Макаров (отв. ред.), Р.Д.Голдина, В.А.Кананин, Е.М.Черных. - Ижевск: Удмурт. ун-т, 1988. - 164 с.

1989

24. Кананин, В. А. Древние коми-пермяки в верховьях р. Камы / В.А.Кананин // Вятская земля в прошлом и настоящем: (к 500-летию вхождения в состав Российского государства): тез. докл. и сообщ. к науч. конф., Киров, 23-25 мая 1989 г./ редкол.: Кирюхина Е. И. (отв. ред.) [и др.]. - Киров, 1989. - С. 10-11.

25. Кананин, В. А. Коми-пермяцкое население верховьев р. Камы в эпоху средневековья: (2 пол. I тыс. - I пол. II тыс. н. э.) / В.А.Кананин // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов / АН СССР, УрО, Коми науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории. - М., 1989. -Т. 1. -С. 36-38.

26. Голдина, Р. Д. Средневековые памятники верховьев Камы / Р.Д.Голдина, В.А.Кананин. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. - 216 с.

1990

27. Kananin, V. A. Teaching Uralistica at the Udmurt State University / V.A.Kananin // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum, Debrecen, 27.VIII-2.IX. 1990 / redigunt: J. Barta [et al.]. - Debrecen, 1990. - 2B: Ethnologica et folkloristica, litteraria, historica, archaeologica et anthropologica. - P. 164.

1991

28. Кананин, В. А. Методическое пособие к семинарским занятиям по истории первобытного общества / В.А.Кананин. - Ижевск, 1991. - 8 с.

29. Кананин, В. А. Методические рекомендации по написанию курсовых работ по истории первобытного общества / В.А.Кананин. - Ижевск, 1991. - 13 с.

1992

30. Кананин, В. А. О своеобразии ломовато-родановских памятников верховьев реки Камы (VI-XVI вв.) / В.А.Кананин // Вятская земля в прошлом и настоящем : тез. докл. и сообщ. II науч. конф.: (к 125-летию со дня рождения П.Н.Луппова): тез. докл. / редкол.: Е.И.Кирихина (отв. ред.) [и др.]. - Киров, 1992. - Т. 1. - С. 39-40.

31. Кананин, В. А. Хозяйство верхнекамских коми в эпоху средневековья / В.А.Кананин // Вятская земля в прошлом и настоящем : тез. докл. и сообщ. II науч. конф.: (к 125-летию со дня рождения П.Н.Луппова): тез. докл. / редкол.: Е.И.Кирихина (отв. ред.) [и др.]. - Киров, 1992. - Т. 1. - С. 41-42.

1993

32. Кананин, В. А. И все богатства памяти... / В.А.Кананин // Курьер-2. - 1993. - № 20. - С. 4.

33. Голдина, Р. Д. О верхнекамском компоненте в культуре северных удмуртов / Р.Д.Голдина, В.А.Кананин // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала : тез. докл. археол. совещ., 19-22 апр. 1993 г. / РАН, Ин-т истории и археологии, Урал. гос. ун-т им. А.М.Горького. - Екатеринбург, 1993. - С. 38-39.

34. Кананин, В. А. Под эгидой Юнеско... : [о междунар. конф. «Историческое познание: традиции и новации»] / В.А.Кананин // Известия Удмуртской Республики. - 1993. - 26 окт.

1995

35. Кананин, В. А. О перспективах изучения истории физической культуры / В.А.Кананин, В.В.Пузанов // Физическая культура и олимпийское движение Урала : тез. докл. 3-й науч.-практ. конф. / редкол.: А.А.Данилов [и др.]. -Ижевск, 1995. - С. 35-38.

36. Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы: межвуз. сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т; редкол.: Р.Д.Голдина (отв. ред.), В.А.Кананин, О.М.Мельникова, И.Г.Шапран. - Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1995. - 210 с.

1996

37. Кананин, В. «История состоит из сотен тысяч опытов»: [беседа с деканом ист. фак. Удмурт. ун-та В. Кананиным / записала С. Крюкова] // Известия Удмуртской Республики. - 1996. - 2 марта.

1997

38. Кананин, В. А. Общее и особенное в развитии финно-угорских народностей Прикамья в эпоху средневековья (к постановке проблемы) / В.А.Кананин // Коми-пермяки и финно-угорский мир: материалы I Междунар. науч.-практ. конф., г. Кудымкар, 26-27 мая 1997 г. / Коми-

Пермяц. отд. обществ. наук Ин-та яз., лит., и истории Коми науч. центра УрО РАН. - Кудымкар, 1997. - С. 149-151.

2000

39. Кананин, В. А. Итоги изучения «Зюздинского края» / В. А. Кананин // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: 75 лет со дня рождения В.Ф.Генинга: материалы науч. конф., Ижевск, 28-30 марта. - Ижевск, 2000. - С. 140-145.

40. Кананин, В. А. Этническая принадлежность археологических памятников верховьев р.Камы / В.А.Кананин // Тезисы докладов Российской научно-практической конференции «Этнический фактор и политика. История и современность», 3-4 марта 2000 г.: при поддержке Ин-та «Открытое Общество» (Фонд Сороса) / Удмурт. гос. ун-т, ист. фак. - Ижевск, 2000. - С. 7-10.

2001

41. Кананин, В. А. Высший колледж социально-политических наук (ВКСПН)/ В.А.Кананин // Луч. - 2001. - № 7/8. - С. 31-32.

42. Кананин, В. А. Городище Шудьякар - центр Зюздинской группы населения ломоватовской и родановской культур / В.А.Кананин // Труды / Камская археолого-этногр. экспедиция. - Пермь, 2001. - Вып. I/II. - С. 116-118.

2002

43. Исследовательские традиции в археологии Прикамья : [к юбилею д-ра ист. наук, проф. Р.Д.Голдиной] / Удмурт. гос. ун-т, Ин-т истории и культуры народов Приуралья; редкол.: О.М.Мельникова (отв. ред.), В.А.Кананин, Г.Н.Журавлев [и др.]. - Ижевск : [б. и.], 2002. - 286 с. - (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции; т. 4).

44. Кананин, В. А. Несколько слов о юбиларе / В.А.Кананин // Исследовательские традиции в археологии Прикамья: [к юбилею д-ра ист. наук, проф. Р.Д.Голдиной] / Удмурт. гос. ун-т, Ин-т истории и культуры народов Приуралья. - Ижевск, 2002. - С. 11-15.

45. Кананин, В. А. Рабочая программа по дисциплине «Проблемы формирования раннеклассовых обществ» / В.А.Кананин // Рабочие программы по дисциплинам специализации «Археология» / Удмурт. гос. ун-т, ист. фак. - Ижевск, 2002. - С. 5-12.

2003

46. Кананин, В. А. Голдина Римма Дмитриевна / В.А.Кананин // Историки Урала XVIII-XX вв. / РАН, УрО, Ин-т истории и археологии, Урал. гуманитар. ин-т. - Екатеринбург, 2003. - С. 85-86.

47. Кананин, В. А. Лещинская Надежда Анатольевна / В. А. Кананин // Историки Урала XVIII-XX вв. / РАН, УрО, Ин-т истории и археологии, Урал. гуманитар. ин-т. - Екатеринбург, 2003. - С. 200-203.

48. Кананин, В. А. Майер Вильгельм Евгеньевич / В.А.Кананин // Историки Урала XVIII-XX вв. / РАН, УрО, Ин-т истории и археологии, Урал. гуманитар. ин-т. - Екатеринбург, 2003.-С. 210-211.

49. Кананин, В. А. Макаров Леонид Дмитриевич / В.А.Кананин // Историки Урала XVIII-XX вв. / РАН, УрО, Ин-т истории и археологии, Урал. гуманитар. ин-т. - Екатеринбург, 2003. - С. 212-213.

50. Кананин, В. А. Черных Елизавета Михайловна / В.А.Кананин // Историки Урала XVIII-XX вв. / РАН, УрО, Ин-т истории и археологии, Урал. гуманитар. ин-т. - Екатеринбург, 2003. - С. 408.

2005

51. Кананин, В. А. История изучения археологического прошлого «зюздинских» коми-пермяков / В.А.Кананин // Коми-пермяки и финно-угорский мир : материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (г.Кудымкар, 30 июня - 1 июля 2005 г.). - Кудымкар, 2005. - С.57-60.

52. История. Международные отношения: альманах науч. работ студентов и аспирантов. Вып.2 / редкол.: В.А.Кананин (отв. за вып.), Н.И.Санников, В.В.Пузанов [и др.]. - Ижевск: Удмурт. ун-т, 2005. - 132 с.

2007

53. История. Международные отношения: альманах науч. работ студентов и аспирантов. Вып.3. / Удмурт. гос. ун-т, ист. фак., Высш. колледж соц.-полит. наук; отв. за вып. В.А.Кананин; отв. ред. Н.И.Санников. - Ижевск: Удмурт. ун-т, 2007. - 178 с.

Литература о нем:

Голдина, Р. Д. Кананин Владимир Алексеевич / Р.Д.Голдина // Историки Урала. XVIII-XX вв. / РАН, УрО, Ин-т истории и археологии, Урал. гуманитар. ин-т. - Екатеринбург, 2003. - С.145-146.

Кананин Владимир Алексеевич // Археологи Волго-Уральского региона. Справочник. - Уфа, 2002. - С.31-32.

Личность в науке
(юбилейные очерки и заметки)

Редактирование авторское

Ответственный редактор О.М.Мельникова

Компьютерный набор и верстка В.Г.Базанова, О.М.Мельникова
Художественное оформление И.Г.Соловьева